

ҚАРИНА ДЕЛМИНА

ЕЩЕ БОЛЕЕ
ДИКИЙ ЗАПАД

ДОБРЫМ СЛОВОМ И РЕВОЛЬВЕРОМ

Annotation

Неладные дела творятся в городе Мастеров. То заговор, то переворот, то бордели закрывают, пытаюсь общественную мораль поднять. И как в таких условиях честным наемникам работать? Тем паче, что и подопечного их в розыск объявили. А тут еще и разведка оживилась, и драконы древние то ли окончательно упокоится желают, то ли, наоборот, воскреснуть. И Змееныш, окончательно свихнувшись, объявил себя истинным Императором, того и гляди войну развяжет.

Но ничего, Эдди и Милисента справятся.

Как-нибудь.

Добрый словом и револьвером.

-
- [Карина Демина](#)
 - [Глава 1. В которой приходится принимать неожиданное решение](#)
 - [Глава 2. Где брак заключается на земле](#)
 - [Глава 3. О превратностях брака и высокой общественной морали](#)
 - [Глава 4. Где город поворачивается другим боком](#)
 - [Глава 5. О теории эволюции, драконах и снах](#)
 - [Глава 6. В которой строятся планы и обсуждаются сны](#)
 - [Глава 7. Где речь идет о драконах, истории и одержимости](#)
 - [Глава 8. О высокой морали и револьверах](#)
 - [Глава 9. Где случаются неожиданные находки](#)
 - [Глава 10. О женском предназначении и великих планах](#)
 - [Глава 11. Где открывается путь в подземелья](#)
 - [Глава 12. В которой открываются новые обстоятельства](#)
 - [Глава 13. О том, что и под землей живут люди](#)
 - [Глава 14. Про женитьбу и понимание момента](#)
 - [Глава 15. О том, что здесь вам не там](#)
 - [Глава 16. О превратностях драконьей любви](#)
 - [Глава 17. Где появляются разные мысли о прошлом и настоящем](#)
 - [Глава 18. В которой начинается маленькая война](#)

- [Глава 19. О змеях и разумных опасениях](#)
 - [Глава 20. Где продолжают радеть за судьбу мира](#)
 - [Глава 21. В которой свершается таинство брака и избранных становится больше](#)
 - [Глава 22. О новых знакомствах и неожиданных перспективах](#)
 - [Глава 23. В которой древние драконы дают мудрые советы, но не оставляют инструкций](#)
 - [Глава 24. Где речь идет о планах и перспективах](#)
 - [Глава 25. О том, что жизнь — штука сложная](#)
 - [Глава 26. Про пользу терпения и особенности родословной](#)
 - [Глава 27. О выборе и новом мире](#)
 - [Глава 28. В которой рассказывается о балах и кладбищах](#)
 - [Глава 29. О ревности, тайных комнатах и неожиданных встречах](#)
 - [Глава 30. Где происходит встреча с родственниками и взламывается сейф](#)
 - [Глава 31. О выгодных предложениях и злых колдунах](#)
 - [Глава 32. В которой все почти завершается](#)
 - [Глава 33. Где происходит много всякого и разного](#)
 - [Глава 34. О том, что действительность не всегда соответствует ожиданиям](#)
-

Карина Демина
Еще более дикий Запад

Глава 1. В которой придется принимать неожиданное решение

Город Мастеров производил престранное впечатление. Сперва Чарльз едва не задохнулся от вони. Она была столь резкой, что глаза заслезились, и в слезах этих, в едком тумане, что окутывал то ли вокзал, то ли пристань, он совершенно потерялся.

— Никак не привыкну, — проворчал орк, ухватив Чарльза за шиворот, что и удержало от падения.

Рядом раздался протяжный трубный звук, которому ответил лязг и грохот, но с другой стороны. В лицо пахло жаром, и капли желтого тумана, наверняка ядовитого, испарились, оставив мерзковатое ощущение грязной кожи.

— А к этому, — просипел Чарльз, пытаюсь все-таки прийти в себя. — Вообще можно привыкнуть?

— Со временем, — Эдди озирался вокруг, явно пытаюсь высмотреть кого-то. — Погоди. Держитесь с Милли рядом, сейчас знаки получим.

— К-какие?

— Что находимся тут законно, — Эдди осторожно высвободил Чарльза из рук собрата. — И что пошлину уплатили.

— Пошлину?

— На прибытие, — пояснил орк, доставая кошель. — Люди жадные.

А Чарльз согнулся в приступе кашля. Проклятье... да даже некромант держится лучше, чем он.

— Просто ты отравлен был, — заметила Милисента и под руку взяла. — Вот и... а воняет зверски.

И вправду.

Хуже, чем на нефтеперерабатывающем, и даже чем на бойне, будто... будто всем и сразу. И маслами, и железом горячим, и гарью, дымами, кровью, плотью гниющей.

— Ртом дышите, — посоветовал некромант и протянул железную коробочку. — И смажьте ноздри розовым маслом.

— С-спасибо, — отказываться Чарльз не стал.

И сделал пару глубоких вдохов, мысленно обматерив себя за слабость. Отравлен там или нет, но это еще не повод в обморок падать. Вокзал?

Если так, то подобных вокзалов Чарльз не видывал.

Он огляделся, пытаясь запомнить все-то. И огромную башню, что уходила выше, чтобы удержать на железном теле своем тонкие мачты дорог. По дорогам этим скользили вагончики. Одни нарядные, поблескивавшие медью и позолотой, другие грязные, тяжелые с виду. Башня уходила в небеса, на каждом ярусе своем раскрывая лепестки причалов.

Здесь же, на нижнем уровне, к ней вплотную подходили поезда.

Суетились люди.

Медленно ползла механическая тележка, заваленная чемоданами, а за нею, нелепо переваливаясь с боку на бок, спешил господин в сером костюме и красном тюрбане. За господином вышагивала очень высокая дама, чье лицо укрывала маска.

— Не зевай, — ткнулся в бок кулачок Милисенты. — А то ж обнесут.

И Эдди кивнул, подтверждая, что и это может произойти.

Меж тем поезда разгружались, и лошади, нехотя, фыркая, явно оглушенные, что звуками, что запахами, выходили на перрон. Их тотчас уводили ниже.

— Заберем после. Выдадут, — пояснил Эдди. — Тут им тяжело.

Чарльз согласился. Тяжко было не только лошадям.

Однако, зазевавшись — слева пара механомов на коротких ногах занимались разгрузкой вагона, ловко перекидывая мешки на широкую тележку — пропустил появление высокого человека в черных одеяниях. Тот был узок лицом, хмур и разглядывал прибывших с некоторым сомнением. На голове человека поблескивал шлем, украшенный многолучевой звездой.

— Брось, Вин, — Эдди старательно оскалился. — С каких это пор тут честным людям не рады?

На лице человека ничего-то не отразилось.

— Или закон изменился, пока меня не было?

— Нет, — сухо произнес тот. — Плата поднялась.

— И сколько?

— Женщина — десять золотых, остальным по два.

— С чего бы?

— Приказ Мастера. Женщины подлежат регистрации по особому списку. Незамужние.

— Э, погоди... — Эдди встал между типом и Милисентой. — Это моя сестра.

— Не имеет значения.

— Она почти уже за мужем!

— Тоже не имеет значение. Женщины подлежат регистрации...

— В течение какого времени после прибытия? — уточнил Чарльз.

— Сутки, — ответ был получен, а в глазах типа мелькнуло что-то такое, одобрительное.

— Что ж, у нас есть еще сутки, верно?

— Временной жетон?

— Только для леди, — Чарльз крепче сжал руку Милисенты.

Похоже, дело придется начать вовсе не с поселения в гостиницу.

Ему ответили кивком.

И спустя пару минут Чарльз честно закрепил на пиджаке узкую полоску металла. Золото? Скорее уж позолота, под которой чувствуется искра силы. Стало быть, пропуск не просто так, но артефакт.

Понять бы, какой еще.

Некромант свой разглядывал с немалым интересом, а орк, поглядевши в спину полисмену — во всяком случае Чарльз решил, что человек этот выполняет схожие функции, — поинтересовался:

— И дальше что делать?

— Для начала найти храм, — Чарльз потер руки.

— Зачем? — Милисента поскребла свой значок, который, в отличие от прочих, был медным. А на меди стояли знаки, явно временные отметки.

— Жениться будем.

— Что?!

Эдди вздохнул и виновато потупился.

— Извини, Милли... и ты тоже.

— Ничего, — Чарльз потер глаза, которые все одно слезились. То-то местные в очках ходят, да не простых, а тех, что обычно в лабораториях используют. — Но мне не нравится эта вот регистрация.

Сперва регистрируют, потом на учет поставят, а там окажется... мало ли чего окажется.

— Но... но... — Милисента нахмурилась. — Можно как-то иначе...

— Как?

— Не знаю.

— Вариантов несколько, — Чарльз потер зудящие глаза. — Первый. Мы ищем обратный поезд и убираемся отсюда, чтобы устроить тебя где-нибудь в безопасном месте, а потом вернуться. Мне он не нравится, поскольку сильно подозреваю, что безопасных мест немного. Или... ты с братом возвращаешься, а мы постараемся как-нибудь...

— Не выйдет, — Эдди покачал головой. — Тут и прежде было... в общем, за чужаками приглядывают, а уж если тебя ждут, то...

Он развел руками.

И Чарльз подумал, что вполне возможно его действительно ждут. И вовсе не для того, чтобы воссоединиться большой и дружной семьей.

— Вариант второй. Мы регистрируем тебя, надеясь, что это просто вывих чьего-то бюрократического разума и ничего-то после регистрации не случится.

Орк хмыкнул.

И поправил высокий цилиндр, которым дополнил костюм перед высадкой. Из-под цилиндра свисали косы, украшенные разноцветными перьями, что придавало образу некоторую несуразность. Хотя... что тут считать несуразным?

Мимо гордо прошествовал господин в белоснежном кожаном плаще. Плащ был распахнут, что позволяло оценить и рубаху, и клетчатый килт, и кривоватые волосатые ноги.

— И третий. Мы заключаем брак. Решаем свои дела. А дальше, вернувшись на Запад, брак расторгаем. Если у тебя будет желание?

— А не боишься?

— Чего?

— Что желания не будет, — сказала Милисента, проводив типа в плаще задумчивым взглядом. — Вдруг решу, что меня устраивает графиней быть?

— Отчего бы и нет... — Чарльз пожал плечами и понял, что его вправду не пугает подобный поворот событий. — Полагаю, из тебя выйдет весьма... эксцентричная графиня.

— Это ты меня обругал или похвалил? — Милисента нахмурилась.

— Это я себя... успокоил. Так храм имеется?

— А то как же, — Эдди весело осклабился. — Ты не поверишь, чего тут только нет.

* * *

Собственную свадьбу я представляла себе иной. Ну, когда еще была маленькой, глупой и искренне верила, что выйду замуж по большой любви. Я даже как-то стащила у мамы кружевную салфетку, которой та прикрывала гору подушек. И приладивши на голову, крутилась перед старым зеркалом. А потом медленно и с нужной торжественностью к этому зеркалу шла, представляя, будто иду к алтарю.

Вся такая красивая, в белом платье.

И чтобы шлейф.

Цветочки в волосах. Фата.

Хрипит орган. Матушка смахивает слезы.

Я покосилась на жениха, отметив выражение крайней решительности на его физиономии. Ну... наверное, в городе и вправду устроили бы все красиво. И с чердака старой церкви достали бы шелковые цветы, ленты и прочую мутотень, которая там хранилась и извлекалась исключительно по торжественным случаям.

Матушка точно расплакалась бы.

Или нет?

В местном храме было пыльно и темно. Слабо горела пара лампадок перед темной нишей, а что там в этой нише укрывалось — святой ли Николай или же Мать Прерий с отрезанной головой неверного — не понять.

Главное, что сам храм имелся.

И где-то в вышине, где тонкие оконца пронизывались светом, ворковали голуби.

Это все невзавражду.

Это все... временное. И потом, когда выберемся, графчик подаст на развод. Или я. Скорее даже я, потому как у него воспитание и

совесть. А у меня она тоже, между прочим, имеется. И не буду я живого человека неволить счастливой семейной жизнью.

Он, небось, свадьбу свою тоже представлял иначе.

Я вздохнула.

— Все будет хорошо, — сказал Чарли и по руке меня погладил, успокаивая, значит.

Будет.

У кого-нибудь всенепременно.

Священник, выслушавши наше пожелание, подавил зевок и сказал:

— Налог пять золотых.

Ну и цены у них тут!

— Еще три храму за услуги. И одна монета за выписку свидетельства. Храм лицензирован, а потому свидетельство имеет вес и на внешнем мире, — он сунул что-то за щеку и захрустел. — Отдельно можно приобрести кольца, браслеты или иную атрибутику в классическом стиле. Национальная — под заказ, срок ожидания до трех дней.

Говорил он лениво и, явно утомленный этой речью, замолчал.

— Обойдемся, — Эдди развязал кошель. — Сколько всего? Со свидетельством если.

На кой нам свидетельство?

— Справку для магистрата брать будете? — священник взял с алтаря счеты.

— Будем.

— Тогда десять монет.

Да уж... ничего святого. Даже свадьбы.

— Свидетели? — запоздало уточнил священник.

— Есть.

— Нужны жители города, — он покачал головой. — Как минимум двое. Из числа почтенных граждан. Заметьте, репутация весьма важна.

— Сколько? — поинтересовался Чарльз.

— Пять. За каждого.

— Хорошо, — Чарльз взмахом руки остановил моего братца, который, кажется, собирался выразить собственное категорическое несогласие с подобной постановкой вопроса.

— Тогда, — священник вытер губы рукавом. — Обождите. Вон... можете жертву принести. Или помолиться.

— Кому? — уточнил Эдди мрачным тоном.

— А кому хотите.

И ушел.

А мы остались.

— Да, — заметил некромант, оглядываясь. — Здесь все несколько более... демократично, я бы сказал.

Орк и вовсе проворчал что-то на своем, но вряд ли одобрительное. Я же... я волновалась. Мать его, я действительно волновалась, как если бы это все взаправду! И руки вон похолодели, и вспотели тоже, и стыдно за это. А еще... еще, видит Бог или Боги, уж не знаю, кто там, наверху есть и есть ли вообще, но...

Я, может, и не слишком-то к семейной жизни стремилась. Да только свадьбу представляла иначе.

Чарльз посмотрел на меня, будто спрашивая что-то. Я же покачала головой. Ничего страшного. Это просто... просто нервы, наверное. У всех случаются. А я живая.

Храм же...

Четыре стены. Четыре ниши. А свечи горят только перед одной, что как-то неправильно. Как если бы на день рождения позвали, а тортом обнесли. Ну, торт, может, и другое, но...

Я коснулась огрызка свечи, торчавшей из плоски, и капля силы скатилась на фитиль.

Так-то лучше.

Я перешла ко второй нише. И к третьей. И... и мне не жаль огня. Наверное, трудно быть богом в подобном месте.

— Вы... — я вытерла руки о штаны. — Извините, если что...

К богам так не обращаются.

И нет, никогда-то не испытывала особой почтительности, хотя в местный храм заглядывала. С матушкой. И чтоб её не огорчать.

Тоскливо там было, но хотя бы чисто.

А тут могли бы и паутину смести. Я бы сама смела, честно, но...

Огни вдруг вспыхнули ярко, как не могло бы быть, поскольку от свечей оставались одни огрызки.

Тихо что-то произнес орк, склоняясь перед нишей, в которой проступали темные очертания... чьи? Не знаю. Как ни вглядываюсь,

понять не могу.

Наверное, и правильно. Почему? Просто чувствую, что правильно. И... и ненадолго задерживаюсь перед другой нишей, из которой на меня смотрит...

— Это сиу? — отчего-то шепотом поинтересовался мой будущий муж.

— Ну... наверное. Только какое-то... оно... она...

Страшное.

— Резчик был безруким, полагаю, — предположил Чарльз. А я подумала и согласилась. Это даже не просто безрукий. Это... это слов нет, до чего безрукий.

— И что надо делать? — поинтересовался он, разглядывая статую, кожу которой почему-то выкрасили в черный, но краска потрескалась и местами облепилась, оттого и выглядела богиня несколько плешивой.

— А я откуда знаю?

— Ты же отсюда. В смысле, с Запада.

— И что?

— На Востоке почти не осталось других храмов, — он отличался изрядной терпеливостью, Чарльз Диксон третий граф чего-то там. — А те, которые остались... людям там не рады. И вовсе ходят слухи, что их запретят.

— Как можно запретить веру?

— Поверь, можно.

— У нас в городе церковь стоит. Туда все и ходят. Кому молятся — тут уж каждый сам решает. Боги, они ведь не люди, услышат... а так... Эдди иногда в степь уходит. Но я с ним никогда и... не знаю, можно ли так. Вдруг она обидится? Мы все-таки люди. Или...

Я прикусила губу.

Зачем вообще её поставили? Для сиу? А они есть в городе? Или просто...

Я сунула руку в карман. И вытащила. Надо же... тот самый камушек, который я подобрала на лестнице. Я про него и забыла-то. Кольца и прочее еще когда разобрали, а вот камушек остался.

Может...

Я протянула руку и осторожно наклеила камушек на уродливое лицо, в котором едва-едва улавливалось сходство с сиу. Резчик и

вправду был не особо умелым.

— Прими это в знак... не знаю чего. Просто прими.

Камень блеснул ярко.

И загудело пламя.

Ветром протянуло...

— Вижу, что вы выбрали обряд! — раздался нарочито бодрый голос жреца. — Чудесно... несколько экзотично, однако спешу напомнить, что, вне зависимости от типа выбранного обряда, брак будет считаться законным.

И уставился на Чарльза, будто надеясь, что тот испугается и передумает.

Я бы испугалась.

А Чарли ничего, кивнул и ответил:

— Отлично.

Глава 2. Где брак заключается на земле

В какой-то момент общая абсурдность происходящего, надо полагать, достигла того апогея, за которым восприятие Чарльза притупилось. А потому ни место, ни храм, в который впихнули всех, кажется, местных богов, ни жрец, сменивший обычное убранство на праздничное, Чарльза не удивили.

Как и церемония.

Их с Милисентой поставили друг напротив друга и велели взяться за руки. Руки невесты оказались неожиданно горячими, и Чарльз буквально услышал, как пульсирует сила, желая вырваться.

От волнения?

Страха?

Женщин необычайно волнуют свадьбы, особенно собственные.

...матушка расстроится.

Она так мечтала устроить идеальную свадьбу. И не раз обговаривала, какой та будет. И... и не такой.

Жрец воздел руки к грязному потолку, с которого свисали пропылившиеся ленты, клочья паутины и высохшие до состояния хрупкости цветы. Цветы от звука голоса — а голос у него оказался на диво громким — крошились, и их крошка сыпалась на голову.

Молча и торжественно стояли Эдди с соплеменником, который вовсе казался статуей. Чуть дальше, на лавках, устроились свидетели из числа почтенных горожан. Верно, происходившее не было для них чем-то новым, и потому полноватый мужчина устало уронил голову на грудь, а после даже похрапывать начал.

...матушка желала, чтобы венчание состоялось всенепрерывно в главном соборе.

Красная дорожка.

Невеста в роскошном платье, хрупкая и невинная. Прекрасные девочки с корзинками. Лепестки роз. Песнопения...

...тускло поблескивал алый камень во лбу статуи, и Чарльз не мог отделаться от ощущения, что богиня смотрит.

Глупость какая.

Это просто... место такое. И нервы. Нервы у него не железные. Он все-таки живой человек, а после всего пережитого не удивительно, что мерещится, будто статуи смотрят.

Жрец возопил особенно громко и от голоса его спавший встрепенулся и поинтересовался:

— Уже все?

— Кровь пустят, — неожиданно громким голосом ответил другой. — И тогда все. Потерпи ужю.

Тот, первый, зевнул. А жрец обернулся и скорчил гримасу, мол, торжественность всякую рушите. Потом же, повернувшись к Чарльзу, сказал:

— Руку. Правую.

А когда Чарльз протянул, почему-то и мысли не возникло послушаться, то по руке этой полоснули узким ножом.

Жрец ловко подставил под запястье чашу. Откуда только взялась.

— Повторяй за мной, — велел он. И вновь же Чарльз кивнул.

Повторит.

Потому что... нет, надо остановиться. Где кровь, там и сила, а с силой не шутят. С богиней тоже. Теперь красный отблеск камня мерещился и в глазах её.

— ...кровью своей и жизнью своей...

Чарльз повторяет слова клятвы, хотя и отдает себе отчет, до чего опасно клясться кровью и жизнью. И силу тоже помянули. Она оживает и течет по жилам, чтобы упасть в треклятую чашу. Но губы шевелятся, проговаривая слова.

Это неправильно!

Напрочь неправильно!

Потому что сиу не заключают браков. Но смотрит на него не только темнолицая богиня, но и другие, сокрытые в нишах, тоже.

— ...беречь и защищать.

В клятве нет ничего невыполнимого. Она, если подумать, достаточно размыта. И Чарльз без неё берег бы. Ну и защищал бы, само собой. Он смотрит на ту, которая вот-вот станет его женой. И появляется трусливое желание отступить. Он ведь не обязан! Это не его проблемы! И есть другой выход.

Должен быть.

И вправду отправить их куда подальше и нанять кого другого. Здесь ведь должны быть люди, готовые за небольшие деньги... или за большие, главное, что решить проблему.

Именно.

А он жениться.

Дурак.

Только почему-то он не способен отвести взгляда. И улыбается. Точно, как дурак. И... и голос Милисенты доносится издалека. А слова повторяют уже те, что произнес Чарльз. А еще слышит их не только он. Слышат все. И даже тот толстяк перестал храпеть.

Это важно?

Наверное.

Пальцы жреца, измазанные кровью, касаются губ, чертят полосу на лбу. Какая невозможная дикость. И главное, без розовых лепестков... что за свадьба без розовых лепестков?

Кровь на губах Милисенты делает их невообразимо яркими. И само её лицо меняется. А в глазах мерещится все тот же алый отсвет.

Огонь?

Её огонь согревает. Он сливается с собственной силой Чарльза, которой становится вдруг так много, что он с трудом сдерживает то ли крик, то ли стон. Но сила вдруг успокаивается сама.

— Можете поцеловать невесту, — говорит жрец вдруг осипшим голосом.

И Чарльз тянется к этим губам.

В конце концов, он в своем праве. И коснувшись их, ловит горячий выдох, а потом... потом сила все-таки выплескивается. И он, кажется, падает.

* * *

— Это от счастья, — не слишком убедительно сказал Эдди, глядя на моего свежеиспеченного мужа.

— Точно, — поддержал его орк. — Помню, я как жену увидел, так прямо понял, что счастлив буду. А она потом еще и дубиной приложила.

И макушку потер так, задумчиво.

— У меня дубины нет, — я раздумывала, стоит ли поднять мужа или пусть себе лежит? С одной стороны, конечно долг жены и все такое. А с другой... ну он тяжелый, я помню.

Да и не холодно. Не замерзнет.

С третьей, пойди пойми, сколько он тут лежать будет.

— Видишь, — Эдди склонился над телом. — Тебе и дубина не нужна.

— Не стоит смущать леди, — произнес некромант, который до того держался будто в стороне и так незаметненько, что я сама про него забыла. — Скорее здесь имеет место скачкообразное изменение общего магического потенциала, вследствие чего и случился спонтанный выброс, хорошо, что в подобном месте.

— Бумагу выпишу позже, — заметил жрец, выливая остатки крови под ноги статуи. И главное, что вся ушла, до капельки. Вон, чаша аж заблестела.

И статуя тоже.

— Ишь, как оно бывает, — проворчал тот толстый свидетель, который большую часть свадьбы проспал. — А я говорил, что надобно это все поубирать, пока люди не поубивались...

— Не ты ставил, не тебе убирать, — заметил второй, напяливая котелок.

— И... что делать?

— Думаю, забрать бумагу и отыскать гостиницу. Вам обоим требуется отдых. Ритуалы подобного плана выматывают.

— Плана? — я вот чувствовала, что что-то пошло не так! Категорически не так. — Это вы о чем?

И руки в бока уперла, как делала мамаша Мо, желая подчеркнуть серьезность своих намерений. Может, дубины у меня и нет, но я и без неё обойдусь.

— Гм... — некромант несколько смутился и огляделся. — Вы ведь понимаете, что этот не тот брак, который можно...

Он взмахнул рукой, показывая, что можно.

— То есть...

— Развод не предусмотрен.

Вот Чарли-то обрадуется! А я им сразу говорила, что затея дурацкая, что... и кто его порадовать рискнет?

— Храм живой, — продолжил некромант. А говорит-то мягко, ласково, как с больными. Наверное, я такой и выгляжу в глазах нормального человека. — Мне казалось, что вы ощутили скрытые силы его. Иначе зачем пробудили?

— Я?

— Вы поделились собственной энергией, что в любой культуре является своего рода жертвоприношением.

Ох... ты ж... на запад да через восток!

Чтоб меня...

Меня уже, кажется, чтоб.

— А поскольку принято оно было, полагаю, ввиду своей редкости, ибо люди делятся силой крайне неохотно, то и на просьбу жреца храм откликнулся.

— Храм?

— Боюсь, большего не скажу. Это место требует изучения, но... исключительно теоретически...

— Давай уже, — устало выдохнул Эдди. — Исключительно теоретически...

— Если теоретически, то вполне возможно, что храм нынешний размещен на месте более старого, а тот возник, как часто бывает, на месте еще более старого. Возможно, когда-то здесь было что-то, являвшееся всеобщей святыней. И это объясняет наличие статуй всех, почитаемых в этом краю, божеств.

— Дед сказывал... — произнес орк, озираясь. А потом вдруг согнулся в поклоне, касаясь ладонью грязного пола. И цилиндр содрал. И вытащил из косы перо, которое бережно положил на алтарь.

На другой.

— Что ж, полагаю, я прав.

На меня поглядели презадумчиво.

— Как бы там ни было, ваш брак заключен. И сила приняла вашу клятву. Я не стал бы рисковать, её нарушая.

— Эдди! — мой рев заставил огни взметнуться до самой крыши.

— Да кто ж знал-то! — братец развел руками.

Но выглядел при этом, зар-р-раза, довольным.

* * *

В себя Чарльз пришел в гостинице. То есть, открыв глаза, он увидел белоснежный потолок с лепниной, кусок окна, полупрозрачный тюль и крупную вазу, из которой торчали позолоченные ветви. На ветвях висели позолоченные шары, которые показались донельзя похожими на яблоки.

Чарльз закрыл глаза, подумав, что бредит.

Но лежать с закрытыми быстро наскучило, и он открыл их снова. Как ни странно, но чувствовал он себя великолепно. Боль и усталость, с которыми он за последние дни сжился, куда-то ушли, тело пело и требовало движения.

Поэтому Чарльз сел.

И огляделся.

Комната была не сказать, чтобы большой. В неё вместились огромная кровать с балдахином, прихваченным золотыми кистями, пара туалетных столиков и зеркало. В зеркале отразился странный тип с перекошенным лицом, покрытом какими-то пятнами. Всклоченные волосы, безумный взгляд и след от подушки на щеке.

— Твою ж... — Чарльз, конечно, предполагал, что за время пути он несколько изменился. Но вот чтобы так... да как за него вообще кто-то выйти замуж согласился?

Мысль обескуражила.

Отрезвила.

И заставила подняться. Если он понял, то все пошло вовсе не так, как планировалось. И брак этот... к слову, невеста-то куда подевалась?

То есть жена.

И где он находится? Как сюда попал и вообще...

Голова слегка кружилась, но не от слабости. Сила наполняла и переполняла Чарльза. И ему пришлось сделать глубокий вдох, осаживая её. Вот так, а то право слово, как мальчишка-второкурсник, только-только потенциал раскрывший.

— О! Чарли... — белая, как и все-то в этой комнате, дверь распахнулась, впуская донельзя счастливого Эдди. — Живой! А мы уж беспокоиться начали.

От Эдди пахло розовой водой и еще мясом, сдобой и в принципе съестным, отчего в животе раздалось урчание.

— Живой, — Чарльз сглотнул слюну, которая наполнила рот. — Где я?

— Гостиница «Белый лебедь». Между прочим, лучшая в городе.

— Ага, — Чарльз опять сглотнул, поняв, что еще немного и не справится. — Есть хочу.

— И хорошо! — кажется, Эдди подобное заявление весьма обрадовало. — Значит, живой! И жить будешь. Вот поверь моему опыту...

— Эдди!

— Идем, — он хлопнул Чарльза по спине, и от этого удара Чарльз едва не упал, но был пойман заботливой орочьей лапой. — Ты, главное, не переживай... если подумать, то все не так и плохо.

Прозвучало... не слишком утешительно.

Помимо спальни, в номере для новобрачных — а Эдди доверительно сообщил, что иных-то и не нашлось, разве что одиночные, а им надобен побольше — была гостиная, в тех же светлых тонах и украшенная чучелами лебедей. Исполненные с немалым мастерством, чучела держали огромное зеркало, мимо которого Чарльз постарался прокрасться незаметно, но все одно уловил собственное отражение и не сдержал протяжного стога.

— Ты не переживай так, — Эдди воспринял стон по-своему. — И женатые мужики живут. Женитьба, это же не конец света...

— На твоей свадьбе я тебя тоже так утешу, — мрачно сказал Чарльз, рухнув в кресло. Низкое, укрытое белоснежным покрывалом, оно оказалось мягким, и Чарльз даже решил, что сейчас вовсе провалится.

Не провалился.

Дотянулся до столика, на котором виднелся серебряный поднос, а на нем в свою очередь серебряные же блюда.

Эдди вздохнул.

— Милисента где?

— В ванной. Ты... извини, но это надолго.

— Пускай, — Чарльз поднял крышку и едва не захлебнулся слюной. На крупном куске мяса, украшенном веточкой розмарина, плавился кусок сливочного масла. И золотистые дорожки бежали по стейку, мешаясь с крупной солью и темными перчинками. Появилось желание забыть про все манеры и просто впиться в этот кусок зубами.

Сдержался Чарльз немалым усилием воли.

— Рассказывай, — велел он, понимая, что вляпался во что-то куда более серьезное, чем рассчитывал.

— Ну... тут такое... в общем... — Эдди осторожно опустился во второе кресло и потянулся к кофейнику. — Твой приятель, который некромант, он полагает, что брак вы заключили не просто так, а нерасторжимый.

Мясо оказалось сочным.

И нежным. И вкус его, подчеркнутый приправами, доставил такое наслаждение, что Чарльз замычал.

— Он сказал, что вы принесли клятвы. А свидетелями стали древние силы. Может, даже божества.

— Сиу?

— Не только... что... может, племена помнят не так и много. Мне дед мой говорил, что когда-то были особые места, — Эдди наполнил крохотную чашку, которую держал явно с трудом. — Туда приходили, чтобы вершить суд. Или договор заключать. Или торговать. Или еще что... ну, раньше, до вас, людей, тоже не особо мирно жили. Вот и появились. Там кровь первых всех. Орков, сиу, подгорников, даже людей. И потому-то там древняя сила. А потом появились люди с другой стороны моря и все переменялось.

Чарльз вздохнул.

Стейк оказался куда меньше, чем выглядел, и закончился слишком быстро. Правда, под вторым серебряным колпаком обнаружили ломтики картофеля, обжаренные до золотистой корочки. А к нему — бекон и тонкие острые колбаски.

Соус в соуснице.

Салфетки.

Может, сервировке не хватало изящества, зато еды было много.

— Он сказал, что в ваших храмах вроде как тоже есть эта сила, если туда и вправду ходят молиться. Верить. Ну и делятся душой. Тогда да, тоже клятвы особыми становятся. А если нет...

— В общем, развода не будет? — уточнил Чарльз.

— Ну... — Эдди провел руками по лысой башке, с которой исчезла та мелкая поросль, что пробилась за время пути. — Извини... он говорит, что можно, конечно, но лучше не рисковать. Вы ж и силой клялись.

И еще кровью.

Идиот.

Но злости, странное дело, не было. В конце концов, именно Чарльз предложил эту женитьбу. И на обряд согласился добровольно. И... и у него образование, опыт. Так чего уж тут.

— Милисента как?

— Да... нормально. Вроде. Не знаю. Она же ж... она плакать не станет. И претендовать на что-то тоже, не думай.

— Не думаю, — Чарльз почесал шею, которая раззуделась просто-таки до невозможности. — И не дергайся, я не собираюсь её обижать.

— Я и не позволю, — Эдди глянул так, что кусок в горле застрял. — Не знаю, выйдет чего у вас или нет, но... вдовой остаться она всегда успеет.

И это, пожалуй, не было угрозой.

— Не думаю, что до такого дойдет, — Чарльз протянул руку. — Кофеем поделись. Р-родственничек...

Глава 3. О превратностях брака и высокой общественной морали

Счастье было.

Конкретно в этой ванне. Огромной, даже больше той, что у нас стояла, тем паче, наша давно облезла и водой, если и наполнялась, то давненько. А тут... ванна сияла, краны тоже сияли, и все-то вокруг сияло, было белым и чистым, чем внушало мне некоторые опасения. Я открыла краны и сунула палец под горячую струю.

А потом, как ванна наполнилась, и залезла в воду.

И просто лежала, чувствуя, как отмокает шкура. Кажется, даже придремала немного, но не так, чтобы сильно. Потом уже мылась. Долго. Натиралась душистыми мылами, какой-то фигней в банке, про которую сказали, что она для кожи.

Пускай.

Но чем дольше я лежала, тем сильнее остывала вода, а в голове появлялись мысли... да разные мысли. Большею частью о том, что Чарли новостям не обрадуется.

Он ведь граф.

Всамделишный.

И это я тут могу над графством его посмеиваться, а там, на Востоке, смеяться будут уже надо мной. Я даже высунулась, чтобы в зеркало поглядеть, чего явно делать не стоило. Из зеркала на меня поглядела смуглая до неприличия — еще немного и с сиу по цвету сравниюсь — девица с темными волосами и резкими чертами лица. Губы у нее были тонкими и большими. Помнится, судейская дочка еще мой рот жабым обзывала. Нос с горбинкой. Глаза... глаза, пожалуй, что и ничего. А вот шея длинная, как у жирафы, которую я на картинке видела. И сама-то тощая.

Кости торчат.

Кожа... кожа вон ниже шеи белая. И на руках тоже. И будто я то ли перчатки одела, то ли вымазалась. А матушка еще когда предупреждала, что приличные леди носят перчатки.

И маски от солнца.

Носила бы...

Не помогла бы маска, даже если загар отскоблить, все одно я останусь не совсем, чтобы человеком. Может, не настолько, как Эдди, но коль приглядеться, то чувствуется во мне иная кровь.

И вообще...

С этой мыслью я нырнула в остывающую воду, под которой и сидела, пока хватило дыхания. А как закончилось, то вынырнула.

— Хватит, Милли, — сказала я своему отражению, стараясь подражать мамаше Мо. Вот кто умел изгонять бесов, в том числе и трусости. — Вовек в ванной не спрячешься.

А вот волосы мыть надо.

И мыла. Дважды. А они все одно остались черными и спутанными. И... белый мягкий халат, который единственно нашелся из одежды — Эдди обещал решить вопрос — нисколько не успокоил.

Я осторожно приоткрыла дверь и ничуть не удивилась, обнаружив графчика.

Графа.

К мужу стоит отнестись серьезно. Он сидел на белом диванчике и глядел в пустую кружку.

— На кофейной гуще гадаешь? — спросила я, потому что нужно было чего-то сказать.

Подозреваю, основное он узнал от Эдди. А я... я стою. С полотенцем на волосах. Мамаша Мо так закручивала, чтоб не просквозило. Тут, конечно, сквозняков нету, но с полотенцем все одно как-то спокойнее.

— Скорее думаю.

— Злишься? — не люблю недоговорок.

Я бы вот злилась, если по-хорошему. Да и... и должна бы, и странно, что не злюсь. Я ведь тоже не хотела замуж. Но...

— Нет, — он покачал головой. — Ничуть. Сам должен был бы подумать.

— Эдди говорит, что все не так страшно. Что надо просто изучить клятву и... и может, что-нибудь придумаем.

— Придумаем, — соврал Чарльз.

А я взяла и поверила.

— Там... вода есть горячая. Хорошо. Правда, одежды нет, но Эдди сказал, что купит на первое время. А потом уже сами.

— Как мы вообще сюда попали? — Чарльз отвел взгляд, а я вспомнила, что из той самой, упомянутой одежды, на мне только халат.

И это как-то... неудобно, что ли. Не в том смысле, что в халате, но просто вдруг подумалось, что он муж и вообще. А я в халате стою.

— Эдди привел. Сказал... сказал, что если творится неладное, то лучше сюда. Тут место приличное. И хозяин с Мастерами дружен. А стало быть, лишь бы кто не сунется. Но дорого, да...

Я замолчала.

— Это ничего, деньги — не проблема. Ты, наверное, голодна? А я все съел. Проснулся... знаешь, будто три дня как минимум ничего в рот не брал. Такой голод, — Чарли говорил нарочито бодро и за бодростью этой угадывалась та же ложь и нежелание говорить о том, что и вправду важно. Наверное, в другой раз я бы согласилась, что если человек говорить не хочет, то оно и не надо.

— Думаешь, ничего не выйдет? Клятву обойти и... и вообще? — я подошла к креслу и забралась в него с ногами. В халат укуталась поплотнее. Муж там или нет, но нечего пялиться.

— Не знаю, — Чарльз выдохнул с облегчением. — Но скорее всего ты права, не выйдет.

— И что теперь?

Нет, я не ждала, что он прямо сейчас возьмет и ответит, скажем, что несколько не расстроен и вообще всю жизнь мечтал о таком вот браке. Или что влюбился в меня с первого взгляда, а потому тихо страдал, не надеясь на взаимность.

В романах мужчины всегда страдают тихо.

— Теперь... понятия не имею, — Чарльз поскреб шею. — Как-нибудь уживемся. Надеюсь. И вообще... ты не самый худший вариант.

Наверное, это можно было счесть комплиментом, но за такой комплимент появилось острое желание дать в морду. Не худший? Я не хочу быть «не худшим»!

— А кто худший? — мрачно уточнила я.

Чарльз задумался. Ну да, не так и просто выбрать.

— Лилианд Пендриксон.

Уже бесит.

Дурацкое имя.

— Это кто?

— Дочь матушкиной подруги.

Которая, наверняка, истинная леди и вообще матушке нравится. А когда кто-то матушке нравится, это... это серьезно.

— Она милая девушка, но... — Чарльз щелкнул пальцами. — Совсем не такая, как ты.

— Женить хотели?

— Очень.

— А ты?

— А я сопротивлялся. И мы даже поругались с матушкой. Она обиделась.

Ясно.

А меня увидев, обидится еще больше. Я подавила тяжелый вздох.

— Милли, я не собираюсь тебя к чему-либо принуждать. И поверь, практически из любой ситуации можно найти выход. Главное... давай сперва текущие проблемы решим, а?

— Это какие?

— Ну... — Чарльз загнул палец. — Отыщем мою сестру. Придумаем, как её вытащить, и это, чувствую, будет непросто. Еще надо найти сиу. И того типа, который дурит им головы. Невеста Орвуда, дочь орка, чужие артефакты...

— А их мы тоже искать станем? — уточнила я на всякий случай, подумав, что и вправду. Чего это я о замужестве печалюсь. С такими планами и овдовею раньше, чем привыкну к наличию мужа.

— Несомненно. Мне кажется, все это звенья одной цепи.

Чарльз поскреб шею.

— И... извини.

— Вода горячая тут не заканчивается, — я махнула в сторону ванны. — Иди, а то ведь оно ж так... неприятно. А Эдди когда вернется, не сказал?

* * *

Вернулся братец ближе к ночи.

Был он мрачным, злым даже и еще насквозь пропах улицей.

— На от, — он кинул сверток, в котором обнаружилась чистая белая рубаха, и брюки, и даже корсаж, расшитый серебряными узорами. Завершал костюм узкий жакет с короткими, в три четверти рукавами. — Чарли...

Мой супруг поймал второй сверток.

Что сказать, местный наряд из потертой бурой кожи, ему весьма даже идет. Сразу вид такой от стал, серьезный. И с выражением лица сочетается.

Даже облупленность в тему.

Гармонирует, как сказала бы матушка, с общей потрепанностью платья.

Эдди же, плюхнувшись на низкое кресло, которое хрустнуло, но братцев вес выдержало, сказал:

— Странные дела туточки творятся, — он сцепил руки на животе. — Думаю, надо уходить и... в общем, я зашел в банк. Они сворачиваются.

— Плохо, — Чарльз покосился на меня.

А я что?

Штаны пришлись в пору, рубашка тоже, а вот корсаж я затягивать не стала. Как-то оно... в заведении Бетти многие девицы его носят. Но на голое тело. У меня вроде на рубашке, а ощущение такое, будто на голое тело. И нечего глазеть.

От наличия корсажа сисек у меня не прибыло.

Ну... наверное.

— И я о том же. Подземники, что крысы, чуют неладное. Бордели закрыли. То есть, как это... провели экспроприацию с целью освобождения невинно эксплуатируемых женщин. А тех перевели в работные дома, но не всех. Сказывают, что где-то третья часть исчезла, а куда — никто понятия не имеет. Среди бывших шлюх слухи ходят самые разные.

Я подергала корсаж и пожалела, что не стала жакет набрасывать. Показалось, будто жарко. Теперь и вправду чую, что жарко, аж просто невыносимо жарко.

— Думаешь, искали одаренных?

— А кого еще? Но это очень и очень плохо. Стало быть, наш Змееныш сумел поладить с Мастерами. А Мастера тут — закон.

— О нем...

— Пока слухи один другого странней. Честно, если хотя бы половина правда, то тут все свихнулись. Может, действительно, свихнулись, но нам от этого не легче. Никто не возьмется за заказ, — Эдди сжал кулак. — Одно дело воевать против чужака с амбициями, и совсем другое — идти против Мастеров. Как бы...

Он поморщился.

— Еще тут... создали комитет нравственности.

— Чего?! — удивилась я.

Они б еще Лигу трезвости придумали, в пару, стало быть.

— Комитет, — буркнул Эдди. — Нравственности. Чтоб, значит, предотвратить преступления и защитить всех женщин. И по нему все женщины, которые незамужние, девицы там или вдовы, должны зарегистрироваться в этом вот комитете. И туда обращаться, если вдруг понадобится помощь.

— Благие намерения... — осторожно заметил Чарли, старательно отводя от меня взгляд.

— В жопе я видел такие благие намерения. Комитет вроде как собирается бороться за нравственность, а потому найти каждой женщине в городе мужа.

— Ты ж говорил...

— С этим-то как раз проблем нет. Мужа тут найти несложно, если не совсем страшная. Другое дело, что в этот комитет можно и жалобу подать. На недостойное поведение. И тогда случится разбирательство. Уже случалось... и несколько женщин были направлены на исправление.

— Это... нормально? — осторожно уточнил Чарльз.

— А сам-то как думаешь? Это ни черта не нормально! Здесь никогда-то никому не было дело до чужой морали или аморали, — Эдди потер шею. — А теперь... ходят, выглядывают... и умные люди уже поняли, что к чему. На выезд теперь особое разрешение нужно. Не всех, а женщин. Чтоб, стало быть, не продавали их во внешний мир, где станут нещадно эксплуатировать.

— А...

— И рабов коснулось. Мужчин можно продавать, а женщины отныне под защитой. Такое вот глубокое, мать его за ногу, общественное благо.

Точно, мать его за ногу.

И мне это не нравится. Настолько, что прямо-таки тянет перчатки примерить да ружье свое, с которым я уже, почитай, сроднилась, к груди прижать.

Чарльз поглядел на меня.

На Эдди.

И опять на меня.

— А...

— Исправительное учреждение, куда всех-то, что шлюх, что иных, кому не повезло, расположили не где-то там, а при башне Мастера-Основателя.

— Это плохо...

— Это ох... очень плохо, — согласился Эдди. — Тем паче, что теперь белую часть города закрыли для посторонних. Вроде как из соображений безопасности. И пускают туда исключительно по особым приглашениям. В общем... денег понадобится больше, чем я думал.

— А помогут?

— Приглашение купить несложно, всего-то десять тысяч и... — Эдди замолчал. — Проблема в другом. Мне тут намекнули, что тебя ищут.

— Меня?

— Ну... не лично тебя, но некоего молодого человека при деньгах, рожею весьма с тобой похожего. Ну, с тобой прежним. Нынешняя твоя обгорелая, она как бы и другая. Так сразу и не скажешь, что ты — это ты. Если еще глаз подбить, то вообще хорошо будет.

— Пока... давайте воздержимся.

Я согласилась. Глаз подбить никогда не поздно. Да и сомневаюсь, что искать будут только по физии. Я-то помню, сколь мало портреты, шерифу приходившие, на нормальных людей похожи.

— У них наверняка слепок имеется, — похоже, та же мысль пришла в голову и Чарли. Он потер подбородок. — И имя... я ведь не прятался.

— Думаю, что все и сразу.

— Слепок ладно... это если попадусь куда, то сличать будут. Или в банке...

— Подгорники с таким связываться не станут, — покачал головой Эдди. — Они репутацию блюдут, а если выплывет, что они клиента сдали... нет, точно не станут.

Он издал тяжкий вздох и сказал:

— А вот жрец — дело другое.

Твою...

А ведь и вправду, нам и в голову не пришло другие имена называть. И бумагу нам выправили. И...

— Есть, конечно, небольшой шанс, что искать тебя в храме не станут, что просто разминетесь, но тут такое дело...

— Полагаться на этот шанс не след?

— Именно, — Эдди покрутил в пальцах камушек. — В общем... придется переехать.

— Куда?

— К одному... человеку. Он мне должен.

— Не выдаст?

— Кто ж его знает, — камушек выскользнул из пальцев и покатился по столу. — Не должен, но сам понимаешь... тут такое дело... кто живет в городе, он не особо хочет связываться с Мастерами. Этак живо можно в пустыне оказаться. Или еще где.

Уточнять, где именно, Эдди не стал. А я не стала спрашивать.

— А что с приглашением. Кто пойдет?

Эдди поглядел на Чарли с упреком:

— Я, конечно. Говорят, там можно за сходную цену жену себе прикупить. Вот и поглядим. А то как-то оно нечестно выходит, что ты женатый, а я вот один одинешенек. Друзей в беде не бросают. Вместе страдать будем.

Вот ведь. А еще брат называется!

Глава 4. Где город поворачивается другим боком

Из гостиницы, которая снаружи выглядела этаким серебристым шаром, уходили тихо, не став беспокоить почтенного хозяина, благо, тот отходил ко сну рано и того же ожидал от гостей.

Вещей было немного, а что имелось, уместилось в весьма просторную сумку.

— С лошадьми вот... нехорошо. Я за конюшни уплатил, но... Итону отписался, чтоб забрал их, закинет на станцию, а там отправит с человеком верным.

Эдди вновь вздохнул.

— Если что, то затраты я возьму, — поспешил заверить Чарли. Но Эдди лишь отмахнулся:

— Не в том дело. А... мы ж ехали вместе. И фамилия у нас одна. И...

— Тебя свяжут со мной?

— Думаю, что да. Оно хорошо считать, что с дураками дело имеешь, да дураки бы Мастеров не зацепили. Они ныне, конечно, не те, что прежде, но тоже не глупые. Стало быть, если найдут священника, то и меня вычислят быстро.

— Плохо.

Чарльз пытался придумать что-то, но в голову ничего не приходило.

— Я бы сказал, что вовсе дерьмово...

Улицы были пусты.

Они освещались огромными шарами, которые свисали с толстой веревки, словно яблоки. Шары светили неравномерно, и на стенках их виднелись пятна, будто яблоки подгнивать стали.

Пахло... также.

Дымом. Гарью. Железом. И еще сотней алхимических растворов, смешавшихся вместе. Где-то над домами висел покров желтого тумана.

— Поэтому надо быть готовыми, что уходить придется в спешке.

Эхо шагов тонуло в железных стенах. И Чарльзу подумалось, что железа здесь как-то слишком уж много. Что это железо, если

разобраться, оно повсюду. И от этого становилось не по себе.

Где-то впереди раздался грохот, что-то свистнуло, и по узкой улочке проползла железная гусеница. Она двигалась медленно, рывками. Тонкие ноги-ходули с трудом удерживали тяжелое тело, и то покачивалось, и от натуги пыхало паром.

Желтым.

Еджим.

— Вопрос в том, как уходить, — Чарльз закрыл лицо рукавом.

Милли чихнула.

И тоже рукав подняла.

— На от, — Эдди протянул ей платок, а второй Чарльзу. — Завяжи. Тут порой тяжко. Итон вывезет, если что. Не за бесплатно, но вывезет.

Хотелось бы верить, ибо, если чудом выйдет пересечь пропасть, а потом и горы, которые определенно поднимали вовсе не для того, чтобы их мог пересечь любой желающий, то с мертвой пустыней так просто не получится.

Эдди резко обернулся и прижал палец к губам. Знаком указал на стену, и Чарльз послушно прижался к той. Спиной он чувствовал холод камня, и неровность его.

Милли встала рядом. И в руках её появились револьверы.

Да что происходит? Но тут Чарльз услышал звук шагов. Тот, кто шел, не прятался. Он ступал медленно, слишком уж медленно.

А еще он был магом.

И...

— Это Орвуд, — сказал Чарльз, выдыхая с немалым облегчением. Сердце бешено колотилось, а руки вспотели.

— И не только, — Эдди тряхнул головой. — Выходи уже, я тебя слышу.

Огромная тень отделилась от стены, и Чарльз подумал, что охотника из него точно не получится. Он не чуял орка. И не видел, пока тот просто не возник перед Чарльзом.

— Прошу прощения, — а вот некромант приподнял шелковый цилиндр. — Но мне показалось, что вы решили нас покинуть.

— Не показалось, — мрачно произнес Эдди, убирая револьверы. — С нами не безопасно.

— Я уже понял.

— Слышал?

— Беседовали вы громко, а у моего нового друга до крайности чуткий слух. Просто поразительно!

Почему-то все посмотрели на Чарльза. А он даже не сразу сообразил, почему смотрят. А сообразивши, обругал себя.

Идиот!

Надо было полог защитный поставить. Ведь всегда же ставил, а тут...

— Извините, — Чарльз сумел взять себя в руки. — Подозреваю, начинает сказываться переутомление. И...

— Мы с вами можем быть полезны друг другу, — Орвуд перехватил щегольскую тросточку. В руке он держал дорожный саквояж, судя по позолоченным уголкам, одной весьма уважаемой фирмы. — В конце концов, мы преследуем одну цель.

— Именно, — прогудел орк, озираясь. — Идти надо.

Эдди вздохнул.

Милисента погладила Чарльза по руке, успокаивая. Мол, с кем не бывает. Только спокойствия это не добавило. Если их подслушали эти двое, то мог еще кто-то.

— Идем. Там, на месте поговорим, — Эдди развернулся. — Только тихо. Ни к чему привлекать лишнее внимание.

У Чарльза тут же возникли сомнения. Сложно представить, что компания из орка, полуорка, пары магов и одной девицы, одетой совершенно неприлично, в принципе способна не привлекать внимания. Но тут же снова себя обругал.

— Станьте рядом, отвод глаз накинута, — сказал он.

Послушали.

Дальше... дальше просто шли.

И дальше.

И ниже.

Город этот, состоявший из камня и железа, плодил улицы и закоулки, среди которых человеку незнакомому было легко затеряться. Вот и Чарльз весьма скоро вовсе перестал понимать, куда он идет.

Прямо.

Влево. И снова прямо, почти протискиваясь меж двух стен. Вниз по ступеням. И прямо. Стены уже где-то выше. И опять вниз. А потом

еще и еще, пока они не оказались где-то под землей. Здесь город продолжался, выгрызая себя в камне.

Под ногами хлюпало.

И воняло изрядно. Платки пригодились, хотя вонь все одно пробивалась. Хуже всех приходилось орку. Он терпел, но Чарльз спиной ощущал его раздражение.

Не сорвался бы.

— Уже почти, — Эдди тоже что-то такое почуял. — Это нижний уровень. Хотя и не самый нижний.

— Куда уж ниже, — некромант протянул орку жестянку. — Прощу. Нанесите на верхнюю губу. Это несколько притупляет запахи. И вы тоже, леди. Господа?

Отказываться Чарльз не стал. Если уж кто и знает, как избавиться от вони, так это некромант. Мазь слабо пахла травами. Впиталась она быстро, а спустя несколько секунд окружавшие Чарльза запахи поблекли.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — жестянка исчезла в кармане кашемирового пальто, явно шитого на заказ.

А они остановились.

Этот дом стоял словно бы наособицу. Да и не дом вовсе, каменный куб, на который поставили еще один, но как-то криво, а потому его поспешили закрепить деревянными подпорками и галереями, что соединяли дом с другими, почти полностью ушедшими в камень.

— Погодите. Постойте, — Эдди потер руки. — Я сейчас.

Он сунул пальцы в рот и издал тонкий свист, на который в доме открылась дверь. А вот интересно, Чарльз эту дверь и заметил-то только, когда та открылась.

Даже не дверь. Кусок стены вдруг в эту самую стену провалился.

Эдди заглянул в провал, после вовсе в нем исчез, но вернулся до того, как Чарльз начал волноваться.

— Идем, — сказал он и что-то в голосе заставило насторожиться.

Но нет. В доме было пусто и темно. Правда, стоило хлопнуть в ладоши, и где-то под потолком слабо засветились полуразряженные камни.

— Только, Эдди... — человек, который стоял у стены, был невелик, но это все, что Чарльз мог о нем сказать. Слишком темно. Да и человек кутался в просторные одежды. — Слушок пошел, что за тебя заплатить готовы.

— Много?

— Не так много, чтобы здравомыслящий человек рискнул, — человек набросил на голову капюшон. — Но сам знаешь, здравомыслящих тут немного. Потому поостерегись.

Чарльз удержал за руку Милли, готовую шагнуть на свет. Морок работает, и кто бы ни стоял там, у стены, увидит он немного — размытые силуэты, на которые и глядеть-то не хочется.

— Спасибо, друг.

— Не за что... живи и... если что, то я тебя не видел.

— И я тебя.

— Еда там, вода тоже. Правда, фильтры маленько барахлят, но переберешь.

— Только фильтры?

— Ищи. Что найдешь, то твое.

— А мастерская?

— Закрылась, — это человек произнес с тоской. — Не слышал о новом законе?

— Каком?

— А... ну да, ныне законов стало как-то слишком уж много. В общем, чтоб мастерскую держать, надобно получить лицензию. А для того — пройти освидетельствование. У мастеров. Чтоб, значит, подтвердить статус и знания.

Эдди выругался.

— Многие уже ушли. Я вот ждал, думал, может, отменят... но... третьего дня, помнишь Бена?

— Который одноногий?

— Его. Он вроде как закрылся, но людям знающим помогал, как попросят. Кто-то донес... и забрали Бена.

— Суд?

— Был... дали штрафа, а откуда взять, когда все конфисковали в доход города? Ну и пойдет, стало быть, тоннели строить. Нет, Эдди, ты как знаешь...

— А...

— Чтоб освидетельствование пройти, надобно в мастерской поработать. И ладно бы просто даром, так нет... сто пятьдесят золотых! Представляешь? — возмущение мастера было вполне искренним. — И дело даже не в том, что это... мать его...

Он добавил пару слов покрепче.

— Многие пропали, Эдди. Вроде как решили лицензию взять, там с нею и послабления обещали, налоги ниже, право участвовать в аукционах и вовсе продавать через Верхние Мастерские. И решились. Вышло. А потом пропали. Не все. Некоторые. Из крепких мастеров. Ни про Кривороты, ни про Шипа я больше не слышал. Нет, Эдди, что бы тут ни затевалось, оно точно не к добру. Так что я с Итоном ухожу.

— А он...

— Уйдет. И вернется. У него ж поезд. Хотя... я уже начинаю думать, что этот поезд ему надолго не оставят. Рад был повидаться. И... удачи тебе.

Человек выскользнул сквозь щель в стене.

И стало тихо.

В тишине этой было слышно, как потрескивает искра, попавшая под колпак лампы, и гудят трубы в стенах. А еще где-то там, далеко, капает кран.

Или не кран.

Но капает.

— Да уж, — Эдди поглядел на светильники, которые скорее сгущали тьму, чем давали свет. — Честно говоря, не знал, что так... я тут давненько не был, с полгода точно. Но такое...

— Думаю, об этом тоже следует побеседовать, — с тошнотворной бодростью произнес Орвуд. — Но для начала стоит заняться нашим пристанищем. Чарльз, вы сумеете зарядить лампы?

— Сумею, — Чарльз прищурился.

Накопители в системе стояли нестандартные. Да и сама она, питавшаяся от короба, выглядела незнакомой.

— Чудесно. Я тогда займусь плесенью, — некромант снял белоснежные перчатки, отправив их в нагрудный карман. — Полагаю, здесь частенько случались выбросы энергии, а вот экранировали помещение давно и защиту не обновляли, отсюда...

Он продолжал говорить что-то еще, заполняя пустоту.

— Тут мастерская была, — сказал Эдди. — Это старый знакомый. Мастер. Не тот, который от основателей, но неплохой. Мы... поладили. Я ему приносил кое-что на продажу.

Вряд ли законного происхождения.

— И брал опять же. Камни... Милли заряжала, хотя это долго, да... туда-назад... тут всегда хватало тех, кто за недорого готов был зарядить камни. А оно вон как вышло.

— Не сдаст? — уточнила Милли.

— Понятия не имею. Сам вряд ли. Он мне кое-чем обязан, а такие люди верят в удачу. Но если возьмут и прижмут, тогда да, запираяться не станет.

Что логично.

— Другое дело, что о нашем знакомстве никто и не знает. Так что шанс есть.

Чарльз откинул крышку ящика и вытащил первый из дюжины камней. Крохотный совсем, и силой заполнился быстро, впрочем, как и остальные. А схема интересная. И сама мысль заменить несколько крупных и дорогих накопителей более мелкими и дешевыми достойна внимания.

Любопытно будет посмотреть, надолго ли их хватит.

Но света стало больше. Хватило, чтобы разглядеть место. И вправду, мастерская, точнее её остатки. Столы. Какие-то ящики под ними. И другие — на стеллажах, что вытянулись вдоль стены. Массивная туша сварочного аппарата, правда, изрядно закопченного и вряд ли рабочего. Голем, от которого сохранился лишь остов и тот частично.

Плавильная печь.

Дорогая штука, но слишком тяжелая, чтобы тащить с собой. И вряд ли новая, иначе её бы продали.

— Жилые на втором этаже, — сказал Эдди. — Только... он еще та свинья.

И оказался прав.

Глава 5. О теории эволюции, драконах и снах

На втором этаже стойко и резко пахло прокисшим пивом — ненавижу этот запах с детства — и падалью. Я огляделась.

Комнаты две.

В одной, поменьше, нашлось место для огромной ванны, покрытой ржавчиной и какой-то черной слизью. Над ванной из стены выглядывал кран, с которого свисали зеленые нити то ли плесени, то ли водорослей. Пол был черен. И покрыт толстым слоем мусора.

Мамаши Мо нет на этого мастера!

Вторая комната была не чище. Тот же пол, правда, с ковром, который к полу прилип намертво. Тот же мусор — мятая рваная бумага, песок, обертки, какие-то железяки, куски ткани, кости и шелуха семечек, огрызки яблок и зачерствевшие до сухого состояния булки. Но зато здесь имелся огромный стол, украшенный золотыми медальонами. С медальонов скалились морды львов, пусть и несколько заросшие черной липкой грязью, но все одно грозные.

Зеркало на тумбе.

Кровать.

Одна. Пусть огромная, с половину комнаты, но одна! И... и лечь на неё я не рискну. Покрывало пестрело пятнами. Прямо посреди кровати валялась канистра, из которой тихо капала черная жижа.

— По-моему, тут спалить все проще, чем убрать, — сказала я Эдди.

И тот вздохнул.

— Извини, но... сюда точно без нужды никто не сунется. Это место он держал для особых... сделок. А так у него своя мастерская на верхнем уровне. А про это, если и знают, то далеко не все.

Может и так, но уютнее от осознания сего факта не стало.

Уборка.

Ненавижу уборку.

Мамаша Мо полагает, что это явный признак одержимости бесами. Прежде всего — лени. Ибо женщина просто-таки обязана от

рождения жаждать порядка. Нет, порядок я любила, но чтоб вот так его наводить...

Пришлось.

Вон, даже супруг мой мусор собирал, пусть и с прискорбным видом. А некромант, который, небось, тоже не из простых, вдоль стен прошелся. Уж не знаю, чего он сделал, да только щекотно стало, а еще плесень с этих стен сама осыпалась. Порой вместе со штукатуркой, обнаживши подгнившее дерево, ну так то издержки, так сказать.

Орк сгреб и вынес ковры. Понятия не имею, куда он их дел, но под коврами обнаружился весьма приличный пол почти натурального цвета. Эдди предположил, что сугубо в теории можно и остальной отмыть, что он тоже натуральный, только замызганный, однако почему-то ни у кого не возникло желания теорию практикой проверять.

— А заклинания нету какого-нибудь? — уточнила я на всякий случай. А то вдруг окажется, что зря мучаемся и можно как-нибудь похитрому пальцами щелкнуть, чтобы оно все само взяло и убралось.

Я аж зажмурилась от такой перспективы.

— К сожалению, нет, — разочаровал меня Чарли. — Есть какие-то бытовые заклинания, вроде бы как... точно знаю, что для чистки каминных труб. И для решеток тоже. Стабилизирующие. Артефакты, пыль притягивающие, тоже существуют. Но я, к сожалению, ничего такого не умею.

— Жаль, — я подавила вздох.

Оно, конечно, огненную стену полезно пустить, особенно на мертвяков, но в данном случае пыль была бы актуальней. Ничего, вот вернусь на Восток и выучу.

Или нет?

К утру управились.

Последней, после весьма продолжительной дискуссии, вытащили кровать, вместе с матрасом, на котором пестрели странного вида пятна, простынями, что прятались тут же, скомканные и печальные, и подушками.

— А спать на чем будем? — позевывая, поинтересовалась я.

Тут даже одеял нету, с лошадьми остались.

А поспать я бы не отказалась.

— Могу предложить вам свое пальто, — сказал некромант. А Чарли нахмурился этак, не по-доброму. Но пальто не предложил. — Но, полагаю, что где-то здесь должен быть магазин. Или еще какое-нибудь место?

— Есть, — ответил орк, поправляя цилиндр. — Я загляну. К вечеру будет.

Я кивнула.

До вечера как-нибудь продержусь. А пока и в кресле подремать можно. Что-то притомила меня эта уборка.

Я забралась в кресло с ногами, разуваться тоже не стала, и ружье, к которому привыкла уже, поближе поставила. А то ведь... место надежное, если Эдди так говорит, но мало ли.

С ружьем, оно всяко надежней.

Стоило закрыть глаза и... я провалилась в сон. Но и во сне я ощущала зверскую усталость, что злило невероятно. В конце концов, нормальные люди спят, чтобы отдохнуть, а я вот... опять город.

Площадь.

Помост, покрытый золотой тканью, и знакомое кресло на нем. Надо же, вынесли. А ведь тяжеленным гляделось! На кресле — человек в алых с золотом одеждах. И шелка яркие, что кровь. Сам же человек стоит так, что смотреть на него сложно — солнце глаза слепит. И я щурюсь, заслоняюсь от яркого этого света.

Иду.

И главное, я прекрасно понимаю, что сплю, что все не взаправду. Но это странным образом только больше злит. Вот почему нормальные люди во сне что-нибудь приятное видят? Фэйри там или цветущие луга, золотые горы или шоколадные.

Шоколада захотелось.

И в животе заурчало.

Это урчание было таким громким, что человек, сидевший на троне, повернулся ко мне. Надо же, а помню эту рожу распрекрасную.

— Привет, что ли, — сказала я, подавив зевок. Нет, этак я точно свалюсь, если и там, и тут жить буду.

— Проклятая кровь! — возопил этот, в одеждах, и руки воздел.

— Скажи чего-нибудь нового.

Я поглядела.

А высококонько-то забралась. Или это как во сне? Сделал шаг, а уже вроде и на вершине горы, стоишь, глядишь, рукой пропасти помахиваешь?

Пропасти не было, но имелась лестница, которая терялась там, внизу. И люди, что окружали и помост, и лестницу, и нас вот... а они нагишом ходят — это нормально? Нет, шкуру там расписывают золотом и серебром, и еще камушками драгоценными, отчего кажется, будто они чешуей покрыты.

А главное, весь срам напоказ!

Я покачала головой.

— Ты пришла, — тот, на троне, поднялся, опираясь на посох. А тяжеленный с виду! Таким по башке кого приложить — самое милое дело.

— Можно подумать, у меня выбор был.

Я подавила очередной зевок.

— Что вам от меня надо?

А то и вправду, само это, чую, не прекратится. У меня же ж тоже нервы имеются, это же ж никакого порядку не будет, если то тут, то там.

— Отпусти нас, — сказал он.

— Куда?

— В смерть, — прекрасное лицо исказила судорога. — Позволь уйти.

— Идите.

Я сказала это громко, чтобы слышали все, но ничего не произошло. Может, надо еще громче?

— Бестолковая, — покачал головой найпрекраснейший покойник.

— Какая уж есть, — я опустила на ступеньку и подвинулась. — Садись, что ли. Поговорим?

Он хмыкнул. И посох свой перехватил. А я еще подумала, что если он этим посохом меня приложит, то я помру или проснусь? Но он посох приткнул сбоку кресла и спустился.

Сел.

Рядом так.

А ведь я чувствую, что он неживой. То есть, нельзя сказать, чтобы совсем мертвый — мертвяки другие чутка — но и не живой.

— Звать-то тебя как?

— Солнцеподобный.

— А для друзей если?

— Ты не друг.

— Ну почему, я ж вроде и не враг... ты извини, — стало вдруг стыдно, что я его ограбила. Ну и кости в беспорядке оставила. Может, надо было хотя бы в кучку сложить, так оно вежливей.

— Ничего. Та плоть мертва, — он опустил голову, а мне подумалось, что он совсем даже не старый. — Кархедон.

— Чего?

— Ты спрашивала имя. Кархедон. Так меня нарекли при рождении.

— Милисента, — руку протягивать я не стала. — Так... что мне надо сделать, чтобы вы того... ну, окончательно померли? Сиу сказали, что город сам рухнет теперь, но похоже ошиблись, да?

— Да.

— Как вы... ну, они говорили... и тут... — подумалось вдруг, если кто и знает, что за внезапная любовь мозги людям затуманила, то это кхемет.

И Кархедон, раз он тут за старшего.

— Да и вообще, что произошло?

Те, внизу, стояли и смотрели. И наверное, чего-то ждали.

— Сложно сказать, — Кархедон поднял алые одежды и поскреб ногу. — Клопы... клопы как-то вот совершенно не поддаются воздействию.

— А то, дустом их тоже хрен вытравишь, — согласилась я. — Правда, как-то Эдди, это брат мой, приволок орочий артефакт, так ни одного не осталось.

— Примитивная сила лучше действует на примитивный разум.

— А у клопов разум есть?

О чем-то мы не том говорим, но ведь неплохо же ж сидится.

— Понятия не имею. Как-то вот не задумывался... а что до твоего вопроса, то что вы знаете о сотворении мира?

Тут уж пришла моя очередь хмурится.

— А тебе по какой версии? — уточнила я.

— Есть разные?

— А то! Мамаша Мо полагает, что мир сотворил Господь единый в семь дней. Или в шесть? В общем, волей своей. И все сущее. И еще

демонов, ангелов, ну и орков тоже. А в Большой британской энциклопедии писали, что мир возник в результате естественных процессов. Солнце взорвалось...

Я поглядела наверх, убеждаясь, что солнце никуда-то с небосвода не делось. Висит. Светит.

— Ну а дальше эволюция случилась. И все-то живые твари возникли в процессе её.

Кархедон задумался.

— Когда-то давно, когда из чрева Великого дракона исторглось пламя, из него и плоти дракона возникло великое множество миров.

То есть начнем мы еще оттуда? И сколько ж мне спать придется, пока до сути доберемся? Но недовольство свое я при себе оставила.

Да и есть ли оно?

Сидим вот. Хорошо же ж сидим. А что бредовый сон, так что от снов нормальности ждать?

— Кровь принесла жизнь в эти миры. Из крови этой возникли драконы, а после и все-то иные существа, — Кархедон вновь замолчал.

— Значит, драконы существовали?

— А ты не поняла? — он повернулся ко мне.

— Нет. Я не особо понятливая, — сказала я чистую, между прочим, правду.

— Проклятая кровь...

— Да хватит уже, — я подавила зевок. — Какая есть. Можно подумать, я этого хотела... так что там с драконами?

Вместо этого он вскинул руки, и алые полы одеяния взметнулись, словно крылья. А потом крыльями и стали. А сам Кархедон превратился в дракона.

Мать моя...

От удивления я едва не проснулась. Ну и еще от страха, ибо те, внизу, тоже стали драконами. И... и вообще это не золотая краска на коже! Это сама их кожа, сотворенная из золота. И драгоценные камни ложатся на неё узорами. И...

Кархедон зарычал, и меня обдало жаром, вонью и еще дымом.

— Будешь кочевряжиться, — я показала кулак, который рядом с драконьей мордой казался не таким уж большим. — Уйду. И сидит тут со своими...

Те, внизу, они походили на змей, что вдруг сплелись чешуйчатым клубком. И красиво, и жутко. И мутит даже, если вглядываться. Чем больше вглядываешься, тем сильнее мутит.

Кархедон выдохнул и стал человеком.

А площадь исчезла, и мы оказались в знакомом уже зале, правда вновь же теперь его заполняли люди. Ну, то есть те, которые драконы. Но в человеческом обличье.

— Мы были первыми в этом мире. И мы приняли его. Мы сотворили его таким, каким он стал. Все-то, что ты видишь, горы и долины, моря и пустыни, реки и озера...

— Я поняла.

— ...все-то создано нашей волей из плоти и силы, правом, полученным когда-то от Великого дракона.

Все-таки с фантазией у них не очень. Великая мать, великий дракон, великий охотник... или охотник первым был? Что б вас, забыла.

Проснусь — уточню.

— Из капель крови его возникли иные существа. Сперва они мало отличались от животных, и мы лишь смотрели, не вмешиваясь. Однако после, когда поняли, что существа эти несут в себе искру разума, мы решили помочь им.

— Какая-то, ты уж извини, странная помощь. Если то, что я видела, правда.

Кархедон поглядел вниз.

Вздохнул.

— Мы учили их. Мы оберегали их. Мы относились к ним, как неразумным детям... и в какой-то момент решили, что вправе распоряжаться ими, как родители распоряжаются детьми.

— А родители бывают разными, — заключила я.

Мне ли не знать.

Если подумать, то мой папаша — не самый худший вариант.

— Наверное, тогда все и началось. Мы... мы решили, что и в самом деле стоим над миром. Владеем им. И можем творить все-то, что вздумается. Мы ведь помогли им выжить. Мы раздули эту искру, которая могла погаснуть в любой момент. Мы... желали благодарности.

— И любви?

— И любви, — согласился он.

— А это... — я крутанула рукой. — Вообще нормально? Ну, когда кого-то так любят, что прям разум теряют? Или сказки? Сиу говорили, что вы... что... ну, если на тебя глянуть вот, то человек или не человек, он влюбляется.

— Любовь — есть свойство души, — наставительно произнес Кархедон. А тон у него аккурат, что у нашего пастора, когда он про добродетели начинает рассказывать. — Она проистекает из пламени первозданного, которое есть в любом существе.

— Ага.

Понятнее не стало, но запомню.

— Мы же сами по сути этой пламя. Вот и малая искра стремится к большому огню, дабы стать частью его.

— То есть, все-таки правда?

— К сожалению. Эта любовь... чужая любовь развращает, — человек-дракон выставил руку, любуясь перстнями. А я подумала, что надо было еще по залу пошариться.

В наших нынешних обстоятельствах золото пригодились бы.

— Когда кто-то живет исключительно ради тебя, когда все его помыслы, все устремления направлены на то, чтобы доставить тебе радость, то поневоле к этому привыкаешь. И испытываешь. Раз за разом, шаг за шагом. Пытаясь найти границу, за которой эта любовь прекратится.

— А границы нет?

— Именно, проклятая.

— Да ладно, можно подумать, вы тут все благословленные. Значит, они вас любили, а вы начали их испытывать. И получилось, что получилось.

— Именно. Еще учти, что добровольно отданная сила, душа и кровь — это много. Это... они продляют жизнь.

— А вы не бессмертны?

— Даже Великий дракон был смертен. Мы же существовали дольше малых народов, но все одно не так долго, как желали бы. Да и велико было искушение сохранить не только жизнь, но и молодость, и красоту. Взгляни.

Он простер руку над троном.

— Видишь ты хоть кого-нибудь, кто не был бы красив или молод?

— Нет, — ответила я очевидное, хотя не сказать, чтобы особо приглядывалась.

— Последнее дитя появилось на свет более двух сотен до падения, — Кархедон отвернулся.

— Давненько.

— Мы... не видели в том проблемы. Для чего дети тем, кто мнил себя бессмертным?

— Ошибочка вышла, — наверное, стоило бы помолчать, но я, честно, не удержалась.

— Ошибочка, — хмыкнули рядом. — Именно... и не в детях дело. И не в нашей самоуверенности. Мы забыли, что за все приходится платить. В том числе и за бессмертие. Мы длили свои жизни чужими. Мы принимали дары крови, смерти и силы, медленно погружаясь в безумие и сами того не замечая. Ты ведь видела?

— Как жгли людей? Они кричали.

— Они пели славу нам, задыхаясь от восторга, который был сильнее боли.

— Ну... извини, но мне так не показалось.

— Значит, ты видела смерть отступников.

— А и такие были?

— Стали появляться. Среди нас. Те, кто, как я понимаю, видел, что происходит. Они сперва пытались обратиться к разуму и сердцу.

— Но не вышло?

Дракон лишь вздохнул.

— Они говорили о том, что мы умираем. Пусть и бессмертные, но все одно умираем. Наши города... прежде их было много больше, но города стали нам не интересны. Нам все стало не интересно, кроме крови и развлечений.

— И золота, — ввернула я. — Извини, но у вас, насколько я видела, какая-то совсем уж нездоровая тяга к золоту.

— Оно красивое, — пожал плечами Кархедон.

И не поспоришь.

— Среди золота легче дышится. Да и просто... мы ведь были достойны лучшего.

— Но не все, так?

— Тот, кто полагал иначе, стал проповедовать новый путь. Он говорил, что и малые народы годны не только в пищу. Он сошел к

племенам, которые оставались дикими...

— А и такие были?

— Были, конечно. Мы называли себя владыками мира, но, как понимаю, власть наша распростиралась лишь на малую часть его. Он же пересек океан. И именно эти, дикие, ничтожные племена, сумели разбудить в нем искру интереса. Он ушел, потом, спустя годы, вернулся... мы не слишком-то обращали внимание. Мы были заняты собой. Мы не замечали, что все меньше земель остается под нашей властью, что дальние города, младшие города, замолчали, что исчезли драконы, в них обретавшие, что... все вновь переменялось.

Он замолчал, глядя на то, что творилось в зале. Я тоже поглядела. Одним глазком, а потом решила, что ну его! Нет, этакое разврата и в борделе-то не встретишь.

Опасное место эти дворцы.

Нет, ну вот как можно-то творить, чего они творят, перед тронном?

— Я осознал опасность лишь когда он, мой собственный брат встал передо мной, требуя запретить все то, что кормило город и нас. Он много говорил. Пылко говорил. О цивилизации. Развитии. Естественном ходе вещей.

И надо полагать, что зря говорил.

— О том, что мы ведем себя недопустимо, что мир не готов и дальше терпеть. Что мы эксплуатируем малые народы. Что мы почти истребили некоторые из них.

— Но ты не послушал.

Я бы тоже, наверное, не послушала, заявись кто-нибудь и начни читать нотации. Или там потребуй... не знаю, чтоб я перестала эксплуатировать, скажем, свиней.

Или индеек.

— Я сказал, что он безумен. И что позволяю ему уйти, но навсегда. А изгнание из города означало смерть. Даже те, кто уходил, слишком привыкли к силе, которую он дает. Им нужно было возвращаться.

— И он...

— Бросил мне вызов, — просто ответил Кархедон. — Был бой. И я одержал победу.

— И убил брата?

— Нет. Я убил тех, кого он создал. Там, на площади. И я... я не даровал им любви. Его же заставил смотреть, чтобы он понял, сколь опасное дело он затеял.

Вот, сдаётся мне, над методами убеждения ему ещё поработать надо. Оно, конечно, действенно, да только туда ли действовать станет, куда надобно?

- Я позволил ему уйти, — Кархедон поглядел вниз. — И не только ему. С ним ушли пятеро. А потом появились подобные тебе.

Глава 6. В которой строятся планы и обсуждаются сны

Милисента спала, свернувшись калачиком в кресле, к счастью, довольно большом. Она подложила под щеку ладони, и во сне хмурилась, кривилась, вздыхала. Выглядела Милисента при том совершенно беззащитной, отчего вдруг появилось просто-таки непреодолимое желание защитить её.

От всего.

Ото всех.

Желание было не то, чтобы странным или неожиданным. Скорее удивляло, что Чарльз просто стоял и смотрел. Стоял и...

— Думаю, — шепотом произнес Орвуд. — Стоит обсудить сложившуюся ситуацию ввиду новых обстоятельств.

И пальто свое накинул.

И... правильно, в доме сыровато, прохладно, этак и заболеть недолго. Но почему-то до боли обидно, что у Орвуда пальто имеется, а у Чарльза нет.

— Согласен, — Чарльз заставил себя отвернуться. — Здесь?

— Почему нет, — некромант прикрыл глаза. — Её все одно тут нет.

— В смысле?

— Она за гранью.

— И...

— И вмешиваться не стоит. Что бы она ни видела, поверьте, пока она сама с этим не разберется, мы ничего не сможем сделать.

— Что это вообще за... — проворчал Эдди, глядя на некроманта премрачно. И кажется, не только он.

— Сны... — тот пожевал губу. — Сны — субстанция до крайности хрупкая. Я читал работы физиологов, полагающих, что сон — есть эхо работы разума. Думаю, в чем-то они правы. И образы, которые предстают перед нами во сне, зачастую есть преобразенное сознательным или бессознательным представлением о мире тварном.

— Проще, — Эдди подошел к сестрице и коснулся головы.

— Проще... разуму нужен отдых, едва ли не больше, чем телу. Он запоминает все, когда бы то ни было увиденное или услышанное, а после, во сне, осмысляет. Мы же видим лишь некоторые проявления этого процесса, как полагают некоторые ученые, сугубо физиологического.

Эдди проворчал что-то неразборчивое.

— Однако есть и другая точка зрения, которая должна бы быть вам известна. Сны — есть то, что увидено душой. Она покидает тело и путешествует... у кого-то дальше, у кого-то ближе.

— Хороший шаман идет своей дорогой, — заметил орк, прислонившийся к стене.

— Интересно, что среди людей весьма редко встречаются те, кому подвластны подобные, скажем так, путешествия. Ясновидцы и предсказатели...

— Мошенники, — Эдди почесал кулак. — Знавал я одного такого провидца... за его голову сотку обещались. Он мне напроорочил давече, что поеду на Восток, стану богатеем и женюсь на благородной. Идиот. Но сотку дали.

Предсказателя стало даже немного жаль.

— Да, мошенников много, но есть и те, кому действительно открыто куда больше. Но ведь вам самому это известно, не так ли, — некромант поглядел на Эдди и тот смутился. — В вас много иной крови. А среди орков, насколько я знаю, довольно часто встречаются те, кто способен видеть.

— Нечасто. Хорошего шамана попробуй найди, — вздохнул Дик. — Небось, когда бы был хороший шаман, он бы упредил.

— Возможно. Я вижу, что ваша связь с миром куда слабее, чем моя или вот его, — Орвуд указал на Чарльза. — И полагаю, что вы частенько видите куда больше, чем способны объяснить.

— А Милли при чем?

— У вас общая кровь.

— По папаше только если.

— А ваш отец, он ведь не был в полной мере человеком?

— Полукровка, — вздохнул Эдди и поскреб затылок. — Моя бабка была внучкой шамана. А дед, он тоже не совсем, чтоб человек. Магушка говорит, что у меня всякого намешано, а потому не пойми, чего получилось.

— Уверяю, все не так плохо. Вам просто, как мне кажется, не хватает знаний. И уверенности в себе, — поспешил утешить Орвуд. — Но возвращаясь к вашему вопросу. Я чувствую, что граница миров истончилась, как бывает, когда кто-то заглядывает за грань. Твоя сестра, во-первых, имеет подходящую кровь, пусть малую часть её, но все же. Во-вторых, полагаю, во время вашей поездки вы столкнулись с чем-то, что оставило свой след.

— Оно опасно?

— Все в какой-то мере опасно, — Орвуд пожал плечами. — К сожалению, мне дана власть над материей, но не тонким миром. Вот моя сестра могла бы сказать больше.

— У вас и сестра имеется?

— Даже две, — он слабо улыбнулся. — Но они редко покидают поместье. Эва родилась весьма чувствительной. Ей сложно находиться среди людей. А Виктория... впрочем, не важно. То, что я знаю, я знаю от Эвы. И она утверждала, что тот, иной мир, начинает представлять опасность лишь когда ты веришь в его реальность. Тогда она и становится реальной.

— А как понять?

— Никак, — Орвуд поглядел на Чарльза. — К сожалению.

— А если разбудить?

— Не стоит.

— Почему? — Чарльз отметил, как хмурится во сне Милисента, как движутся её губы, словно она беседует с кем-то невидимым.

— Потому что, во-первых, человек не способен вовсе обходиться без сна. Рано или поздно, но она снова заснет. И чем сильнее будет её усталость, тем глубже она провалится в ту часть. Во-вторых, я не чувствую опасности.

Последнее нисколько не успокаивало.

— В-третьих, кровь шамана её защитит...

Хотелось бы верить.

— Ну и в-четвертых, я с вашего позволения, поставлю метку. И если жизненные показатели начнут падать, тогда мы и попробуем её разбудить.

— Попробуем? — Эдди, кажется, концепция тоже не слишком по душе пришлась.

— Увы, далеко не всегда получается. Да и плохая идея. Честно. Если душа далеко за гранью, привязка её к телу истончается. И не факт, что, разбудив тело, мы вернем и душу.

Что-то стало совсем нехорошо.

— Повторю. Пока нет поводов для беспокойства.

Это смотря у кого. Чарльз вот прямо-таки чувствует себя обеспокоенным.

— Доверьтесь ей, — голос Орвуда слегка дрогнул. — Иногда излишняя забота способна навредить. И не всякий вред получится исправить.

Спокойствия это высказывание точно не прибавило.

Чарльз осторожно коснулся щеки. Теплая. И дыхание Милисенты спокойно, и сердце бьется ровно. И... и возможно, что сон — есть лишь сон и не более того. В конце концов, Орвуд тоже может ошибиться.

И очень хотелось, чтобы он ошибся.

Чтобы...

Чарльз убрал руку и подавил вздох. Надо взять себя в руки. И без того хватает забот.

— Надо решить, как быть дальше, — свой голос он слышал словно со стороны, при этом не находя сил отвести взгляд. — Надолго тут задерживаться нельзя.

— Согласен, — Эдди кивнул. — Тут, конечно, народец такой, не привыкший в чужие дела вмешиваться. Но если объявят награду, тогда все... осложнится.

— Сдадут? — уточнил орк.

— Естественно.

— Возможно ли точно узнать, кого ищут? — Орвуд тоже наблюдал за спящей девушкой. И этот его интерес Чарльзу категорически не нравился. — Поскольку одно дело, если речь идет о вас с мистером Диксоном, и совсем другое, если и мы тоже привлекли внимание.

— Вряд ли, — Эдди тряхнул головой. — Мне бы сказали.

— Если подумать... встреча наша в поезде была случайной. Знакомство... нам стоит вернуться, — Орвуд сцепил руки за спиной. — Вернуться и... скажем, я нанял вас, мистер Разбиватель голов.

— Можно просто Дик.

— Дик, — поправился Орвуд. — В качестве охранника. И сопровождающего. Кого-то, знакомого с местными реалиями.

Он щелкнул пальцами, пытаясь поймать ускользающую мысль.

— А еще способного помочь человеку в весьма... деликатном деле.

— В бордель сводить что ли?

— Нету больше борделей, — горестно произнес Эдди. И собравшиеся почтили утрату минутой молчания.

— Тогда...

— В кабак? В подпольные мастерские? В иные злачные места. Злачные же места остались?

— Понятия не имею, — Эдди опустил на пол и скрестил ноги. — Но должны бы.

— Если город есть, то и злачные места тоже, — высказался Дик, тоже усаживаясь. Он снял цилиндр и пригладил и без того гладкие волосы. Волосы его были заплетены в тонкие косицы, а из косиц торчали красные и белые перья, кажется, еще выглядывали кости и бусины.

Подумалось, что в Географическом обществе Разбиватель голов нашел бы весьма благодарную аудиторию.

— Стало быть, если вдруг кто-то спросит, мы сможем... объяснить наше отсутствие.

— А дальше? — план не то, чтобы не нравился.

Он был разумен.

— Дальше... дальше я обращусь к тому, кто держит это заведение с просьбой достать билеты... куда там надо? Не важно. Туда, где можно по сходной цене приобрести невесту. Благо, проблема у меня имеется и не выдуманная, а потому...

— Вы были свидетелем на свадьбе.

— Отнюдь, — покачал головой. — Если вы вдруг запомнили...
...это прозвучало насмешливо.

— ...то свидетелями на вашей свадьбе выступали почтенные горожане. А что мы в то же время оказались в храме, совпадение. Или же... мы пожелали составить компанию. Все-таки несколько сблизилась за время путешествия. А заодно уж вы посоветовали гостиницу... или лучше вы, Эдвард.

— Не зовите меня так, — проворчал Эдди.

— Почему?

— Папаша называл. Когда был пьян или злился. А он постоянно был или пьян, или злился. Эдди я.

— Хорошо, — Орвуд слегка склонил голову. — В таком случае, вы посоветовали нам приличную гостиницу, но на этом наши пути разошлись.

— Думаете, поверят?

— Не знаю. Возможно, что и нет. Но, если вы говорите, что здесь существует некое подобие закона, то они вынуждены будут соблюдать хотя бы видимость законности. Да и в целом, — он посмотрел на руки. — С подобными мне стараются... не конфликтовать без особой на то надобности.

И Чарльз ему поверил.

— Что же до прочего, то... деньги всегда были интересны. А Орвуды весьма и весьма состоятельный род. С учетом же наших особенностей и, как вы утверждаете, специфики работы того... человека, логично предположить, что я желал бы решить свои семейные проблемы.

План Чарльзу все-таки не нравился. Большею частью потому, что ему самому в этом плане роли не отводилось.

— Что же касается вас, — взгляд Орвуда был полон бесконечного терпения. И сразу стало стыдно за свои мысли. — То, полагаю, слегка изменив внешность, вы можете оставить этот дом и пройтись по местным значным местам. Вероятнее всего, они будут более значными, чем те, которые наверху. Прогуляйтесь. Порасспрашивайте. Послушайте, о чем говорят люди. Не может такого быть, чтобы подобные изменения совсем не вызвали отклика.

Он замолчал.

А вот Эдди потер подбородок:

— Оно-то так, но... в городе беспокойно. Я шкурой это чую. И как бы не вышло чего... с вами... вы-то там, конечно, некромант, да тут... тут тоже умельцы сыщутся.

А Чарльз подумал, что уходить придется с боем.

Наверняка.

Мысль, как ни странно, успокоила. И он осторожно погладил теплую щеку своей жены.

Жены.

Надо же.

А Чарльз, похоже, начал привыкать к мысли, что у него жена имеется.

Глава 7. Где речь идет о драконах, истории и одержимости

Каков мир с высоты драконьего полета? Крохотный. Будто золотая бусина на синем бархате. Помню, когда-то давно, когда я была совсем маленькой, а дом еще держался, у мамы имелись бусы. Жемчужные. И она доставала их из коробки, примеряла, глядела на себя в зеркало и тихо-тихо вздыхала. И думала, наверняка, что я маленькая и не понимаю.

Все я понимала.

И бусы те любила. Я перебирала жемчужину за жемчужиной, и каждая была особенной. Как этот мир внизу... и пахнет от него также, старой ветошью, которой жемчужины натирали до блеска, и лавандой. Веточку её матушка хранила в коробке.

Я взмахнула крыльями, поднимаясь все выше.

— Осторожнее, проклятая, — сказал золотой дракон, складывая крылья. — Небо тонкое, не выдержит и порвется.

Дурак. Как небо может порваться?

Оно ведь не из бумаги, что бы там мамаша Мо ни говорила. Оно — слои атмосферы, которая становится при подъеме разреженной. А аппараты тяжелее воздуха взлететь не могут. Это кто-то там доказал. Я читала статью в газете.

Помню газету.

И статью.

И крылья держу распахнутыми, позволяя ветру наполнить их. И мы спускаемся. Мир утрачивает сходство с жемчугом, а к нам тянутся отроги Драконьих гор. В них, оказывается, действительно жили драконы.

Полет обрывается вдруг, как оно только во сне бывает.

— Оставайся, — предложил дракон, принимая такое неправильное человеческое обличье. — И мы будем подниматься в небо каждый день!

Сердце забило.

Я все еще помнила, что нахожусь во сне. Что все это — не взаправду, каким бы настоящим ни казалось. Но там, наяву, у меня

никогда не будет крыльев.

И мир не превратится в жемчужину.

И...

— Нет, — я покачала головой и потребовала. — Расскажи.

— Что именно?

Мы вновь были на площади, правда, теперь только вдвоем. И ни помоста, ни трона, ни других драконов, не говоря уже о людях.

— Они ушли. И дальше?

— Дальше появились подобные тебе. Сперва глупая рабыня не ответила любовью на взгляд Огненного духа, и тот разгневался. Мы стали легко впадать в ярость. Он оторвал ей голову, а саму скорчил соплеменникам, которые славили его за щедрость.

Меня передернуло.

— Но позже... позже случилось странное. Они, отведавшие плоти, вдруг утратили любовь и веру. Тогда это сочли неудобным происшествием и только. Но не прошло и месяца, как вновь случилось нечто подобное, но в другом месте. И в третьем... никогда-то ничего серьезного, что потребовало бы многих сил. Мы сочли, что искры истинного пламени стали гаснуть, что на наш взгляд свидетельствовало об одном: малым народам оставалось недолго. Конечность их существования была предопределена. Так мы думали. Но потом... потом вдруг замолчал еще один город. И не прошло полсотни лет, как и другой. И третий... они просто исчезали. А мы были слишком заняты собой, чтобы обратить на это внимание.

Площадь была полна жизни, но та существовала где-то еще, словно бы в мгновеньи до меня. Или после? Главное, что эта жизнь проявлялась полуразмытыми тенями.

Если приглядеться, то можно уловить очертания людей.

Или нелюдей.

— Сколько их всего было, городов? — уточнила я.

— Дюжина. Изначально. Я застал существование шестерых.

Следом умерли еще трое.

— И вы не пытались узнать, почему?

— Нам это не было интересно.

— Но, — что-то услышанное плохо укладывалось в моей голове. — Там же ведь тоже были драконы? Такие, как ты?

— Были, — согласился Кархедон. — Но видишь ли, проклятая, мы давно утратили связи с ними. Мы были каждый по себе.

Мда, что тут еще скажешь.

— И лишь когда замолчал город Огненных камней, от которого к нам поставляли рабов, мы испытали некоторое удивление.

Надо же. Удивление.

Охренеть.

— И то далеко не сразу, но лишь когда выяснилось, что поток жизней, нас питающий, иссяк, — дракон вновь стал драконом, зубастой чешуйчатой тварью, которая была по-своему красива. Только я уже не обманывалась этой красотой.

Тварь — она всегда тварь.

— Пятеро сильнейших поднялись на крыло и отправились в путь, но оказалось, что крылья наши стали тяжелы, а город крепко держит нас. Мы мнили себя его хозяевами, а на деле оказались пленниками.

— То есть, не было никаких богов и проклятья?

— Боги? Богов не было. Что до проклятья, то... мы сами, как понимаю, стали своим проклятьем.

Наверное, на этом месте мне следовало бы преисполниться сочувствия, только не вышло. Я лишь пожала плечами, мол, и такое случается.

Но хотя бы промолчала.

Это уже достижение!

— Многие пытались вырваться и... возвращались назад, ибо там, за границей города, вдруг возник совсем иной мир. Мир, в котором нам не было места.

Нет, все равно не сочувствую.

Вот такая я черствая тварь. Или тварь не я?

— Последним замолчала Аметистовая пристань. Небольшой город, возникший рядом с шахтами. В них добывали огненные аметисты. Камни, равных которым по красоте и силе, не было.

Дракон замолчал.

А я подумала, что такую пастью, ну, как у него, разговаривать не слишком удобно. Хорошо, что мы во сне. Во сне пасти говорить не мешают.

— Наверное, именно тогда я понял, что мы следующие. Что тот, новый мир, нас не пощадит.

Догадливый, однако.

Но я вновь проявила несвойственное мне прежде благоразумие и промолчала.

— Я точно знал, когда граница была нарушена. Город... город живой и мы с ним связаны, — по шкуре дракона прошла мелкая дрожь. — Мой брат вернулся.

— И убил тебя?

— Нет. В этом не было нужды. Мы и без того были обречены.

— Тогда зачем вернулся?

Нет, в самом деле не понимаю этого вот желания плюнуть врагу в рожу. Оно, конечно, душевные порывы — дело такое, труднопредсказуемое, а с другой стороны небезопасно же ж. Враг и обидеться может.

— Он привел своих детей, дабы показать им град обреченный.

Экскурсия, стало быть.

Матушка говорила, что её тоже на экскурсию водили. В музей то ли искусства, то ли культуры, то ли всего и разам. И печалилась, что мы-то с Эдди так и останемся неокультуренными.

— И ты его убил?

— Нет.

Ничего не понимаю.

А как же сиу? Воззвание к богам и все такое, гнев вышний, проклятье.

Проклятье вот точно существует, иначе мы б тут не болтали, а спала бы я крепко да спокойно.

— Говори уже, — сказала я дракону, который как-то сумел пристроиться на троне. Золотые лапы его опирались на подлокотники, хвост уходил под трон, а сам дракон сгорбился, вывернул спину неестественным образом.

— Сперва он пришел один. Ко мне. Город... город уже впал в безумие. Мои родичи, возможно, не до конца осознавали все то, что нас ожидало, но чувствовали близость смерти. И она пугала.

Понимаю. Живешь, живешь себе вечно, весь такой могучий и распрекрасный, а тут раз и все.

Обидненько.

— Этот страх окончательно лишил их разума. И кровь тех, кто еще оставался в городе, лилась на плиты его. Сперва убили всех рабов,

даже тех, кого прежде не удостоили бы взглядом. Забойщики скота и золотари, те, кто топят жир и моют улицы, те, кто занимается самым тяжелым бессмысленным трудом, они были призваны. И удостоены дара любви.

В гробу я такие подарочки видала.

— А затем... они будто соревновались меж собой в жестокости.

— А ты?

— Я смотрел.

— Ничего так занятие.

— Знаешь, — дракон вздохнул и меня опалило жаром. — На самом деле я вдруг осознал, что власти у меня нет. Меня именовали подобным Солнцу. Я имел дворец и трон. Но это ничего-то не значило.

— Как для кого.

Вот у меня нет ни дворца, ни трона, хотя, конечно, не сказать, чтобы данное обстоятельство сильно печалило. Но знаю людишек, которые бы за кусок этого трона в личное владение бабушку родную удавили бы. И совестью, главное, не замучились бы.

— Дело в ином, — дракон покачал головой. — Я пытался их остановить. Там, на грани.

— Не вышло?

— Нет. Мой дворец опустел, и лишь те, кто был связан со мной узами любви, остались в нем. Впрочем, жизнь покинула их довольно-таки быстро, хотя и не так быстро, как тех, кто оказался в руках моих сородичей.

В общем, драконы свихнулись.

И хорошо, что они вымерли, ибо... только представила, что они вдруг взяли и вернулись в наш мир, как поплохело.

— Так что с твоим братом?

— Все по очереди, проклятая. Не спеши.

— А мне кажется, что не я спешу, а ты время тянешь.

— Возможно. Я давно уже ни с кем не беседовал.

Подул ветер. Холодный, раздражающий, и по залу пронесся кусок сизой пыли. Золото вдруг поблекло, да и сам дворец вдруг показался... ветшающим?

Древним?

Таким, что вот-вот развалится.

— После рабов низких, они взялись за других, за тех, кому была дарована свобода воли и выбора. Свободы никогда не было, но те, кто жил рядом с нами, искренне в неё верили. Но она закончилась. И на площадь пошли мастеровые, ремесленники, целители и все те, кто веками жил бок о бок с нами, веруя в собственную исключительность.

— И так они истребили всех?

— Верно.

— И принялись друг за друга?

— Тоже верно. Они вдруг вспомнили, что можно бросить вызов. И принять его. Сойтись в поединке, мерясь силой, — дракон прикрыл глаза из чистого золота. — Они уходили и уходили, один за другим... и город жаднопил их жизни. В них было еще много жизни. В каждом из нас. Их хватило надолго.

А я вдруг увидела двух драконов, там, высоко в поднебесье, пожалуй даже, выше, чем поднимаются падальщики. Драконы кружили, и кружили, и еще кружили, пока в какой-то момент не бросились друг к другу, превратившись в одно уродливое создание.

А потом рухнули.

Оба.

— Я смотрел. Я не пытался вмешиваться, понимая, что это тоже часть пути. Пути обреченных.

Сейчас слезу смахну. Тоже мне, обреченные. Заигрались и получили по заслугам. Да, определенно, с сочувствием у меня получалось не ахти.

— Мой брат появился, когда город, напившись крови, окончательно ожил. И отделился от воли моей. Мой брат пришел на рассвете. И лестница покорила его. Она спела ему и детям его песнь, но те остались глухи. Они минули семь галерей, и ни в одной не осталось мертвеца. Они отворили золотые ворота, и колокол промолчал.

А, то есть, там был и колокол?

— И... если бы зазвенел? — на всякий случай уточнила я. А то ж оно раз на раз не приходится. И как знать, не случится ли мне еще в каком городе побывать.

Не то, чтобы я планирую, но жизнь, она такая.

— На звон его отозвалась бы кровь. Она бы поспешила покинуть тело.

Ага, то есть, надо радоваться, что не зазвонил. Чем дальше, тем больше начинаю понимать, насколько нам повезло.

— Он пришел ко мне. Он ступал по плитам, на которых лежали мертвецы...

А вот мертвецов я как раз и не заметила.

Там вообще было как-то на редкость чисто для древнего дворца.

— Он прикасался к ним, и они становились пеплом.

Тогда понятно, небось, пепел, он не труп, его так просто не заметишь.

— И дворец плакал, и город плакал, понимая, что пришел час нашей гибели.

— Вашей?

— Мы были связаны с городом от моего рождения. Я был сердцем от сердца.

Красиво. Только не понятно.

— Мой брат поднялся по лестнице. И вновь же, стражи, что охраняли меня, остались недвижимы. А после я понял, что они лишились того подобия жизни, которым обладали. Он выпил их. И все-то... и оказавшись предо мной сказал...

Дракон замолк.

А я не торопила.

— Он сказал: «Здравствуй, брат».

— А ты?

— А я попросил убить меня быстро.

— А он?

Дурацкий разговор. И сон не лучше.

— Он усмехнулся. И ответил, что не станет марать руки кровью. Что он здесь лишь затем, дабы убедиться, что я буду наказан богами.

— Богами?

— Он... он сильно изменился. Он стал одержим. Теперь я думаю, что, возможно, в этом наше проклятье? И наша беда? Мы легко становимся одержимы, не важно, кровью ли, идеей.

Ну... может, и так.

— Он так много говорил. О пути. О просветлении. Осознании. Испытаниях, что указали ему путь. О детях своих, которых он желал расселить по миру, дабы кровь его, преображенная, никогда-то не угасла. И в этом суть истинное бессмертие.

В общем, тот еще псих.

Но с задачей справился. Кровь и вправду расселилась по миру. Хотя, подозреваю, тот дракон рассчитывал на несколько иное.

— А потом... потом он потребовал... — дракон слегка запнулся. — Кое-что.

— Да говори уже, — хмыкнула я. — Можно подумать, великая тайна.

— Великая, — серьезно ответил Кархедон. — И тайна.

— Ну тогда не говори.

— Боюсь, вариантов у меня немного... когда-то давно, когда мы были юны и слабы, как и мир, принявший нас, мы собрали кровь Великого Дракона. И она-то наделила нас силой. Разной силой.

Понятно.

То есть, ничего не понятно, но начинаю подозревать, что я на самом деле уволокла.

— После эта кровь была разделена. И в каждом городе был тот, кто хранил её.

— Вроде тебя.

— Именно. Я не владыка в вашем, примитивном, восприятии. Но лишь тот, кто родился, способным слышать кровь. И касаться её, без вреда для себя.

— Это...

— Не спеши, проклятая.

— У меня имя есть.

— Оставь его себе, — сказал дракон спокойно. — Никогда не открывай свое имя, ибо оно — часть сути твоей. И тот, кто завладеет именем, способен и суть твою подчинить.

Не было печали. Но молчу. Как же много я молчу.

Взрослею, наверное.

— Спасибо за совет. Стало быть, твой брат желал забрать эту кровь?

— Желал. Он... он уже забрал её. Из тех городов.

— И что сделал?

— Он воплотил кровь в... вещи.

— Дай догадаюсь, стало быть, сердце Великой матери сиу... и копьё... орочьё копьё... и... сколько их всего было? Ну, городов, где была кровь?

— Старших? Шесть. И он приходил в пять из них. Он убивал хранителей, ибо, живые, они не расстались бы с тем, что было главным сокровищем и главным проклятьем нашего рода. Он забирал кровь. И создавал подобных тебе. Проклятых.

— Погоди, я совсем запуталась. Я думала дело...

— В крови. Дело всегда в крови, — перебил дракон и сказал жестче. — Времени осталось мало. Тебе нельзя уходить слишком далеко. Ты еще слаба.

— Извини.

— В крови каждого из нашего рода звенело эхо того самого первозданного пламени, из которого был сотворен мир. Оно жило. Оно наделяло нас силой и даром. Оно позволяло многое. И его хватило, чтобы создать тех, кто способен противостоять нам. Но оказалось недостаточно, чтобы сотворить новый народ, во всем превосходящий драконов.

— Погоди, так твой брат...

— Решил, что все-то в его руках. Что, если он получит истинную кровь Великого дракона, то сумеет сотворить тех, кто будет подобен богам. У него в голове все смешалось. Это отчасти потому, что он не имел права прикасаться к ней.

— Почему?

— Хранителями становятся не просто так. У меня от рождения не было иной судьбы, ибо, когда меня положили на камень, он воссиял белым светом. А это значило, что в моей крови была та сила, которая способна противостоять мощи истинной крови.

Я в этих кровях совершенно запуталась. Но на всякий случай кивнула, мол, понимаю. Потом уже, как проснусь, тогда и стану разбираться. Если вообще проснусь.

— Он завидовал мне. Как оказалось. Он полагал, что более достоин, что... он бы нашел крови применение. Он изменил бы мир. И собирался изменить...

Голос дракона стал будто бы глуше.

И облик его размыло.

— Погоди, — я поняла, что время и вправду вышло. — Ты... ты не отдал ему?

— Он искал, — дракон улыбнулся во всю свою немалую пасть.

Думаю, что искал.

Только...

— Только не под троном, верно?

Он кивнул.

— Конечно... это же реликвия. Святыня. И все такое. Ей место в сокровищнице и... а ты под троном!

— Так уж получилось...

Мир вокруг дрожал, грозя рассыпаться.

— Но ты... — я волей своей заставила его вернуться. — Ты отдал её мне! Ты ведь именно, что отдал... иначе... я бы не осталась живой! Никто из нас не остался бы... а ты... почему?

— Ты мне понравилась. Да и... возможно, мой брат в чем-то был прав. Мы слишком долго держали эту силу при себе. Настало время вернуть её миру.

Дракон распахнул крыла и, сделав вдох, выдохнул пламя. Я ясно видела рыжий клубок пламени, который вырвался из этой пасти и полетел ко мне.

Вот это я понимаю! Завершение беседы.

Я подняла руку и... проснулась.

Нет, ну не сволочь ли?!

Глава 8. О высокой морали и револьверах

Милисента проснулась резко. Она вскинула руки, словно пытаясь защититься от чего-то, затем огляделась с видом растерянным.

И выругалась.

— Извините, — буркнула она, смахивая пот с бледного лба. — Привидится же...

И осеклась.

Поискала взглядом Эдди, который был тут же и сказала:

— Надо поговорить. Если это не бред, то все куда как... интересней.

— Не бред, — поспешил заверить Орвуд, явно приободрившийся. — Возьмите, леди, вы, наверное, проголодались.

И протянул плитку шоколада.

Засранец! Чарльз спрятал руки за спину, ибо желание дать Орвуду в морду, между прочим совершенно неестественное для графа, скорее уж приличное для среднего жителя Запада, окончательно сформировалось и даже окрепло.

— Еще как, — Милисента отказываться не стала. — Шпасибо.

Шоколад она не ломала, откусывала так, едва развернув.

— Женщина, — с неким умилением прогудел Разбиватель голов. — Женщине надо кушать. Сильной будет. Слабая женщина сильных детей не родит.

И вздохнул горестно.

А Чарльзу стало совестно. Даже орк дикий понимает, что женщин кормить надо, а он, Чарльз, не удосужился хотя бы шоколадку припрятать.

— В общем... — Милисента облизала губы. — Тут такое... сложное дело...

Она вздохнула.

Поднялась, потянулась и едва не грохнулась, благо, Чарльз успел подхватить вовремя.

— З-затекли, з-заразы, — просипела Милисента, запихивая в рот остатки шоколадки. — С-сейчас пройдет.

— Это бывает. Когда душа покидает тело, то процессы в нем замедляются, — наставительно заметил Орвуд. — И после возвращения часто бывает так, что тело реагирует несколько... непривычным образом.

— Это каким? — Милисента вцепилась в руки Чарльза, но, благо, отталкивать их не спешила.

— Скажем, иногда может кружиться голова. Нормальны слабость. И даже сильная слабость. В редких случаях бывает, что отказывает сердце...

Как-то перечень не внушал доверия.

— Но это скорее исключение. И... долго находиться там опасно, — Орвуд глядел прямо. — Есть теория, что после определенного порога, так сказать, грани, организм начинает разрушаться. И первой страдает именно нервная система. Моя сестра...

Он осекся.

— Продолжай уже, — велел Эдди и убедительности ради положил руку на плечо.

— Она зашла слишком далеко. А когда вернулась... её парализовало.

— Твою ж... — Милисента добавила пару слов, и Чарльз согласился, что все именно так, что порой лучше и не скажешь.

Эдди же нахмурился и ладонь на плече некроманта несколько потяжелела, во всяком случае плечо это опустилось, а другое поднялось.

— Это скорее исключение. Она... она сама желала заглянуть за грань. Искала... не важно, главное, что у неё были возможности вернуться. Её сопровождали. Звали. Просили. А она решила, что знает лучше.

— И что теперь?

— Теперь? Некоторые функции удалось восстановить. Она способна сидеть. И говорить, пусть с трудом, но все же. А в остальном... увы. Поэтому просто не задерживайтесь.

— Он тоже сказал, что пора.

Милли оперлась на руки и теперь стояла сама, пусть и прислонившись к Чарльзу. И стоять так было... пожалуй, приятно.

— Тот, кто вас позвал?

— Пожалуй, что... но лучше, если по порядку... Эдди, ты не представляешь, какая это жопа!

* * *

Не представлял, как выяснилось, не только Эдди.

Милисента сидела, скрестив ноги, укутавшись в пальто Орвуда, поверх которого накинула еще какое-то не слишком чистое одеяло, чудом уцелевшее при уборке.

Одной рукой она держалась за Чарльза, словно боялась отпустить его. Второй сжимала кусок вяленого мяса.

— Так что вот так, — сказала она, потеряв переносицу. И впилась в мясо зубами.

А продовольственный вопрос надо решать.

И с вещами тоже.

Одно дело в прериях на земле спать, и совсем другое — во вроде как цивилизованном городе.

— Кровь первого дракона, — орк прикрыл глаза. Он сидел на полу, скрестив ноги, опираясь огромными ручищами на колени. — Вот оно как...

— Вы что-то слышали об этом? — Орвуд устроился на трехногом табурете, как по мнению Чарльза довольно ненадежном, но мнение свое он при себе оставил.

Раздражал Орвуд невероятно.

— Как сказать... мой дед был шаманом. И его дед. И дед его деда. Это я глухим уродился, не слышу мир, — Разбиватель голов поскреб макушку. — Потому и знаю я не так, чтобы много... дочка моя, она больше... её учили.

— Расскажите про копые это, — попросил Орвуд. — Мне хотелось бы понять, что оно такое.

— Не совсем копые, — орк слегка наклонился. — Наконечник. Из кости. Из кости очень большого зверя.

— Дракона? — Милисента сглотнула слюну. — Драконы большие. Я видела.

И ни у кого не возникло и мысли сомневаться.

— Может, и дракона. Мой прадед говорил, что в прежнем мире всяких тварей хватало. Главное, что оно... в нем сила. Сила наших женщин. И мужчин. Сила шаманов, которые ослепнут и оглохнут, если её не вернуть. Сила духов, что откликаются на зов.

Он замолчал, но ненадолго.

— Оно не только наше. Оно... каждую дюжину лет оно передается из племени в племя. И никогда-то не случалось такого, чтобы оно пропало. Да и как, когда иные и прикоснуться-то к нему не могут?!

— Видать, смогли, — Милисента облизала пальцы. — Итого, два утерянных артефакта есть... три. А городов шесть. Еще три у кого?

— И что будет, — Чарльз озвучил вопрос, который волновал особенно сильно. — Когда все соберутся в одних руках.

* * *

Как-то Чарли сказал, а у меня прямо по спине мурашки поползли. Совпадение?

Да ну на хрен такие совпадения. Тут не надо семи пядей во лбу быть, чтобы понять: никакие это не совпадения.

— И что делать будем? — поинтересовался Чарли, а я вдруг поняла, что держусь за него, как дитё за мамку. Отчего стало неловко.

Слегка.

И еще потому, что мне определенно не хотелось отпускать его руку. А он делал вид, будто и не замечает. Ни руки. Ни неловкости. Вот что значит, воспитанный человек.

А жизнь его со мной связала.

Я подавила вздох.

— Честно говоря, — некромант потер лоб. — Я не вижу причин отклоняться от первоначального плана. Да, может статься, кто-то поставил себе целью собрать все эти... артефакты.

Он еще рученькой хитрый знак сделал.

— Однако, во-первых, сомневаюсь, что это в принципе возможно. Во-вторых, долг требует вмешаться, а здравый смысл подсказывает, что наших ресурсов для вмешательства явно недостаточно.

— Башку ему свернуть, — прогудел Дик.

— Змеенышу? — уточнил Эдди.

— Ему самому...

— Согласен, что данный вариант решения проблемы, — некромант мягко улыбнулся. — Видится не только оптимальным, но и наиболее легко реализуемым. Но мне кажется, что эта легкость несколько... обманчива.

— Чего? — Эдди с Диком переглянулись. А я в очередной раз удивилась тому, что есть кто-то поздоровее Эдди.

— Одно дело афера с влюбленной женщиной и её приданым. К сожалению, подобное случается довольно часто. Некоторые подлецы воистину поражают изобретательностью, когда дело касается чужих денег. Но... все как-то...

— Он бы не потянул в одиночку, — добавил Чарли и тихонько сжал мои пальцы. — Ему нужен был кто-то, кто указал бы на Августу. Кто помог бы с ней познакомиться. Сочинил этот вот план... и теперь там, на Востоке, представляет интересы. Не говоря уже о том, что в деле о наследстве не обойтись без хорошего законника, а действительно хорошие законники не рискнут связываться с посторонним человеком и сомнительным делом. Ко всему добавьте его иные связи... в этом вот городе. Нет, вы правы, для одного человека — это чересчур масштабно. И зачем? Даже при условии болезненного честолюбия все можно было бы сделать куда проще. Здесь другое.

— Но шею свернуть уродцу не повредит.

— Уродцу-то как раз и повредит, но в остальном... если выпадет случай, то почему бы и нет, — Чарльз пожал плечами. — Я бы с превеликим удовольствием. Подозреваю, что в чем бы ни состояла его роль, он достаточно важная фигура.

Утомили они меня.

Точно утомили.

Я подавила зевок, подумав, что не хватало вновь провалиться в сомнительного свойства сон, и прикрыла глаза. На секундочку. А когда открыла, обнаружила, что вокруг тихо и темно, и рядом, прижавшись ко мне, точнее прижав меня к себе, кто-то сопит.

Спросонья двинула локтем, а потом усовестилась, ибо сопел этот человек совершенно по-свойски.

Чарли.

Муж.

А с мужем и вправду спать как-то теплее, особенно если под тяжелым, пахнущим плесенью одеялом. Рядом где-то заворочался Эдди, повернулся ко мне и велел:

— Отдыхай.

Сказал он шепотом.

А я кивнула.

Буду.

Болело... да все болело. Ноги особенно. И еще плечи. И главное, боль эта исходила изнутри. Она была не сильной, скорее такой вот, мучительной, которая случается после долгой работы. Я завозилась, пытаюсь лечь поудобнее, но Чарли встрепенулся.

— Что? — тихо спросил он.

— Ничего. Просто ноги затекли, — врать нехорошо, но почему-то говорить правду не хотелось.

Да и вправду не страшно. Поболит и перестанет. Это усталость накопилась.

Именно.

— Спи, — сказал уже Чарли. — Хочешь...

Он сжал руку, и я почувствовала теплый поток силы, который прокатился по крови. Стало легче. И спокойней. И уютнее. А еще подумалось, что быть замужем не так уж и плохо.

Я закрыла глаза и провалилась в сон. К счастью, обыкновенный, отдыhательный.

* * *

Когда я проснулась второй раз, солнце стояло уже высоко. Оно пробивалось сквозь серые стеклышки, наполняя мастерскую неровным светом. В полосах его плясали пылинки. Свет разливался по полу, выхватывая его неровности и пятна, подчеркивал ржавчину на железе и потеки на стенах. Странно, но сейчас мастерская выглядела, пусть и заброшенной, но вполне уютной.

Я села.

Зевнула.

Огляделась. Надо же, кровать... откуда взялась? Хотя... крепко я, видать, вчера приснула. С другой стороны, есть отчего. Кроме кровати, которую поставили прямо посередине залы, нашелся и матрас, набитый свежей — или почти свежей — соломой, пара подушек да почти новое одеяло. Постельное белье тоже имелось, что вовсе поразило меня до глубины души.

Я потянулась, отметив, что вчерашняя боль, если не ушла полностью, то почти и отступило. Чуть тянуло мышцы шеи и плеч. Подумалось вдруг, что это ж логично. Я ведь летала. Вот с непривычки и натрудила. Потом подумала, что летала я во сне, а мышцы болят

наяву, и это уже совсем не логично. Потом мне думать стало лень и я обошла кровать кругом.

Так и есть.

Знакомый саквояж в углу. И шляпа Эдди. И еще его же револьверы с кобурой, что странно, потому как он их и дома не всякий день снимал. А тут снял. Стало быть, чувствует себя в безопасности?

А сам он где?

Эдди обнаружился внизу. Он сидел за старым верстаком, сгорбившись, склонившись над чем-то кривеньким и с виду напрочь ржавым. Меня он почуял, вскинул голову и улыбнулся.

— Выспалась?

— А то, — я подавила зевок и потянулась. — А ты?

— И я. И Чарли...

Он запнулся. Я же махнула рукой. Замужем, так замужем. Что уж теперь-то.

— Не злишься? — Эдди всегда меня понимал.

— Нет. А где...

Муж-то у меня наличествовал. А всякая хорошая жена должна интересоваться нахождением супруга. Так мамаша Мо говаривала, и не только она. Я еще думала, что в этом плане матушке повезло. Она-то точно знает, где папаша находится, а стало быть, очень хорошею женой является.

— Решил выйти, оглядеться.

— А не опасно?

— Беспокоишься?

— Он, вроде, неплохой человек, — признаваться в том, что и вправду беспокоюсь, было отчего-то стыдно. И кажется, я даже покраснела. Самую малость.

Эдди сделал вид, что не заметил.

— Неплохой.

— Но... мы разные, — с кем еще поговорить, как не с ним? С матушкой, разве что. Она бы, наверное, поняла. Или нет? Или сказала бы, что раз мы теперь женаты, то надобно смириться и вообще перевоспитаться, вести себя подобающим образом да все такое?

Перевоспитываться не хотелось, а хотелось есть.

— Разные, — согласился Эдди, вытирая руки. — Есть хочешь?

— Дико.

— А то... два дня проспать.

— Сколько?! — вот теперь я не то, чтобы удивилась. Это... это где ж видано, чтоб живой человек столько спал. Хотя вспомнилась вдруг старуха Мэдисон, которую в городке все-то, даже судья, побаивались, ибо была она женщиной сложной судьбы и не менее сложного характера, ко всему весьма на язык невоздержанной. Так вот, одного дня супруг её, которого в городе знали и весьма ему сочувствовали, сообщил, что преставилась она.

Во сне.

Ну, как водится, вызвали доктора, заодно уж и судья явился почтение покойной засвидетельствовать. Да и не только он один. Много народу собралось. На кладбище со всем политесом да немалым облегчением провожали. А она возьми да очнись аккурат, когда гроб в могилу опускать стали.

Ох и ругалась-то!

И главное-то наши с перепугу едва не пристрелили. Доктор еще потом клялся, что не специально, что случается с людьми такое. Называется летаргическим сном.

Вспомнилось и поплохело.

— Два дня, — Эдди вытер руки ветошью. — Мы уж и некроманта позвали, а он сказал, что это... как его... компенсация. Вот. Мол, мозги твои много поработали, когда ты в иной мир выходила, и им, значит, отдых надобен.

Мозгам.

Я потрогала голову, убеждаясь, что больше она не стала. Мамаша Мо когда еще меня пугала, что если читать слишком много, то мозги пухнуть станут и голова раздуется. Моя, вроде, пока прежнею была.

— Чарли волновался крепко, — Эдди поманил за собой. — Но ты и вправду спала. Даже слюни пускала.

Спасибо. Вот без этого знания я точно обошлась бы.

— А... что тут было-то? Ну, пока я слюни пускала? — я огляделась.

Стало вроде чище, чем раньше. Или кажется так? Кресло вон появилось. Кресла точно не было. Еще железяки всякие.

Стол приличный.

Печка.

И ларь, на крышке которого громоздились шестеренки, патрубки и переплетения проволоки. Над ларем то и дело поднимались облачка то ли пара, то ли инея. А еще от него пахло.

Мясом.

В животе заурчало и...

— Садись, — велел Эдди, подтолкнувши меня к столу, который совершенно точно стал чище, и даже подпалины на нем смотрелись иначе. Этаким узором.

Уговаривать не пришлось.

Я взобралась на высокий стул с почти целой спинкой. Эдди активировал огненные камни, плюхнув на один чайник, а на другой — чугунную сковороду немалых размеров.

— Стало быть, ты просто спала?

— Ага, — я мотала ногами.

Надо же, почти как в детстве.

Я пыталась научиться готовить. Честно. И даже когда еще была в доме прислуга помимо мамыши Мо, которая сразу сказала, что я слишком безрукая для учебы и во всем виноваты демоны, все одно на кухню заглядывала. И матушка меня учила.

Блинчики вот печь.

Омлет делать.

Варить кашу. Или рагу. Или... в общем, готовить я училась. Просто получалось не то, чтобы вовсе несъедобно, терпимо.

Когда других вариантов нет.

Эдди же...

Сковорода раскалилась и над ней задрожал воздух, Эдди вытащил банку с топленным жиром, зачерпнул ложку и плюхнул на сковороду.

Эдди точно знал, сколько нужно добавить соли и перца, и еще чего из двух десятков сушеных трав, которые мне казались совершенно одинаковыми.

— А вы чем занимались, — я торопливо сглотнула слюну. На сковородку же плюхнулся кусок мяса, который Эдди еще сверху придавил.

— Да ничем особо. Вот, порядок наводили. Прикупили кое-чего.

— Где?

— Да тут... тут тоже есть старьевщики. А как выяснилось, в последнее время клиентов у них прибавилось. Многие уходят.

— Как твой друг?

— Именно.

— Это плохо, — что еще сказать. Люди, они же ж твари такие, которые ко всему привыкают. Их за просто так с места не сдвинуть. А уж коли решили сами сдвинуться да бежать, барахлишко свое за пару центов скинувши — большего старьевщик не даст — то дела тут совсем дрянь.

— А то...

Эдди посыпал мясо какой-то приправой.

— Многие закрылись, даже те, которые выше.

Запах пошел умопомрачительный.

— Охотников, поговаривают, прижали. Требуют сдавать добычу только в официальные мастерские. А там платят по официальным же расценкам.

— Грабят, короче.

— На законном основании, — согласился Эдди.

Как будто тому, кого грабят, легче от того, что на законном основании.

— Экспедиции организуют. Объявили набор желающих, — он перевернул мясо, и запах стал совсем уж невыносимым. А передо мной упала деревянная миска с лепешками. — Пожуй пока.

— И как желающих?

— Не особо. Тому, кто опытный, разве оно надо? Переться в Мертвый город, рисковать, а потом получить десятую часть добычи. При том, что идти придется с новичками да под руководством доверенного человека.

Я хмыкнула.

Найдут ли дураков вообще? Хотя... найдут. Дураков везде хватает.

Посулят чего.

Распишут.

— Главное, что те, кто и вправду чего-то в охоте понимает, они давно уже убрались. И вряд ли вернуться. Пара-тройка ходоков, может, и осталась, но таких, которые не особо везучие, которым деваться некуда.

— И когда пойдут?

Почему-то мне была категорически неприятна мысль, что кто-то полезет в Мертвый город. И вообще не потому, что я за людей

беспокоилась.

Город ведь... если я забрала то, что хранило его, то выходит, он незащищенный?

— Пока не ясно, но точно откладывать надолго не станут, — Эдди разбил пару яиц, сыпанул поверху крупной соли и крышечкой прикрыл, чтоб оно все упарилось.

— Еще что?

— Магов обязали пройти регистрацию. И получить особый знак. Чтоб, стало быть, простые люди понимали, кто перед ними. Правда, ходит слухок, что пара-тройка из тех, кто первыми знак получил, после исчезли. А еще один свихнулся и спалил дом вместе с женою и детишками. После этого те, что поумнее, предпочли убраться.

Этак в городе никого не останется. Не понятно только, для чего оно все? Жили же ж... и нормально, если верить Эдди, жили.

— И... как? Чарли?

— Пока никак. Ни ты, ни Чарли никуда не пойдете. Ты вообще... на от, — Эдди вытащил из кармана несколько камушков, на веревку нанизанных. — Ему тоже сделал. Ну и вообще... физию чуть подправили. Оно-то не особо спасет, если загребут, но так, глядишь, никто приглядываться не станет.

Я веревку надела и камушки убрала под рубашку.

— Еще переодеться тебе надо будет, — он плюхнул сковороду прямо на стол. И сам сел. — Тут... такое... в общем... новый указ вышел. О морали.

— Высокой?

— А то. Выше некуда.

Что-то мне совсем не по себе сделалось. Боюсь я высокой морали. Не дотягиваю.

— В общем... женщинам надлежит вести себя скромно. И одеваться соответствующе. Дабы не вводить в смущение и соблазн мужчин.

Я ткнула лепешкой в ароматный жир.

— Юбки, да?

— Юбки. И чепец.

— Юбки пошире бери, — я зажмурилась от удовольствия. Остро. Ипряно. И сладко тоже. А мясо мягкое, сочное, прямо тает во рту. — Чтоб револьверы заметны не были.

— Революеры?

— Мораль буду отстаивать. Высокую. С революерами оно всяко сподручнее...

Глава 9. Где случаются неожиданные находки

Чарльз шел по узкой улочке, стараясь не особо крутить головой, что получалось не слишком хорошо. Все было... другим.

Прежде всего — запахи.

Резкая вонь сточных вод, что протекали по трубам, но трубы, проложенные сотню лет, то ли не справлялись, то ли нуждались в замене. Как бы то ни было, но воды они не удерживали, и те проступали сквозь землю, мешаясь с гнилою соломой, скорлупой и всей той грязью, которую оставляют после себя люди.

К этой вони добавлялась другая.

Желтый дым сползал на нижние уровни, привнося с собою характерную смесь алхимических запахов. От неё-то и от дыма местные защищались платками или вот масками, вроде той, что Эдди вручил. Маска была старой, слегка перекошенной и дышалось в ней тяжело. Но стоило снять, и Чарльз осознал, что не так уж и тяжело.

Главное, фильтрующее заклятье работало.

А еще маска закрывала половину лица. Вторую прикрывала шляпа с широкими полями. Костюм дополняли просторные, пожалуй, даже чересчур просторные штаны из мешковины, кое-где укрепленные латками, и кожаная куртка со множеством карманов.

И то, и другое было не новым.

В прошлой жизни Чарльз скорее умер бы, чем примерил чужую не слишком чистую одежду. А тут даже вполне неплохо себя в ней чувствовал. Мятая рубашка. Высокие ботинки.

Пояс с револьверами.

Матушка его точно не узнала бы.

Стоило подумать и гулять расхотелось совершенно. Чарльз остановился перед витриной, сквозь мутное стекло которой проступал манекен в военной форме. Правда, на двери лавки висел замок.

Как и на многих иных дверях.

Проклятье.

Стоило бы вернуться, но... зачем? Никогда-то еще Чарльз не чувствовал себя настолько бесполезным. Орвуд вон билет свой

получил. На две персоны.

И собирается.

И...

И от него толк есть, а Чарльз вот по городу гуляет. Изучает, так сказать, значные места. И наверх нельзя, ибо, если его ищут, то найдут. И вряд ли кому-то он поможет, оказавшись в тюрьме. Главное, умом-то Чарльз все понимал, но...

Сердце требовало действий.

И он развернулся.

Местный переулок Чарльз уже успел изучить, пусть и не отходил далеко. И теперь старая мастерская виднелась вдали.

— Эй, — окликнули Чарльза, и он сперва даже не понял, откуда раздался этот голос. Но дверь в лавку готового платья приоткрылась, причем совершенно беззвучно, и из щели высунулась голова. Голова была лысоватой, грязноватой и на редкость лопухой. — Бабу хочешь?

— Бабу? — переспросил Чарльз, поскольку показалось, что ослышался.

Но голова закивала.

— Хорошая. Красивая! Недорого.

— Спасибо, воздержусь.

— Ну смотри, — голова сплюнула. — А то ж я гляжу, человек приличный. Приличному человеку без бабы тяжело. А тут вот...

Он дернул шеей.

И Чарльз решился.

— Сколько?

— Так... недорого. Золотой. Ежели по-скоренькому. Или два, если на час. А хошь — на весь день, но тогда десятка.

— Показывай, — наверное, даже совершенно точно, это было глупостью, соваться в неизвестную дыру за обещанной бабой.

Голова скрылась за дверью и та приотворилась. Правда теперь из щели высунулась рука.

— Деньги вперед!

Чарльз сунул монету.

— Сперва поглядим, что там у тебя за баба...

— Не сомневайся! Хорошая! Только сегодня нашел! — человечек оказался невысоким и на диво уродливым. Скособоченная фигура его, облаченная в зеленый бархатный камзол, была словно слеплена из

разных частей. Горбатая спина сочеталась с непомерно длинными руками, что свисали ниже колен. Короткие ноги выгибались колесом. И человек ходил, переваливаясь с одного бока на другой.

В руках его оказалась масляная лампа на латунной ручке.

— Доволен будешь... ох и доволен... — он поманил Чарльза за собой.

Изнутри лавка оказалась куда более просторной, нежели представлялось Чарльзу. Здесь хватило места и нескольким болванам, на которых пылились платья, давно вышедшие из моды. У стенки поднимались полки, большей частью пустые. На некоторых высились коробки и тюки самого затрапезного вида. Пол под ногами скрипел и прогибался, и не отпускало ощущение, что лавка брошена. Или вот-вот будет брошена.

— Сюда, сюда, — тип поманил Чарльза на узкую лестницу. — Вниз.

Стало как-то не по себе. И здравый смысл подсказал, что там, внизу, вполне возможно ждет не обещанная баба — на кой она вообще Чарльзу сдалась? — а десяток молодчиков, решивших, что им золотишко нужнее, чем Чарльзу. А он сам по себе идиот.

— Идем. Мамой клянусь, что все взаправду! Да чтоб мне провалиться! Если знаешь, то старый Мэтти — человек честный. Он никогда бы врать не стал, — уродец говорил громко и быстро. И фонарь в его руке покачивался, выпуская длинные тени, что ложились на лестницу. — Старый Мэтти был портным! Хорошим портным! Было время, он для самого Мастера шил! Да, было время...

Снизу потянуло такой вонью, что даже фильтры не помогли.

— А потом что? Потом явились эти... и все-то... не ценят умелого человека, не ценят... тут вот ценили. Держали... обращались вежливо. Уважительно. Пока все опять... опять и опять... только приживешься, обзаведешься знакомствами полезными. Без полезных знакомств человеку никак невозможно...

Бормотание доносились откуда-то снизу.

Чарльз спускался.

Грязные ступени.

Грязные стены. И ощущение, что идет он куда-то совсем даже не в подвал. Не только в подвал.

— А они снова... перевернули... разорили... оставили без медяшки последней. И говорят, мол, радуйся, что живой! А Старый Мэтти радуется... радуется... так радуется, чтоб вам, иродам, икалось до самого последнего дня... Старый Мэтти свое дело знает.

Спуск завершился. Точнее он продолжался, лестница, как успел заметить Чарльз, делала поворот и уходила куда-то еще ниже, в катакомбы.

Интересно.

И надо будет спросить у Эдди. Не то, чтобы катакомбы так уж привлекали, но если вдруг придется уходить, надо иметь хотя бы представление о том, куда уходить.

Чарльз положил руки на револьверы.

— Ах, не стоит беспокойства, — замахал Старый Мэтти, и фонарь в руке его закачался. — Туточки она. Сидит. Тихая. Я ей так и сказал, сиди тихо, а то хуже будет!

Он погрозил кулаком грязной двери, которая по цвету почти сроднилась с камнем. И вновь протянул руку.

— Баба хорошая! Вот чтоб мне провалиться.

И Чарльз протянул еще монету.

— Сколько за всю? — спросил он.

— Чего? — уродец моргнул озадаченно.

— Ты ведь уходишь, верно? — Чарльз осмотрелся. К сожалению, дверь была плотной и разглядеть, что там за ней, не представлялось возможным. — Отсюда и из города вообще.

Голова уродца дернулась.

— Хороший портной везде найдет клиентов, но на обустройство нужны деньги, верно? Откуда она взялась?

— Кто? — белесые ресницы в темноте поблескивали.

— Баба. То есть, женщина.

— Так... пришла, — он махнул рукой. — Оттудова.

— Катакомбы?

— Подземелья, — поправил Старый Мэтти и губы облизал. — Там... в прежние времена...

— Не все пути открыты хорошим людям, верно? Иногда им приходится искать обходные?

Мэтти осторожно кивнул.

— И ты иногда приходил на помощь. Не подумай, я только рад. Всегда, понимаешь, приятно встретить человека, не равнодушного к бедам других.

Чарльз старался говорить мягко, спокойно.

— Я в городе не так давно, но уже понял, что здесь стало... сложно. В том числе и хорошим людям.

— Все ушли, — пожаловался Старый Мэтти. — Все! Те, кто прежде жаловал... те, кто приносил товар... приходил за товаром! Никого-то не осталось. Беда, беда... разорение.

— Сочувствую. Так, расскажи об этой... гостье. Ты ведь не желал ей вреда.

— Я её не трогал! — Старый Мэтти замахал рукой. — Я не трогал! Я вон... подобрал, обогрел... накормил. Платье дал! У меня хорошие платья! Лучше Старого Мэтти никто не сошьет.

— Верю. Так... сколько ей лет?

— А я откудова знаю? Сидит он... — Мэтти достал ключ. — Забирай... я же ж...

В выпуклых глазах заблестели слезы.

— Все забрали... пришли, сказали, что лицензии нету... что я промышляю запретной торговлей... штраф плати. Или пойдешь... в лаборатории пойдешь.

Он горестно всхлипнул.

И ключ-таки сунул в руки Чарльза.

Тот вошел в замок с тихим скрежетом, но повернулся легко, показывая, что за замком, да и за комнатушкой этой следили. Некогда в ней, кажется, хранились вещи, вероятно, не совсем законные. Ныне же от них осталась пара сундуков, подернутых пылью, и грязное одеяло, на котором, сжавшись в комок, сидела девушка.

Совершенно незнакомая девушка.

Молоденькая.

Она вытянула руки, пытаясь защититься от Чарльза, и меж пальцев блеснула слабая искра.

— Прекрати, — сказал Чарльз. — А то найдут.

— Я...

— Никто тебя не обидит. Сколько? — это он спросил уже у Мэтти, который переминался сзади. И сняв с пояса кошель, протянул. — Хватит?

Отказываться Мэтти не стал, схватил кошель обеими руками и закивал.

— Благодарен, добрый господин. Благодарен...

— Погоди, — Чарльз пытался понять, что ему делать дальше. И с девицей, и с лавкой этой. — Знаешь, что там внизу?

— Так...

— Подземелья, — одновременно ответили Мэтти и девица, которая сумела-таки справиться с силой. И хорошо, что-то подсказывало, что, коль взялись за магов, то и за магию тоже. А стало быть, проявления силы будут отслеживаться. Чарльз лишь надеялся, что они находятся достаточно глубоко, чтобы слабый этот выплеск рассеялся и не потревожил сторожевые заклятья.

— Это я понял. Как далеко они простираются?

— Так... весь город.

— И ниже, — сказала девица, вытирая рукавом лицо. Она как-то вдруг успокоилась и даже сумела унять дрожь. — Отец говорил, что они соединяются с древними шахтами подземников. И есть легенда, что по ним можно уже дойти до самых Драконьих гор, не выходя на поверхность.

— Байка.

— Нет! — девица сказала это довольно громко. — Мой отец архивариус!

Надо же, даже архивариус у них есть. Хотя чему удивляться-то. Если банк имелся, то почему бы не быть и архиву с архивариусом?

— Был, — девица всхлипнула и губы её задрожали. — Он... они... они его...

— Сволочи! — поддержал её Старый Мэтти.

А Чарльз согласился.

Девица же вытерла слезы рукавом.

— Я... я прошла... папа был прав... я сумела... ходы есть везде и...

— Карта?

Сомнительно, чтобы Чарльзу настолько повезло. Но девица покачала головой.

— Я помню, но... папа говорил, что он хочет составить полную карту. Составлял... искал... всякие планы и еще с подземниками дело имел... и... — слезы все-таки посыпались из глаз.

— Я только туточки план имею, — сказал Мэтти. — Надо?

— Надо, — согласился Чарльз и протянул руку девице. — Идем. Не думаю, что есть смысл и дальше торчать тут.

Она поднялась, но в последний момент спохватилась, насупилась и уставилась на Чарльза с немалым подозрением.

— Бросьте, — скривился он. — Я не собираюсь вас насиловать. Или продавать. Или делать еще что-либо... клянусь.

Поверили?

Не сразу. Девица вздохнула и, оправив платье, сказала:

— У меня все равно выбор невелик.

И это было чистой правдой.

Глава 10. О женском предназначении и великих планах

Я глядела на мужа хмуро.

Мало того, что сгинул куда-то там. Не сидится ему. Погулять охота. Так еще вернулся с какой-то преподозрительною девицей, ко всему хорошенькою настолько, что прям захотелось вцепиться ей в волосы.

— Молли, — сказал Чарльз, подтолкнув девицу в спину, а та смутилась, потупилась и на круглых щечках её румянец вспыхнул.

Хорошенький.

Вот я, если и краснею, то пятнами. А эта... прям даже краше стала.

— Милисента. Моя жена, — сказал Чарльз, верно, почувявши что-то этакое.

А что?

Жена. Вот как есть! Перед богами, причем всеми и сразу. И... и терпеть, как матушка, делать вид, будто ничегошеньки не понимаю, не стану.

— Приятно познакомиться, — сказала эта... Молли, приседая. И юбки так приподняла, чтоб в сторону, и глянула исподлобья. А я во взгляде этом прочитала, что ни хрена подобного.

Не приятно ей вовсе.

И вообще предпочла бы она, чтоб был Чарли холостым. Можно, если вдовцом. Сразу так кулаки и зачесались, но бить человека без повода — неприлично.

Я подавила вздох.

И сказала.

— Тоже. Приятно.

Эдди за спиною хмыкнул, этак, в сторону.

— Эдвард, — продолжал представлять Чарли. — Мой шурин. Кажется, это так называется.

— Он же ж... — пискнула эта... Молли и вовремя заткнулась, сообразивши, что иногда мнение стоит держать при себе. — Счастлива с вами познакомиться!

И улыбнулась, будто вправду счастлива.

А у меня зубы заныли.

Нет, я знала, что я не особо красива и красивой никогда не стану, но вспомнился вдруг проклятый город, и драконы, и... и почему мне не досталось вместе с силой хотя бы капля их красоты? Такой, чтобы эта вот Молли перестала глядеть на меня с недоумением.

И снисхождением.

С жалостью, с которой обычно женщины глядят на других женщин, которым не повезло от рождения. Да, у меня нет золотых кудряшек и кожа темна, и черты лица резковаты, и носик не вздернут, и щечки без ямочек. И...

Стало совсем погано.

На кой ляд он приволок сюда эту вот Молли? И главное, понимаю же, что там, на Востоке, будут совсем другие женщины, перед которыми уже Молли покажется провинциальной замухрышкой. Но легче от этого не становится. Только хуже.

— Молли удалось сбежать... — Чарли уставился на неё, сообразивши, что понятия не имеет, откуда именно ей там удалось сбежать.

И главное, на кой ляд.

Мужики.

Им бы спасти кого посимпатичнее, а потом уж только разбираться станут, чего да как.

— Это... это было ужасно! — заговорила Молли и голосок её дрожал, а в голубых очах появились слезы, правда, не потекли, а легли на ресницы, что роса на лепестки. — Просто... просто невероятно!

— Что именно невероятно? — буркнула я, ибо даже братец поплыл от этакой нечеловеческой красоты.

Может, пристроить её куда?

Ну... не за Эдди. Я её плохо знаю, и вообще представляется она мне исключительно подозрительною, но вот, глядишь, некроманту сойдет? Он же ж тоже без невесты остался.

Пусть забирает.

— Все, — Молли огляделась и довольно-таки решительно прошла по мастерской. Сморщила носик. Стало быть, не нравится ей? Вот пусть и убирается туда, где нравится.

— Не фырчи, — произнес Чарли на ухо и зачем-то обнял меня. — Она нам нужна.

— Зачем?

Видят боги, понятия не имею, где может пригодиться данная девка. Она же на стул присела.

— С вашего позволения. Я безумно устала!

Спина прямая, руки на коленях. Прямо не девице, а картинка с той книги по этикету. Начинаю жалеть, что не дочитала.

— Это было так тяжело... так...

— Чаю будете? — осведомился Эдди, руку почесывая.

— Если можно и... мне до крайности неловко, но... я второй день ничего не ела.

Врет.

Вот как дышит. У людей, два дня не евших, взгляд совсем другой. Мне ли не знать.

— Безусловно. Милли, ты...

— Лучше я, — Эдди правильно все понял. — Милисента... лучше пусть отдохнет.

А то, не хватало еще, чтоб очень нужная девица чем-нибудь да отравилась.

Через полчаса она девица сидела уже за столом, над сковородкой, где доходило мясо и жареные яйца. От мяса опять запахло так, что я вновь сглотнула слюну. Я же только-только поела вроде, а в животе опять пусто.

— Подвинься, — сказала я, устраиваясь рядом. В конце концов, Эдди, словно наперед чуял, и мяса пожарил целую сковороду, так что хватит на двоих.

Молли нахмурилась и тихо сказала:

— Между прочим, воспитанные люди...

— Тебе не повезло, — перебила я её. — Я невоспитанная.

— Заметно.

Так... я ж не скрываю. Я вытащила еще кусман мяса, выбрав пожирнее, уложила его на лепешку, завернула и откусила.

Благодать.

Даже эта... Молли не раздражает.

Ну, почти.

Она же ела аккуратно, ножом и вилкой, причем нож был Эдди, крупноватый, а вилка кривозубенькой, но вот же ж, Молли орудовала так, будто бы ей сие привычно было.

И главное, ела-то, что птичка клевала.

Два дня, стало быть?

— И все-таки, — Чарльз смотрел на нас обеих, не спеша вмешиваться. — Вы не могли бы изложить вашу... ситуацию.

— Конечно, — она взмахнула ресницами и потупилась, отчего появилось почти непреодолимое желание отвесить ей затрещину. Нечего чужим мужьям глазки строить. — Я... появилась на свет во Внешнем мире. А уже потом мы сюда переехали. Мой отец был городским архивариусом. Матушку я почти и не помню, она покинула нас, когда я была совсем юной.

Она что, серьезно, от сотворения мира рассказывать собирается?

— Мы жили тихо. Мирно. Я помогала отцу в его работе. Его очень ценили Мастера и... — она все-таки всхлипнула. — Я не представляю, что случилось!

Я представляю.

Она нашла приключение на задницу, а досталось папаше.

— Еще в прошлом году пошел слух, будто бы... будто старый мастер Олаф отошел, и место свое уступил не сыну, а племяннику. Про того никто не слышал. Отец сказал, что он, скорее всего, даже не племянник, потому что у мастера племянников не было, а о его братьях мало что известно, — она отправила в рот крохотный кусочек мяса, который поспешно проглотила. — Однако сына мастера обвинили в подлоге, и еще в сговоре со внешниками. И его судили.

По круглой щечке поползла слезинка.

А вот взгляд Молли мне не понравился. Не было в нем печали, скорее легкое раздражение. Неужели полагала, что бросятся утешать?

— Тогда-то многие и поменялось. Обнаружили заговор. И... на каторгу отправили не только его, а еще других многих.

У них тут и каторга имеется? Надо же, совсем цивилизованные.

— Совет наново избрали. Отец был недоволен. Он говорил, что это неспроста, что...= надо уходить. Он и собирался. Мы никого не знали там, снаружи, но... у нас были деньги. И отец сказал, что этого хватит, чтобы устроиться. Но... не успел. За ним пришли.

Слезу она все-таки смахнула.

— Нас забрали. Отца и... меня, — голосок задрожал, а Эдди нахмурился. Девуцу жалеет? Или тоже видит, что все её нынешнее блеяние — притворство.

Надо уходить.

Чувство, что эта красавица тут не просто так, образовалось и окрепло.

— Его отправили в тюрьму. Мне обещали, что к нему проявят снисхождение, если я буду сговорчивой... и... склоняли... к такому... к... — она прижала руки к груди.

Ага, склоняли, но не склонили.

Что-то тут не вяжется. Вот честно. Даже Бетти находила, чем обламывать скандальных шлюшек, а тут чтобы цельный заговор да разбился о неприступную крепость одной добродетельной девы?

Не смешите.

— Меня и других девушек отобрали... поместили... они называли это домом Добродетели... — а говорит она медленно, наблюдая при том за Эдди.

И за Чарли.

Нет, вот руки прямо иззуделись все треснуть эту раскрасавицу. А главное, что Эдди, что Чарли слушают да кивают пресочувственно.

Злости не хватает.

— Мы там жили... с другими девушками, — она даже всхлипнула и слезинку смахнула. Реснички задрожали, губы скривились, того и гляди вот-вот расплачется.

— И чего? — спросила я довольно-таки грубо.

Она аж подпрыгнула.

Уставилась так... нехорошо. Думаю, она бы мне в волосья вцепилась с меньшей охотой, чем я ей. Вот, похоже, общее мы уже нашли, а это, как говаривал наш пастор, уже шаг к взаимопониманию и примирению. Мириться я не собиралась, но понять, чего эта лахудра прекрасноокая замыслила, хотелось бы.

— П-простите? — пролепетала она.

— Жили, — говорю. — Как? Делали чего?

— Читали.

Она поджала губки.

— Псалмы. И жития святых. И Великую книгу.

— Это какую? — у мамыши Мо одна книга значилась в достаточной степени великой, чтобы все остальные спровадить на костер. За исключением, быть может, домовой, в которой она расходы записывала, и еще той, которая с псалмами на все случаи жизни.

— Великую, — повторила Молли чуть громче. — Её написал Великий Мастер Ротт. И там сказано, как правильно жить.

— Кому?

Эдди отвернулся, пряча усмешку.

— Всем.

— Вот так прямо и всем?!

— Милисента! — а вот Чарльз, кажется, решил, что я издеваюсь над этою... молью. И прав был. Издеваюсь.

— Людям, — она поджала губенки. — Люди были избраны богами, чтобы сотворить новый мир — справедливости и всеобщего благоденствия.

Ой, чую, зря это они. Ну, боги. Или творить надо было аккуратнее, а то получилось, что получилось.

— Однако в гордыне своей и величии люди позабыли о той миссии, которая была возложена на них, — а вот теперь Молли говорила вполне себе искренне. Ишь, и глаза загорелись этак... нехорошо загорелись, аккурат, как у мамыши Мо, когда она с пастором спорила о том, как правильно из людей бесов изгонять — ледяною ли водою или же только молитвой.

И Эдди подвинулся чуть ближе.

Эдди... может, он когда-то и влюбленным был, да с той поры крепко времени прошло. И теперь смазливою мордашкой его не провести.

— И только малым открылась истина! Великий Мастер познал...

Молли продолжала говорить и уже чуть громче, чем прежде.

— ...путь, за что и был коварно убит подлыми приспешниками Дьявола.

Куда ж без него.

Мамаша Мо, она не только по бесам специалист особый, она и про Дьявола много сказывала, про то, до чего он коварный и, главное, охочий до юных невинных девиц.

Выходит, не только до девиц.

— Многие покинули большой мир, спасаясь от расправы, чтобы здесь, в отдалении и тиши сотворить новый город, — Молли выдохнула и часто-часто заморгала, старательно вызывая слезы, да только что-то не выходило. Тогда она распрямилась и ткнула вилкой в последний кусок мяса. — Так нам говорили.

— А еще что говорили? — поинтересовался Чарли преласково, сочувствующе этак.

Нет, не заладится у нас с семейной жизнью.

На кой ляд мне сдался муж, который посторонним девицам сочувствует? То-то и оно...

— Говорили, что мы... мы должны понимать... осознавать... свою ответственность. Что наш долг — выбрать подходящего мужа и слушать его. Подчиняться. Исполнить женское предназначение.

— Это какое?

— Родить детей! Много детей! Что... что теперь благословение снизошло на наследника Великого Ротта. И ему открылось, как сделать так, чтобы дети рождались одаренными. И из них вырастут могучие маги, которые переменят все мироздание, — она замолчала, задумчиво разжевывая мясо. И поинтересовалась: — Думаете, получится?

Мы с Эдди переглянулись.

— Да... как сказать, — протянул братец. А я кивнула. Нет, план не выглядел совсем уж бредовым. Встречались которые и куда как похуже, однако же ж могучие маги — дело такое. Их не только родить надо.

Да и вообще...

Пока родятся.

Пока вырастут.

Пока, собственно, из засранцев могучими магами станут. Это ж сколько времени пройдет-то? Что-то сомневаюсь, что этот их новый Великий Мастер будет на заднице сидеть и ждать, подсчитывая, сколь в его племени великих магов прибыло.

Нет, тут чего-то другое.

А чего?

Глава 11. Где открывается путь в подземелья

Девушка, умывшись, причесавшись, весьма похорошела. И Чарльз не мог отделаться от мысли, что именно такой и должна быть его жена.

Аккуратной.

Миловидной.

С бледной кожей, никогда-то не знавшей солнца, со светлыми волосами, убранными в аккуратную прическу. Шея длинная. Черты лица тонкие, изящные. Переодень её в подходящее платье, добавь шляпку, драгоценности и никто-то не скажет, что девушка — провинциалка.

Милли платьем не справишь.

— Осторожнее, — тихо сказал Эдди, перекладывая какие-то шестеренки. На верстаке лежало нечто, больше напоминавшее разобранные часы, правда, какие-то несуразно длинные, будто содержимое их растянули змеею, скрепив для надежности проволоками.

— Извини?

— Ты так смотришь на эту девушку, что у меня поневоле закрадываются нехорошие мысли, — Эдди подцепил пинцетом крохотную шестеренку и поднес к самому носу. — Ишь, заржавела...

— Я не собираюсь... — Чарльз почувствовал, что краснеет.

— Она хорошенькая, — согласился Эдди.

— Это ничего не значит.

— Ладно, коли так, но она хорошенькая.

— И что?

— Ничего. Просто... знаешь, читал я когда-то, будто в Африке... ты бывал в Африке?

— Нет.

— И я вот нет. Но там львы водятся. И тигры.

— Тигры в Индии водятся.

— Один хрен. Главное, что когда идут на них охотиться, то не бегают по всем джунглям, а берут овцу и на веревочку привязывают. Или там козу. А сами рядом где-нибудь устраиваются. С ружьем.

— Думаешь...

Чарли покосился на Молли, которая устроилась в уголке и, расстелив на коленях кусок ткани, что-то старательно из неё складывала.

— Не нравится она мне, — поделился Эдди. — Слишком уж... хорошенькая.

— Слабый аргумент.

— Не скажи. Вот смотри, ты собрал девиц... скажем, десятка два или три, но думаю, что их куда как больше. Часть из борделей, часть... не совсем, чтобы из борделей, но точно от невинности далеких. И часть опять же девиц воистину невинных, а заодно уж воспитанных и собою милых. Думаешь, много таких?

Милли забила в другой угол, откуда и наблюдала за Молли, всем видом показывая, что вовсе этакой гостье не рада.

— Немного, — вынужден был согласиться Чарльз.

— Вот и я о том. И еще о другом. Если всех их охраняют, то кого будут охранять тщательнее? И опять же, у кого будет больше шансов выбраться на улицу, у той, которая на улице этой выросла или той, что видала её только через окошко?

Шестеренка встала точно на место.

— У нее были карты...

— Ну да, именно этого и достаточно, чтобы выбраться... карты... ты когда-нибудь пробовал куда-нибудь попасть, используя только карту? — Эдди глянул исподлобья. — Особенно, если ты трепетная девица в бегах? Тем паче... от чего ей было бежать? От чтения книжек?

— То есть, ты ей не веришь.

— Ни на медяк.

— Она не лгала, — это Чарльз мог сказать совершенно точно.

— Ты как маленький. Лгать вовсе даже не обязательно. Да и... в чем она солгала? Побег? Был. Устроили. Дом? Тоже был. И книга эта, думаю, имеется. Нет, тут она не лгала. Интересно другое.

— Что?

— Для кого на самом деле эта овца предназначалась.

Он провел пальцами по механизму, и шестеренки слабо задрожали.

— Думаешь...

— Про это место мало кто знает. Да и не той важности я человек, чтобы за мною подобную красотку отправлять. Ты, уж извини, и вовсе по местным меркам... — Эдди щелкнул пальцами. — В общем, не про нас она. Мы тут случайно встретились. И будь уверен, очень скоро она найдет способ от нас избавиться.

— И что делать?

— Приглядывать. А заодно... — Эдди осклабился. — Прогуляться вниз. Раз уж у нее карта имеется.

Мысль Чарльзу понравилась.

* * *

Воняло в тоннелях.

Воняло.

Как в тоннелях, куда спускались сточные воды, мешаясь с подземною рекой. К реке мы вышли не сразу. Сперва Молли причитала и даже слезу пустила, жалуясь на то, до чего она усталая и просто вот категорически неспособная и шагу сделать.

— Я понесу, — сказал Эдди и подмигнул. — Заодно познакомимся поближе...

Знакомиться поближе Молли почему-то не захотела, отчего я окончательно уверилась, что она стерва и дура. А заодно вздохнула с облегчением. Братец у меня, конечно, толковый, но... мало ли.

Хорошенькие девицы — они поопаснее иных ганфайтеров будут.

Ну и пошли.

Сперва к лавке, которая оказалась запертою, но для Эдди сие проблемой не было. После по тайному ходу вниз.

И еще ниже.

Чарли даже показал камеру, в которой девица томилась. Ну... ничего так. Чисто, сухо и даже не сказать, чтобы тесно. Самое оно, чтоб спасения ожидать.

Эдди в этой камере на стене угольком две полоски нарисовал.

После еще одну.

И кружок внизу.

— Кому надо — поймут, — сказал он, вытеревши грязные руки о тряпье. Девица нахмурилась и губки выпятила, но в кои-то веки на нее, кроме меня, никто и не смотрел.

И мы пошли вниз.

И вниз.

И... лестница, которая сперва была вполне себе приличную лестницей. Со ступеньками почти ровными, хотя и крутыми. Но чем дальше, тем круче они становились, а лестница сужалась, на ступеньках же появлялись трещины. И под ногами хрустело что-то, осыпалось, навевая нехорошие мысли о хрупкости окрестного камня.

Впереди шел Эдди, за ним Молли, а за нею — я. И готова поклясться, что в голове этой стервочки бродили не самые добрые мысли. Пару раз она оборачивалась, и взгляд её делался презадумчивым. Вот аккуратно будто думала, где сподручнее наши трупы-то спрятать.

Но я демонстративно держала руки на револьверах, да и Чарли подобрался, подрастерял былую доверчивость. Так что, чей труп пришлось бы прятать в случае чего, это еще подумать надо.

Лестница вывела к реке.

То есть сперва это казалось ручейком, темным и грязным, с трудом пробивающемся по узкому руслу. Причем русло это, выложенное красным кирпичом, гляделось довольно-таки пристойным. Стены тут расходились, и по обе стороны канала появлялись берега. Сперва узенькие, но они расширялись, как и ручеек.

— Интересное место, — сказал Чарльз, оглядываясь.

Свет газовых фонарей кое-как справлялся с окрестной темнотой.

— Это было построено лет триста тому, — сказала Молли, не скрывая чувства собственного превосходства. — Первопоселенцами, которые сумели договориться с союзом племен. Среди поселенцев были подгорники, и они-то проводили разведку.

Мне опять захотелось треснуть эту, слишком уж умную, по темечку.

— Здесь недалеко находится древний город...

— Еще один, — не выдержала я.

— Еще? — она обернулась, удостоив меня взглядом. Хотя ничего-то доброго в этом взгляде не виделось.

— Там, — я махнула рукой. — Тоже город есть. Древний.

— Мертвый?

— Слышала?

— Отец рассказывал. Однако он был уверен, что Мертвые города — явление исключительное, это следы древней цивилизации, которая

исчезла задолго до появления людей.

Ну... как сказать.

Люди там тоже отметились. Среди прочих.

— А этот город, хоть и древний, но был построен в относительно недавние времена, что-то около тысячи лет тому.

Ну да, позавчера, почитай.

А с другой стороны, когда ушли драконы? Надо будет поинтересоваться при случае. Хотя не факт, что сами они знают. Но поинтересоваться-то я могу.

— Его создали на месте, имевшем важное ритуальное значение для окрестных племен. Сперва, как отец полагал, возник храм или его слабое подобие.

— Почему подобие?

Желание треснуть Молли по башке никуда-то не подевалось, но вот слушать её было интересно. Всяко интересней чем идти в тишине и гадать, крысы там за поворотом шубуршат, или чего похуже.

— Речь о примитивных народах, — сказала Молли снисходительно. — Естественно, и верования у них были примитивными.

Эдди что-то проворчал, благо, неразборчиво.

— Они собирались вместе, чтобы восславить своих богов...

— Храм до сих пор открыт, — перебила я эту дуру чересчур уж цивилизованную, пока она не наговорила чего совсем уж лишнего.

— Это ненадолго, — отмахнулась Молли.

— Почему?

— Очевидно же, что религия в существующей ныне форме — лишь дань прошлому с его мистическим мышлением и неспособностью познавать окружающий мир.

Она приподняла юбки и зашагала бодрее.

— Ко всему религия и жрецы вносят существенный вклад в эксплуатацию магами простых людей, а это не может и дальше продолжаться. Новый мир требует новой веры.

— В этого... Великого мастера?

— В идею! — голос Молли прокатился по туннелю, породивши уродливое эхо. — Обществом должна двигать идея! Только она и способна объединить всех.

— Понятно, — сказала я. — А город? Ты сказала, что сперва был храм. Потом что?

— Потом? — Молли снова оглянулась, но я сделала самое идиотское выражение лица, на которое была только способна. Откуда мне, пришедшей, о высоких идеях знать. — Потом... отец предполагал, что возникли некие правила, регулировавшие отношения племен. Аналог нашего закона. Появилась торговля. Кто-то счел возможным поселиться, поставить мастерские. Город разрастался.

Вонь почти унялась, а мы оказались в огромном тоннеле. Полукруглые своды поднимались высоко над нашими головами, смыкаясь где-то в темноте. Рядом шелестела вода, ластясь о каменное ложе русла. И камень же, гладкий и ровный, лежал вдоль берега. Время от времени из воды поднимались узорчатые столбики.

— Почему его оставили? — я остановилась, прислушиваясь к этому месту, которое... которое не было враждебным.

— Понятия не имею, — Молли дернула плечиком. — Может, просто стало неудобно под землей?

Нет.

Не в этом дело.

Или... в этом? Пара тысяч лет... и те, кто владеют миром? Брат Кархедона куда-то ушел. Из города. Куда? Куда можно уйти, если окрестные земли поделены? Если те, кто обретаются на этих землях, принадлежат драконам? За море? Туда, где ныне Африка и Старый свет? Не думаю, что пересечь океан было просто и дракону. А уж дракону, который увел с собой других?

И не только драконов?

Я остановилась и осторожно коснулась руки Чарльза.

— Нам надо туда, — сказала я шепотом.

— Там нет ничего интересного, — Молли тоже услышала. — Уж поверьте. Все, что было ценного, давно уже унесли. Этот город оставили еще до того, как пришли первые поселенцы.

— Ты же другое говорила!

— Я говорила, что они создали тоннели. Так их и создали! Воду искали. И золото. Но окрестные горы пусты.

Пустые подземелья — самое оно, чтобы укрыться от тех, кто рожден для неба.

— А на город просто наткнулись. У отца были доклады первых, кто туда вошел. Ничего особенного. Отец, правда, надеялся, что со временем ему удастся организовать экспедицию. Он даже музей хотел создать, — голосок Молли сделался плаксивым. — А теперь... кому это надо?

Мне надо.

Мне надо туда. Внутрь. В город, в который медленно пробирается подземная река. И не сомневаюсь, что городу этому досталось.

Его должны были бы обжить.

Приспособить.

Использовать.

— Не спеши, — Чарли нашел мою руку. — Всему свое время.

Молли фыркнула и отвернулась.

Дура.

А главное, до чего же бесит!

— Вон, — она указала на реку. — С другой стороны... там остатки моста. Не древнего. Его делали позже, когда... в общем, отец полагал, что река как-то выходит по ту сторону гор. И что некоторые могут... знают... в общем...

— Используют, — подсказал Эдди, взглянув в темноту.

— Именно, — она выдохнула. — Нам туда надо.

— Зачем?

— Затем... — Молли прикусила губу. — Затем, что другим путем из города не выбраться.

— А дороги?

— Завтра перекроют. Для всех, — она мотнула головой. — Мосты поднимут. Этого... этого не делали со дня основания! А теперь...

Мне вспомнились горы.

И пропасть внизу.

Тонкие струны мостов, по которым летели поезда.

— Правда, останется мачта для дирижабля, но его охраняют, — она стиснула кулачки. — Поэтому... вариантов на самом деле немного.

Эдди хмыкнул.

А потом сгреб эту... красавицу за шкирку, поднял и потряхнул легонько.

— Кто ты такая на самом деле? — поинтересовался он преласково. И вот не знаю, как Молли, но у меня от этого вопроса

мурашки по спине побежали.
Прям колоннами.

Глава 12. В которой открываются новые обстоятельства

Девушка в руках Эдди лишилась чувств. Честно говоря, Чарльз понял её, как никогда, потому как самого подмывало воспоследовать примеру, до того низким проникновенным был голос.

— Померла? — с надеждой в голосе поинтересовалась Милисента.

— Вряд ли, — Эдди потрянул тело. — Сейчас окунем в водичку...

— Не надо, — сквозь зубы процедила Молли и попыталась вывернуться. — Отпустите, никуда я не денусь...

— Отпустим. Потом. Позже.

— Сейчас, — она раскрыла руку и на ней вспыхнул, переливаясь огнем, имперский орлан, окруженный звездами. — Особый отдел Императорской службы безопасности.

— Охренеть, — Милисента выразила всеобщее мнение и тут же уточнила. — А туда разве баб берут?

— Смотря каких, — на «бабу» Молли, если и обиделась, то виду не подавала. — Будьте столь любезны поставить меня на землю. А то как-то... право слово, неудобно вести беседу, пребывая в подобном положении. И убивать вас не хотелось бы.

— А сумеете?

— Если придется, — сказала Молли, и Чарльз ей поверил.

— Отпусти, — сказал он. К счастью, спорить Эдди не стал, опустил руку, разжал и даже платице одернул презаботливо. Так, что юбка затрещала.

— Благодарю.

— Да не за что, — Эдди оскалился.

— И в самом деле убили бы? — поинтересовалась Молли, разглядывая их с новым интересом, который несколько пугал, ибо интерес Особого отдела Императорской службы безопасности весьма часто оборачивался для людей посторонних многими неудобствами.

— Не знаю, — Эдди пожал плечами. — Так-то я женщин не трогаю, но обстоятельства...

— Я трогаю, — заверила Милисента, положив руки на револьверы.

— Вы и в самом деле женаты?

Вот... они находятся под землей, если не в самой заднице мира, то всяко в её преддверии, а она про женитьбу спрашивает?

— На самом, — сказал Чарльз. А Милисента кивнула.

— Удивительно... просто удивительно... насколько знаю, на вас имелись определенные планы. В том числе у Её императорского величества.

Не было печали.

— Она будет огорчена. Или нет? Супруга у вас любопытная.

— Слушай, красавица, — Эдди, похоже, светские игры весьма надоели. — Ты вообще откуда взялась?

— Я же говорила... правду, между прочим. Почти.

— Погоди, — Чарльз поднял руки. — Вам не кажется, что здесь не совсем то место...

— То, лучше не придумаешь, — Эдди вытащил из кармана дудочку. И Молли нахмурилась.

— Не стоит, — сказала она совсем иным тоном.

— Знаешь, что такое?

— Догадываюсь, но... на самом деле не стоит. Мы в этом деле на одной стороне.

— Неужели?

— Вы ведь сестру пытаетесь найти, верно? — она обратилась к Чарльзу. — Я знаю, где она. И не только она... к сожалению, происходящее явно вышло из-под контроля. И мне необходимо сообщить... доложить... и...

— По порядку, — Чарльз поглядел на Эдди, который крутил в пальцах эту вот невзрачную дудочку, делая вид, что вовсе даже не слушает, а если и слушает, то без особого интереса. — Эта девушка, Молли, чье имя вы взяли, она... жива?

— Обижаете. Не такие мы и звери. На самом деле она спокойно живет на побережье, в маленьком городке, на попечении любимой тетушки.

— А...

— Мой так называемый отец был старшим агентом. Умнейший образованнейший человек. И... по глупости погиб.

— Уверены, что погиб?

— Идемте, — Молли подобрала юбки и решительно зашагала вдоль пристани. — Мой дядюшка. Он мне дядей приходился, я дочь его сводного брата, незаконнорожденная. И в свое время дядюшка весьма помог мне и отцу, а потом предложил работу. У меня был дар. И способности. И склад характера соответствующий. Вот Молли, она совсем другая. Домашняя и милая. Она очень огорчится.

И вновь же не соврала.

— Зовут вас как?

— Молли. Лучше так, а то ведь мало ли. Мы переехали сюда лет десять тому. По приглашению.

Она шла бодро, уже не пытаясь притвориться уставшей.

— На самом деле за детьми Родда давно приглядывали, но не сказать, чтобы вмешивались. Старались не вмешиваться, но и вовсе из виду не выпускали. Чревато, знаете ли.

— Да и полезного чего подглядеть можно, — не удержался Эдди.

— Именно. Все-таки здесь и вправду жили мастера, которые, пусть и действовали вне поля закона, но в целом порой деятельность их давала прелюбопытнейшие результаты...

...которые оседали где-то там, в глубинах Особого отдела, решавшего, что именно из этих результатов можно выпускать в большой мир.

— Мы работали с перспективными мастерами, вели переговоры, помогали уехать, устроиться на новом месте. Поверьте, здесь тоже все не так и просто. Кстати, мистер Годдард, вы в моих записях тоже значитесь, как весьма перспективный объект.

Эдди молча скрутил фигу.

— Резко, но... мы бы не предложили ничего такого, что бы не соответствовало вашему характеру. Скорее уж мы бы нашли способ наладить взаимовыгодное сотрудничество. Скажем... в поиске. Или в исследовательской работе. Вам ведь нужны были деньги, так? А корона неплохо платит.

Она остановилась, указав куда-то в темноту.

— Там начинается город. И там живут те, кто способен вывести из этой дыры.

— Собираетесь бежать? — поинтересовался Чарльз.

— Собираетесь остаться и устроить революцию? — Молли приподняла бровь. — В отличие от вас, я здраво оцениваю собственные силы. У меня имеется информация, способная многое изменить в нынешнем мире. И моя основная задача — сделать так, чтобы эта информация попала в нужные руки. А потому, увы...

— погоди, птичка, — ладонь Эдди упала на плечо. — Ты опять заговариваешься. Стало быть, ты со своим дядюшкой...

— Приехали сюда. Сменили прежнего агента. Он представил нас сыном и внучкой, потом тихо умер. Для всех. Мы жили. Стандартно... уже не первый раз используем это прикрытие. Архивариус — очень удобная фигура. И местные к ней привыкли. Кто ж знал, что так получится.

— Как?

— Эти... перемены. Сперва мы даже не особо обратили на них внимание. Сообщество мастеров, на самом деле, весьма закрытое. Они давно уже отделились от прочих, полагая, что стоят выше... и в общем, ничем не отличаются от наших аристо.

Молли тряхнула светлой гривой. Кажется, аристократов она недолюбливала.

— Те же интриги, та же грызня за власть в Совете. Вот и не удивились, когда старика Румпштена сместили. Потом потеснили и его приятелей, большинство которых пребывало, если не в маразме, то где-то рядом. Созвали новый Совет. Объявили время перемен, но это тоже... объявить проще всего.

Она махнула рукой.

— Но начались эти все... требования к лицензированию. На самом деле это неплохо, потому что в городе творился полнейший хаос, никогда нельзя было угадать, и вправду ли к мастеру обращаешься, или же к недоучке с кривыми руками и большими амбициями. Дядюшка даже решил, что, возможно, город потихоньку созревает до того, чтобы выйти из самоизоляции.

Река шумела, а город приближался. Точнее не город, а будто нагромождение камней, в которые уходила река. Огромные, уродливые, те выставляли темные грани, пряча тени тайных ходов.

— Однако затем издали этот указ, о высокой морали. Идиотизм!

— Почему? — поинтересовался Эдди.

— Потому что блюсти мораль — задача личности, но никак не государства. А они бордели закрыли. В городе, где количество мужчин втрое превышает количество женщин! — возмущение Молли было вполне искренним, только не очень понятным. До того знакомые Чарльзу женщины как-то наоборот, ратовали и за мораль, и за закрытие борделей. — Само собой, это вызвало недовольство. Добавьте алкоголь и общий характер жителей, которые в целом... не склонный к миролюбию и соблюдению законности. Вспыхнули потасовки. Кое-где даже драки. Дядюшка говорил, что кто-то даже пытался заблокировать район, но в итоге Мастера отправили боевых големов. И недовольные отправились на каменоломни.

— Даже так?

— Суды шли быстро. Самые ярые... в общем, не дожили до них. Тут же прошли чистки. Заодно уж появился Народный патруль, который взял верхний город под контроль. Мы поняли, что нужно уходить, но... не успели.

— Почему?

— К дядюшке обратился человек из... Совета, то есть близкий к Совету. Он тоже хотел покинуть город. И ему нужны были гарантии, что там, во внешнем мире, он устроится должным образом. И не только он, но и его семья. Взамен он пообещал кое-какую информацию. Весьма... важную.

— О детях? — сказал Чарльз. — Или, скорее, о том, как сделать так, чтобы женщины гарантированно рожали одаренных детей?

— Вы... — Молли резко развернулась.

Глаза её прищурились. И показалось, что еще немного и Чарльза не станет. А заодно уж и Милисенты, и Эдди, и... всех-то, кто неосторожно приблизился к государственной тайне.

— Спокойно, — сказал Эдди и снова положил руку на хрупкое плечико. — Сама же ж сказала, что союзники нужны. А если всех тут убивать, направо и налево, то какие союзники?

— Я...

— Да и шею я тебе раньше сверну. Небось, тогда и магия не поможет, — он говорил ласково так, как с ребенком. — А тайна эта... ерунда. У нас своя имеется.

Молли нахмурилась еще сильнее.

— Данная информация относится...

— К государственной тайне, — завершила за неё Милисента. — Что? Я ж не дура. Небось, за неё многие прикопать готовы. Вот только рецепт у него неправильный.

— У кого?

— У Змееныша, — пояснила Милисента. — Тут... такое вот дело... считай, была у меня фея-крестная... не совсем, чтобы фея и скотина, как выяснилось, еще та. Но папаша мой куда похуже... не важно.

— Уильям Сассекс, — Чарльз осторожно потянул Милисенту за рукав. — Его звали Уильям Сассекс, и он был из тех, островных Сассексов. Правда, официально он был казнен...

Молли слушала внимательно.

Лобик морщила.

Хмурилась.

И, когда Чарльз замолчал, сказала:

— Стало быть, это правда?

— А сомневалась?

— Всегда остается шанс, что ценность информации преувеличена.

Она протянула руку.

— Дай.

— Обойдешься, — Чарльз не собирался вот так расставаться с камнем.

— Это дело...

— Что стало с твоим дядюшкой?

— Кто-то донес на него, — руку Молли не убрала, но над ладонью вновь вспыхнул орлан, намекая, что не стоит дразнить хищную птицу.

Или контору, избравшую себе оную птицу символом.

— Я успела встретиться с нашим агентом. Передать ему детей.

— Детей?

— Первыми решили переправить их. И жену объекта. Сам он планировал уйти позже. Одновременное исчезновение выглядело бы слишком подозрительным, поэтому и так... я получила кристалл. И вернулась домой, где и... увидела.

Она резко выдохнула и закрыла глаза.

— Дядя принял яд. Я застала смерть и тех, кто обыскивал дом... перевернули все... и главное, они ведь не догадывались... они точно не догадывались о том, кто мы. Они просто громили все. Заявили, что

мы нарушили закон, что... он обязан был отправить меня в дом Добродетели. А он скрыл и вот... глупость какая!

Молли покачала головой.

— А уверена, что не знали?

— Они пили виски и плясали на книгах, а потом собрали в кучу и подожгли. Думаете, тот, кто подозревал бы о нашем истинном роде занятий, стал бы так рисковать? С книгами сгорели и кое-какие серьезные документы. К счастью. Меня... меня отправили в этот самый дом Добродетели.

— Где читали книги?

— Именно, — она глянула на Милисенту искоса. — На самом деле все не так просто. Книги — лишь часть процесса. И читать их можно по-разному. У меня имеется защита от ментального воздействия, но даже её порой не хватало. Я ловила себя на том, что начинаю... понимать. Принимать этот бред. Что он и только он правильный. Жесткий распорядок дня. Очень мало времени на сон. Еда скудная. Это ослабляет организм. Зато огромное количество совместного досуга. Шитье, вышивание. Непременно с ароматными свечами. И с чтением. Читали другие женщины. Старшие жены.

Она прикусила губу.

И тихо добавила:

— Ваша сестра была среди них.

Глава 13. О том, что и под землей живут люди

Я взяла Чарльза за руку. А то мало ли что от такой новости делается.

Нет, оно-то хорошо.

Стало быть, живая сестра. И здоровая. Ну, раз читать способная. Небошь, тем, которые больные крепко, не до чтения.

— Нам время от времени доставляли сводки. И ваша сестра попала в них.

— Почему? — сухо поинтересовался Чарли.

— В числе прочих, пропавших не то, чтобы без вести... Контору скорее заинтересовала эта внезапная эпидемия влюбленностей. Сорок семь эпизодов, включая девиц среднего сословия. Разорванные помолвки. Побег из дому. Скандалы, которых было как-то слишком, как я понимаю, много. И главное, статистически, все сбежавшие девицы были в той или иной степени интересны. Кто-то обладал немалым приданым, кто-то в перспективе мог претендовать на наследство. Были родственницы весьма серьезных людей, причем не только имеющих политический вес, но и видных ученых, банкиров, торговцев, писателей, даже дочь владельца газеты. Не самой крупной, но имеющей авторитет. Нам прислали снимки. Вашей сестры в том числе. И вот, что интересно... из сорока семи — дюжина девиц появилась в этом самом доме Добродетели.

Я почесала за ухом.

Свербит.

И еще не отпускает чувство, что за нами наблюдают. Причем не так, чтобы давно. Я взглядом указала Эдди на город, и тот легонько кивнул, мол, тоже заметил.

Закрыв глаза, я сосредоточилась.

Сила... сила тут текла свободно.

— Интересно также другое. Эти женщины... вы уж извините, Чарльз, я не была знакома с вашей сестрой лично, но они явно действовали сами. По собственной воле. Они искренне верили, что

наставляют нас на истинный путь. А еще не слишком ограничивали себя в методах достижения цели.

Двое.

Там, впереди.

И один яркий-яркий, не такой, как обычные люди. Маг?

— Я быстро поняла, что не стоит выделяться, но были и другие...
весьма упрямые.

— Когда вы видели её в последний раз?

— За день до побега. Она как раз пришла объявить о церемонии выбора.

— Что за...

Чарли явно собирался высказаться определенной, но все же хорошее воспитание сидело в нем крепко.

— Воспитанницы, достигшие определенного уровня просветления, — мрачно произнесла Молли, — допускаются до участия в церемонии выбора. Грубо говоря, им торжественно выбирают мужа. А заодно уж, чтоб не передумал кто, прямо на месте и связывают кровной клятвой. Меня сочли годной, а потому оставаться там и дальше я не могла.

Вот тут я её поняла.

Оно ж как, соберешься замуж ненадолго сходить, а тут бац и клятвой на всю жизнь, кровною. Главное, мне-то и винить некого, сама дура душой, а вот Молли умнее оказалась.

— Пришлось уходить.

— Подземелья...

— Мы давно их изучали. Да и дядюшка действительно сумел составить карты. Ко всему и сошелся с кое-кем из местных.

Молли подняла руку и помахала.

— Свои! — крикнула она так, что у меня прям в ушах заложило. И ведь сама-то тощенькая, а голосище... впрочем, теперь желания повыдергивать ей волосья немного поубавилось.

Из раскрытой ладони вырвался сноп искр, которые закружились, складываясь в хитрый знак. Будто змею, что в свой хвост вцепилась, пополам перекрутили, а в самую серединку воткнули то ли меч, то ли нож.

Знак мигнул и исчез.

— Держитесь спокойно. И не выказывайте агрессии. Они не любят тех, кто живет наверху, но в них нуждаются, — сказала Молли, оправляя юбки. — И с дядюшкой у них договор.

Так-то с дядюшкой.

Я положила руки на револьверы. Так, без намека.

А то ведь как оно? Дядюшки нету, так и договора, может статья, нету.

Огоньки же пришли в движение. Сперва тот, который яркий, ответил. И над горами камней поднялся знакомый уже знак. Точно, в несчастную змеюку тыкали ножом. А потом он рассыпался искрами, и от этих искр на камнях стало расползаться зеленоватое свечение.

— Это флуоресцирующие грибы, — пояснила Молли. — Весьма интересная разновидность, магочувствительная.

Охренеть.

Это я подумала, а потом подумала, что надо учиться думать другими словами. Поприличней. А то как-то не пристало целой графине охрениваться. И я-то, может, переживу, но Чарли потом неудобно будет.

А он ведь хороший.

И не виноватый, что я такая.

Парочка приближалась. Неспешно так. Явно уверенная, что деваться нам некуда. Мы и не девались. Ждали. Хотя, признаюсь, на нервы оно действовало, особенно, когда зеленоватая мерцающая пленка, что расползлась по грибам, добралась и до нас.

— Приветствую тебя, Странник, — сказала Молли преторжественным тоном, аккуратно, что наш мэр, обещающий, как нам всем хорошо после выборов заживется.

Но к мэру мы привыкшие.

А тут...

— И тебе доброго пути, дочь Солнца, — отозвался тот, который повыше. Он остановился шагах в десяти, а потому разглядеть что-либо, помимо длинного плаща да шляпы у меня не вышло. — Кого ты привела?

— Друзей.

— Друзей надо выбирать аккуратно.

Тут я с ним согласилась.

— Мой отец мертв.

— Он не был тебе отцом, — с легкой насмешкой заметил Странник.

— По крови — нет, по сути он был более отцом, чем мой родной, — Молли огрызнулась. — И он передал мне право говорить. А еще договор.

— Что ж... возможно. А передал ли он то, что договор придется скрепить, если гарант его ушел? — заговорил уже второй, что держался подальше.

Он был низким и приземистым, и только-то. А еще я чувствовала на себе его взгляд. Недобрый такой взгляд. От него прям руки сами зачесались, требуя положить их на револьверы.

Или вот винтовочку свою снять.

— Да. Я согласна.

— Ишь, Странник, видишь, уже и согласна! До чего хорошие ныне бабы пошли... — хохотнул второй.

— Прекрати. Чего тебе нужно?

— Выбраться из города.

— Даже так?

— Верхние пути перекрыты. Ходят слухи, что и мосты разберут. Или поставят охрану, а там... не пройдешь. Отец говорил, что ты знаешь путь.

— В пустыню.

— Отлично.

— Там мертвецы, — счел нужным предупредить Странник. А я подумала, что на его месте не была бы такую доброй. Надобно ей в пустыню? Пускай себе отправляется.

— Знаю.

— Тамошние тропы мне не известны.

— Отец...

— Когда-то давно, когда кровь Первых была еще жива, подземники могли ходить и по пустыне. Но все изменилось. И теперь они заперты в городе, как и ты. Возвращайся. Здесь нет ничего хорошего.

— Но... — Молли замерла, прикусив губу. — Но... мне надо!

Ага, а мертвяки там, в серой пустыне, возьмут да проникнуться её и государственной надобностью. Мертвяки, они это... социально ответственные! Во! Вспомнила, что мэр сказывал.

Точно. Социально-ответственные и с высоким духом патриотизма.

— Ничем не могу помочь.

— Погоди, — заговорил Эдди. — А до пустыни провести можешь?

— Зачем?

— Ну... мало ли... жизнь — штука сложная. Порой мертвяки куда безопаснее живых.

— Тоже верно, — подал голос второй. — Ты Эдди-охотник, верно?

— Точно.

— Слышали, — это уже снова заговорил Странник. — Ты ходил в Мертвый город?

— В два, — Эдди поморщился. — Дрянное местечко.

— Два... и остался живым. Кто с тобой?

— Сестра моя. Милисента.

Я подняла руку, чтоб не перепутали.

— И её муж.

— Чарльз, — сказал Чарли. — Диксон.

— Странник, — представился первый. — Так меня зовут. Это Громобой. Что ж, брату-охотнику отказывать не принято. Прошу.

И рученькой махнул, приглашая, стало быть.

Мы и пошли. Сперва Эдди, который держался за Странником, но не подходил слишком близко, чтоб не нарваться. За ним Молли, мрачная и недовольная, хотя, казалось бы, с чего? Там уже я, стараясь не выпускать эту девицу из виду. Ну не внушала она мне доверия.

Нисколько.

Чарли.

И тот, который второй, который Громобой со своею громобоиной. Не знаю, кто делал эту штуковину, но вид она имела превнушительный. В этакое дуло и кошка заберется. С двух сторон к дулу, оплетенному защитной сеткой, прикипели алхимические колбы, еще одна, с зарядной жижей, прикрепилась сверху. Жижка бултыхалась и слабо светила.

В общем, сразу видно — серьезная штука.

А город...

Свечение постепенно угасало, там, позади. Впереди же оно расплзлось по камням, покрывая их мерцающей пленкой. Сквозь неё

уже проглядывали и неровности, и оббитые края, и кривые рисунки, явно сделанные чьими-то руками.

У одного обломка, что торчал из-под других, я задержалась.

— Драконий камень, — сказал Громобой.

А то я не вижу.

Тут не палочки-линии, похожие на рисунки ребенка, тут и вправду дракон.

Настоящий.

Такой, как я во сне видела. Вытянулся, прикипел к колонне, обнявши её когтистыми лапами. Шею повернул, оскалился. И не отпускает ощущение, что, стоит прикоснуться, как дракон оживет, повернется ко мне и зашипит.

Поэтому руки я убрала за спину.

На всякий случай.

— Говорят, что в здешних горах когда-то давно, — Громобой стянул шлем и потер глаза, вокруг которых на коже остались красные отпечатки. — Драконы водились.

— Водились, — согласилась я. — Наверху.

— А наши предки, стало быть, от них прятались. Драконы — еще те твари.

Я молча кивнула. Что тут еще скажешь? Определенно, твари. И да, еще те.

Сам город, в отличие от того, который наверху, не впечатлил. Камень, камень и снова камень, то ли сухой, то ли влажный, покрытый осклизлой пленкой светящихся мхов. Ходы-норы, извилистые, крысиные какие-то. Пещерки, в которых прятались люди, не спеша показываться чужакам. Я чуяла их, как и опасливый интерес. Порой кто-то выглядывал, но не так, чтобы вовсе выпасть из тени.

— Они живут здесь давно, — тихо сказала Молли, и готова сожрать свою винтовку, но ей тоже было крепко не по себе. — Не одну сотню лет.

— И не одну тысячу, — добавил Странник, который, как выяснилось, обладал отличным слухом. — На самом деле местное общество разделяется на тех, кто действительно давно обитает под землей и изменился в той мере, чтобы жизнь эта стала комфортной. И тех, кто по каким-либо причинам был вынужден спуститься.

— Не поладил с верхними? — уточнил Эдди.

— Именно. Подземники... они мирные и пугливые, но в то же время удивительно беспомощные. Наверное, оттого, что здесь нет никого, с кем приходилось бы сражаться. Они живут веками, выращивают грибы.

— Грибы?

— О, вы попробуете. Это удивительный продукт. Их варят, запекают, из них делают муку и даже напиток, который ничем не хуже кофе.

Эдди фыркнул.

— Хотя вру... вкус у него специфический. Еще они разводят слизней. На мясо.

Что-то у меня всякое желание обедать здесь отпало.

— Из мхов делают пряжу и ткани. Еще паучий шелк. Мой дед когда-то сумел договориться. Он брал у них шелк, а взамен приносил некоторые товары сверху. Потом он передал дело моему отцу.

— А тот вам?

— К тому времени подземники приняли наше старшинство, — Странник привел нас к огромной дыре. — Им так было проще. Поручить кому-то дела, которые они сами полагали скучными, примитивными. Дед говорил, что застал еще время, когда среди них много было тех, кто нес в себе кровь Первых. И они весьма отличались от прочих. Сейчас осталась лишь одна. И она не любит говорить с людьми.

В чем-то я её понимаю.

— Прошу. Здесь вас никто не побеспокоит.

— Что это? — я застыла на пороге огромной пещеры. И голос мой отразился, порождая насмешливое эхо.

— Древний храм. Или площадь. Или еще что-то. Понятия не имею. Я приглядываю за этим местом и только-то.

Я ступила первой.

Я... слышала. Силу, что свернулась где-то там, в глубине. Она дремала, но сон этот был чуток. Достаточно малости, чтобы пробудить её.

— Подземники сюда не заглядывают. Табу.

— Почему?

— Не знаю. Дед говорил, что те, которые были раньше, оставили запреты. Смысл их утерян, но сами они прочно вошли в сознание.

Поверьте, они и близко не подойдут.

— Бойтесь?

— За них, — не стал отрицать Странник. — Они... слишком иные. И неподготовленные люди пугаются. А со страху многое можно наворотить. К тому же...

Он несколько замялся.

— Болезни, да? — спросил Чарльз.

— Именно. Мой дед так и познакомился. Он был из тех, кто изучал мир. Подземники тоже порой поднимаются достаточно высоко, чтобы пересечься с людьми. От них и подхватили корь. Для людей безобидная, та едва не уничтожила весь народ. Дед тогда многое сделал. Вот и... вы, может, и здоровы, но рисковать я не хочу. Все, кто приходит сверху, остаются здесь.

И сказано это было жестко.

Что ж, спорить я не стала, да и не только я.

Я сделала еще шаг, прислушиваясь к силе. И та, почти разрушив дрему, потянулась уже ко мне. Сама. Раздался тихий звон, словно смех. И под моими ногами вспыхнули ярко-зеленые пятна. От них во все стороны поползли нити, тоже зеленые и яркие. Нити переплетались друг с другом, складываясь в удивительный по красоте и сложности рисунок.

Цветок.

Или нет? Солнце? Или солнце раскрывается из цветка?

Много солнц и цветов? Весь мир, что проявляется в камне вот так.

— Надо же... — раздалось за спиной. — Я о таком только слышал.

— От деда? — хмыкнул Эдди.

— Он говорил, что его привел в это место один из тех, в ком текла кровь Первых. Странно звучит, согласен. Но... как есть.

Как есть.

Это... не небо и не солнце. Это мир, вырезанный во всех подробностях. Карта, только древняя весьма. Но я узнаю.

И берег.

И море.

И нити рек, что пролегли по призрачным долинам.

Я присела на корточки и коснулась камня. Теплый. И стены тоже теплые, что тоже странно. Откуда тепло в подземелье? Или... помню,

был у нас один шахтер, который решил, будто ковбоем быть проще. Так все, подвыпивши, принимался рассказывать про забои, про то, что там жарень страшная, потому как почти до самого пекла они доходят. Вот черти снизу и палят, значит, напоминая о бренности бытия.

А тут тоже черти?

Хотя... откуда им взяться?

— Кровь Первых? — Молли вот крутила головой и явно пришла в себя. — Любопытно... это как-то связано с... нашим проектом?

— Нет, — ответил Чарльз. — К вашему проекту это отношения не имеет.

— Но если в ней... — взгляд Молли остановился на мне. — Действительно эта самая кровь, то исключительно теоретически она может пересечь пустыню?

Ага. И проникнуть мертвяков духом патриотизма и любви к родине?

— Нет, — сказала я, поднимаясь.

Сила пела.

Сила бродила. Сила очнулась окончательно и теперь желала обнять меня. Её было так много, этой силы, что пальцы мои вспыхнули. И я подняла руки, глядя на то, как с кончиков их поднимается пламя. А следом за пальцами вспыхнули и ладони.

— Возьми себя под контроль! — взвизгнула Молли.

Легко сказать. Будто я не пытаюсь. Но сила... она ведь подобна морю. И мне не справиться с нею. А значит, я сгорю.

— Спокойно, — Чарльз встал сзади и обнял меня. И ведь не боится. Эдди и тот застыл, не решаясь двинуться. — Ты, главное, не нервничай. Она не причинит вреда. Тебе.

— А тебе?

— И мне. Мы ведь не чужие, помнишь? А брак на крови — это не только клятва.

— Брак на крови? — влезла Молли.

— Помолчи, — к счастью, Эдди точно знал, когда следует заткнуться. Ну или заткнуть кого-нибудь, кто раздражает. Раздражение мое вырвалось столбом белого пламени, который ушел куда-то в потолок, расплескавшись по камню. И стек в чаши, что торчали из стен. Пламя в чашах обжилось, свило гнезда, добавив пещере света.

Да, так хорошо.

— Закрой глаза, — произнес Чарльз на самое ухо. — Не мешай ей знакомиться с тобой.

— Она живая.

— Я слышу.

— Её здесь оставили.

— Возможно.

— Точно оставили, — я теперь слышала силу куда яснее. И её тоску, и печаль, и готовность ждать. Кого? Кого-нибудь, кто придет, чтобы забрать её.

Я?

Я слишком маленькая. А силы так много. Меня не хватит! Я... мне жаль, но...

— Все хорошо, — голос Чарльза не позволил сорваться в панику. — Дыши. И позволь ей самой.

Она... она пробиралась внутрь. Она знала что-то, чего не знала я, но она пробиралась внутрь, чтобы стать частью меня. И меняла!

Я чувствовала перемены.

Я...

Вспыхнули плечи.

И волосы.

И сама я стала пламенем прежде, чем успела понять, что происходит.

А потом, так и не поняв, отключилась.

Вот же... хрень.

Глава 14. Про женитьбу и понимание момента

Когда Милисента превратилась в живое пламя, Чарльз подумал, что это будет на редкость дурацкая смерть. Почти такая же нелепая, как и сам этот брак.

Пламя взметнулось.

Пламя обняло его.

Пламя обдало жаром, проплавив, казалось, до самых костей. И зашипела, испаряясь, влага с ботинок, запахло паленым волосом, а потом все вдруг исчезло. Только Милисента обмякла. Если бы Чарльз не держал её, точно не успел бы подхватить.

А он успел.

И застыл, чувствуя себя на редкость дураком.

— О таком мне дед не рассказывал, — заметил Странник, разрывая несколько затянувшуюся паузу. — Наверное, это что-то да значит.

— Наверное, — говорить получалось плохо. Губы склеились, и Чарльз с трудом разлеплял их. Во рту пересохло, в горле тоже, он сам чувствовал себя так, будто месяц по пустыне бродил. — Воды...

— Держи, — Странник протянул флягу. — Извини.

И сам приложил к губам. Такой вкусной воды Чарльзу еще не доводилось пить. Он пил и пил, пока сама эта фляга не опустела, а потом долго еще не мог оторваться, норовя языком собрать с горлышка все, до последней капли.

— Надо её положить, — Странник глядел с жалостью. — Давай, помогу.

— Сам, — сила была.

В этом и проблема, пожалуй, что Чарльз еще никогда не чувствовал себя настолько наполненным, даже переполненным силой. И потому-то тело плохо слушалось. Но Милисенту он не отдаст.

Это его жена. Нечего тут всяким подозрительным романтикам от подземелья руки тянуть. С Чарльза и некроманта хватит.

— Какого некроманта? — влезла Молли.

Он что, вслух говорил?

— Вслух. Так случается. Последствия энергетической контузии, — весьма охотно пояснила Молли. — Идем, там есть какие-то матрасы, правда вид у них...

— Они чистые, — возмутился Странник. — Да и сами понимаете, у нас тут не пансион.

Плевать.

Главное, что есть. Чистые. Сухие. Думать получалось урывками. Но Чарльз дошел до угла, в котором были свалены мешки, набитые соломой. Нашлась и скатка с одеялом.

— На от, — Громобой стянул плащ. — Он теплый. И чистый. Согреет. А то ишь, выбледнула вся.

В полумраке лицо Милисенты и вправду казалось бледным до зелени. Но она дышала. И глаза под веками двигались быстро, словно она видела или следила за чем-то.

— Шок, скорее всего, — Молли взяла руку. — Пульс учащен, но сердце бьется ровно.

Она провела ладонью над Милисентой.

— Жизненные показатели тоже в норме. Так что очнется ваша... жена.

Последнее было сказано с немалой насмешкой.

— Что веселого?

— Да, пожалуй... все веселое. Вы не представляете, сколько шуму наделало ваше исчезновение. Ваша матушка уже почти договорилась о браке.

— С кем?

Не важно, поскольку у Чарльза уже имеется жена. И другой ему не надо. Он вдруг понял это ясно и четко, и поняв, улыбнулся.

Она невозможна.

И ужасна даже где-то. И в то же время никого-то лучше, искренней и честнее, он не знал. А потому высшему свету придется привыкнуть.

— С Эверблейдами.

— С теми, которые родственники Его императорского Величества?

— Именно. И поэтому нам... да и всем, я думаю, пришел приказ при встрече с вами вас... образумить.

— Как?

— Как-нибудь. Когда начальство волновали подобные мелочи? Образумить и доставить в столицу, — Молли хихикнула. — Извините. Это... нервное.

Рядом опустился Эдди.

— Я позабочусь, чтобы вас накормили, — Странник держался чуть в стороне. — Что до пути, то покажу его вам. Может, и вправду пригодится. Все становится как-то...

Он сделал полукруг.

— Ощущения у меня нехорошие. И подземники стали опускаться ниже.

— А есть еще куда ниже? — почему-то Чарльз не удивился.

— Не поверите, насколько ниже тут можно опустится. Но обычно они уходят в начале зимы, что-то там с особенностями выращивания грибов связано. Да и пауки тогда начинают коконы откладывать. Еще рано, а они уже слизней перегнали.

— Не спрашивал?

— С ними сложно, — покачал головой Странник. — Их речь, она тоже другая. Говорят, что так надо. И только. Ну а раз надо, то надо.

Он ушел.

А тот, который назвался Громобоем, остался, пусть и за порогом. Охраняет? Если да, то кого и от кого? И...

— Многие будут разочарованы вашей женитьбой, — продолжила Молли.

— Плевать.

— В тебе говорит упрямство, — она цокнула языком. — И непонимание момента.

— Объясни, — разговор этот Чарльзу не нравился категорически. Пожалуй, больше не нравился только этот то ли сон, то ли обморок.

Милисента дышала.

Только тихо.

Очень тихо.

— Скажем так... — она несколько замялась. — Сильные мира сего крайне не любят, когда планы их нарушаются. А потому твое возвращение с подобной супругой определенно вызовет недовольство.

— Императора?

— Возможно.

— Как-нибудь переживу.

— Ты. А она?

Вопрос был задан одними губами, но Чарльз услышал.

— Думаешь...

— Не знаю, — Молли обняла свои ноги. — Понимаешь... так получилось, что рядом с дядюшкой я давно. Сколько себя помню. И иллюзии утратила. Да никогда-то их у меня и не было особо, этих иллюзий. Так вот... дядя, конечно, ничего такого не говорил. Порой говорить опасно. Но иногда... мне случалось видеть. И просто... в общем, вызывать высочайшее недовольство крайне вредно для здоровья. На твоём месте я бы жену домой не тащила.

Она вздохнула.

— Я бы туда и сама не возвращалась.

* * *

Во сне я летала.

Опять.

Почему-то я вновь же четко осознавала, что сплю, хотя сон был яркий, полноцветный. Я видела землю внизу. Я чувствовала ветер под крыльями и тяжесть их, и еще то, что сама не являлась человеком.

— Ну а чего ты хотела? — меня накрыла тень.

Кархедон.

— Ничего не хотела. Или нет. Хотела. Дома сидеть. В кресле-качалке. Пить какао и думать о жизни, — я попыталась задрать голову и зашипела, потому как та задралась как-то совсем уж неестественно, и крылья подломились.

Земля вдруг бросилась навстречу, а сверху донесся издевательский смех.

Все-таки он редкостный засранец.

Я справилась. У самой земли я сумела выровняться, и крылья заломило болью от наполнившего их ветра. Меня рвануло вверх, повело, спеша скинуть с небосвода. Оказывается, не так это и просто — быть драконом.

— Человеком не проще, — Кархедон опустил на каменистую поверхность. — Но мы не договорили. Сегодня ты ярче, проклятая.

— Тут еще надо разобраться, кто из нас проклят.

Вот моему приземлению не хватало изящества, а треклятый сон позволил земле быть твердой, да и боль от столкновения с нею пронзила все тело.

— Возможно, и так.

— Мы не в городе?

— В городе. Только он там, — он стукнул хвостом по земле.

Я подобрала лапы.

И попыталась оглядеться. Как-то в прошлый раз я больше на других смотрела, а тут... ну... что сказать. Душевненько. Лапы огромные, чешуей покрыты темно-красной, блестящей. И чешуйки-то выпуклые, каждая, что камень драгоценный.

Хвост...

Длинный такой хвост. И тоже с чешуей.

Когти еще имеются. Клыки вот. Я их языком потрогала. Интересно, а огнем дыхнуть смогу?

— Не спеши, — Кархедон наблюдал за мной с немалым интересом. — Тело у тебя взрослое, но к нему нужно привыкнуть.

— Я сплю.

— В какой-то мере.

— А в какой-то нет?

— Именно.

В горле запершило, и я чихнула, почему-то даже не удивившись, когда из пасти выкатился шар огня. Он ударился о бок Кархедона, не причинив ему вреда.

А меня жаром обдало.

— Извини.

— Ничего, проклятая. Ты забавная.

— Ага, — я села и поерзала, оказывается, хвост — это не просто так, это еще и сидеть мешает.

И под когтями земля похрустывает как-то... нервирует. От нервов, не иначе, я снова чихнула.

— Дыши носом, — посоветовал Кархедон, который только отряхнулся, и тонкие нити пламени скатились с чешуи. — Пасть весьма чувствительна.

— Постараюсь, — я почесала нос лапой, прежде чем вспомнила о когтях. Но ничего, обошлось. Хороша я была бы, самой себе морду разодравши.

— Ты забрала силу.

— Ничего я не брала! Она сама. И вообще, как это...

— Нельзя изменить что-то, ничего не отдав взамен, — золотой дракон глядел на меня печально. — Мой брат сумел разделить суть. И взять силу, которую и использовал, меняя кровь и суть своих детей.

Ага. Чувствую, уточнять, как именно все происходило, не стоит.

— Он, верно, собирался вернуться домой. В тот подземный город. Потом.

— Не вышло?

— Смотри, — Кархедон задрал голову, и я тоже задрала. Благо, когда шея длинная, то задрать голову можно по-всякому.

Там, высоко в поднебесье, кружил дракон. То, что не стервятник, я сразу сообразила. У стервятников не бывает настолько длинных хвостов. В общем, дракон кружил себе, кружил. И как заорет!

Звук получился таким резким и высоким, что я невольно на землю плюхнулась.

Потом мысленно себя обругала. Этак и огнем подавиться недолго.

— Твой братец, что ли?

— Он. Позовем?

— А надо?

Как-то... не тянуло меня встречаться с прародителем. Однако Кархедон открыл пасть и тоже завопил. Боги... нет, в Оперу им нельзя.

Никак.

Хотя громко выходит.

Дракон описал полукруг и отозвался.

Этак орать никакой глотки не хватит. Но в итоге тот, второй, казавшийся черным, все же снизился, а после, сложив крылья, вовсе камнем полетел к земле.

Что сказать...

Рухнул дракон оземь и обернулся добрым молодцем. Кажется, читала я что-то такое, хотя и не про драконов. Да и молодец этот не выглядел особо добрым. Что понять можно, Ежели каждый раз так ударяться, то никакой доброты не хватит.

— Проклятая, — сказал он.

— Задолбали, — ответила я и почесала нос чешуйчатым кончиком хвоста.

Глава 15. О том, что здесь вам не там

Молчание нервировало.

Наверное, не только оно. Само это место. Пространство. Полутьма.

Молли, устроившись на матрасах, свернулась клубком и задремала, наглядно демонстрируя, то ли чистую совесть, то ли крепкие нервы. Эдди присел, скрестив ноги. Он закрыл глаза. И вертел в пальцах ту самую костяную дудку, подаренную Змеем.

— Что это? — Чарльз вдруг понял, что еще немного и собственные его нервы не выдержат. Что он или заорет, или устроит безобразную, непозволительную для мужчины, истерику. — Ты рассказывал, что у твоего деда была дудка, которая подчиняла животных.

— Была. Нет, это не она. Та была другой. Древней.

— А эта?

— И эта древняя.

— Не хочешь рассказывать? — наверное, Эдди в своем праве. Их внезапное, случайное по сути своей родство, не давало Чарльзу права лезть в дела семейные, и уж тем более в тайны.

— Да нет. Не то, чтобы не хочу... не знаю.

— В каком смысле?

А Милисента все спала. Лежала, сунув ладони под щеку, и дышала ровно, спокойно. Она не реагировала ни на звуки, ни на прикосновения, и это пугало.

До дрожи в руках.

До...

Ей и вправду не будут рады. Да, Чарльз допускал, что матушка вполне могла договориться о его браке. И даже заключить договор из тех, нарушать которые не след.

Её бы поддержали.

Помогли.

А он взял да женился. Не обрадуется. Ни матушка, ни эта вот... невеста, о существовании которой Чарльз не догадывался. Плевать. Он не отступит.

Возвращаться?

Вернуться надо. Хотя бы затем, чтобы разобраться в дерьмовом этом деле. И выяснить, кто помогал Змеенышу с той стороны. Заодно уж с матушкой отношения прояснить. Чарльз, конечно, её любит, но это ведь не дает ей права решать, как ему, Чарльзу, жить?

Даже, если ей кажется, что она действует во благо.

— Моя мать не умела видеть. И слышать. Но она была сильной. И многие желали бы привести её в свой дом.

И Милисенту он возьмет.

Её никак нельзя оставлять без присмотра. Это в конце концов, не безопасно, в первую очередь для мира. А еще Чарльз будет беспокоится, потому что очень уж характер у супруги непоседливый, обязательно во что-то да вляпается.

Учителя найти опять же.

Где на Западе найдешь достойного учителя?

— Ей приносили дары. Огненные камни. И медвежьи шкуры. Бивни морского зверя. Многое...

— А она выбрала твоего отца?

— Не выбрала. Разве взглянула бы она на человека по собственной воле? Нет, её отец, мой дед, велел. И она не осмелилась перечить его слову. Никто бы не осмелился. Её муж из людей принес в дар цветастый платок, из тех, которые покупают шлюхам.

Эдди сплюнул под ноги.

— Зачем это было твоему деду?

— Кто знает... но он отдал человеку не только свою дочь, но и земли, что принадлежали племени. А мой отец эти земли проиграл. Спустил за карточным столом. Просто... дерьмом он был.

Эдди отмахнулся.

— Когда я родился, мать сочла, что исполнила свой долг. И покинула дом отца. Она оставила меня деду.

— А тот?

— А тот не особо понимал, что делать с младенцем, но у него были еще жены и дочери. Он был сильным.

— А меня растили няньки, — зачем-то сказал Чарльз. — Я их почти и не помню. Только одну. Она все время жевала табак. И от нее табаком пахло. Мне нравился этот запах.

— Моя... старшая мать была хорошей. Она тоже жевала табак, — Эдди улыбнулся. — И она сказала, что моя мать плохо поступила. Что нельзя бросать детей, даже негодных.

Сомнительное, надо полагать, утешение.

— Когда я стал старше и мог ходить, она пошла к мужу моей матери. И тот забрал меня. Он был сильным мужчиной. И пусть мать моя родила ему других сыновей, он учил меня тоже. Тому, что должен знать мужчина. Пока дед не счел, что я достаточно взрослый, чтобы слушать.

— Что?

— Все. Вы называете подобных мне видящими, но это не совсем верно. Я не вижу. Я слышу. Этот как... музыка, — Эдди качнул ладонью, почти уронив дудку. — И потому с ней справиться способна лишь другая музыка. Хороший шаман знает, какую песню сыграть миру.

— Ты шаман?

— Думаю, мог бы им стать. Я многое умел уже, но однажды вернулся отец и забрал меня. А дед... он ничего не сказал. Если бы сказал, что хочет, чтобы я остался, я бы остался. Никто бы не пошел против его слова. И муж моей матери не хотел меня отдавать. Но...

— Дед?

— Да. Он велел отправляться. И слушать. Его. Того, кого я изначально презирал. А он полагал меня дикарем. Дикарем я и был. Хотя... все одно я его презирал. И презираю.

Чарльз кивнул.

— Когда приходит срок, шаман берет ученика. Того, кто способен слышать мир. Он прокладывает тропы и учит играть. Разные песни есть. От одних душа загорается пламенем ярости, и нет ничего, что ярость эту остановило бы. Другие заставляют радоваться. Или ввергают в смертную тоску. Третьи вовсе лишают разума.

— Или воли, — Молли села. — Извините. У вас интересная беседа.

— Или воли... когда ученик осваивает все песни, ему дают дудку.

— Таковую?

— Таковую, — Эдди поднял хрупкую дудку. — Её делают из кости, зверя ли, орка ли, человека. Хотя человеческие кости мелковаты, хорошей дудки не сделать.

— Ну, извини, — пробурчала Молли, пытаясь подавить зевок. — Мы как бы и не напрашиваемся.

— Говорят, что когда-то давно все дудки были сделаны из костей первого, кто сумел подчинить себе мир. И говорят, что был он так силен, что самому ему не нужны были ни дудки, ни иные инструменты. Что он был частью мира, а потому тот слушал его. Так вот, те дудки переходили из рук в руки, да и вовсе пошел обычай, что после смерти наставника ученик делает из кости его дудку, сохраняя голос для мира.

— Мда... помолчу, пожалуй, — Молли все-таки зевнула, широко, как кошка.

...никто и никогда не тронет Милисенту.

Нет, её постараются задеть. И быть может, двери светских гостиных останутся заперты для неё, хотя вряд ли. Скорее уж начнется очередная игра высокого света, в которой ни смысла, ни милосердия.

— Моему деду досталась его дудка от его деда, а тому — от прадеда...

— Это она?

— Да.

— Но не та, которая из Мертвого города?

— Не та.

— Ты уверен?

— А ты уверен, что знаешь в лицо свою сестру? — хмыкнул Эдди. — Они разные.

— И в чем же проблема?

— Проблема? Да как сказать... скорее всего в том, что я ни разу не играл сам.

— Охреть, — Молли потеряла глаза. — Шаман недоучка с закланной дудкой? Знаешь, может, отдашь её? На сохранение?

Эдди показал кулак.

— Просто... это неразумно! — Молли кулак отвела пальчиком и, кажется, нисколько не впечатлилась. — Ты ведь осознаешь, что использовать подобную вещь вот так, без подготовки, просто-напросто опасно? Для тебя и окружающих?

— Я и сам похранить могу.

— К слову, в службе Его императорского Величества имеются... всякие специалисты. В том числе и такие, которые способны

разобраться с нетипичными артефактами.

— Обойдутся.

И Чарльз мысленно поддержал родственника.

Обойдутся.

Определенно.

— Это абсолютное легкомыслие, — Молли почесалась. — С другой стороны, здесь быстро привыкаешь.

— К чему?

— К тому, что здесь вам не там. Интересно, поесть принесут или все-таки забыли?

Не забыли.

По стене побежали всполохи, и раздался голос:

— Живые?

— Живые, — Эдди поднялся.

Странник появился не один, но с женщиной столь бледной, что кожа её казалась полупрозрачной. Серебристые волосы были заплетены в пару кос, на узких плечах лежали меха, которые слабо светились.

— Мать Шо, — сказал Странник, отступив. — Она пожелала говорить с вами.

Женщина подняла взгляд, и Чарльз с трудом сдержал вскрик, до того жутким показалась вдруг её лицо с неестественно большими глазами, с тонкими, почти нитевидными губами и отсутствующим носом. Вместо него на лице женщины виднелись две дыры, которые то расширялись, то сужались.

— Они редко выходят, тем более к людям. Поэтому, прошу вас, проявите уважение, — в голосе Странника звучал плохо скрываемый гнев.

— Извините, — выдавил Чарльз, чувствуя, что готов провалиться от стыда.

Испугался?

Этой вот хрупкой почти невесомой особы? Только потому, что выглядит она иначе, нежели он привык?

— Дитя огня, — голос у женщины оказался сиплым и простуженным. — И солнца. Оно красивое?

— Яркое.

— И смотреть больно, — глаза закрылись полупрозрачными складками кожи. — Мне рассказывала мать, которой говорила её мать.

Она замолчала и протянула руку.

А Чарльз молча дал свою. Пальцы женщины были прохладными и сухими, как змеиная кожа. Спустя мгновение, Чарльз понял, до чего верным было первое впечатление.

Кожа.

Змеиная.

Гладкая. Покрытая мелкой чешуей. И от этого понимания он вновь содрогнулся.

— Это твоя суть, — женщина открыла глаза. — В ней память об огне. Моей сути твое тепло тоже отвратительно. Мы разные.

— Да, — почему-то понимать, что внушаешь кому-то отвращение, было неприятно.

— Где та, что пришла дать свободу?

— Кому?

— Всем, кто того пожелает, — женщина не отступила. Пахло от неё могилой, сырой и разверстой. И мысли появились совсем нехорошие.

Нельзя подпускать её к Милисенте.

Нельзя.

— Не бойся, — она убрала руку. — Я не причиню вреда той, в ком вернулась сила Праотца.

Она подошла к Милисенте.

Женщина ступала неспешно, и было в её походке что-то донельзя нелепое. Утиное. Будто бы вовсе было ей непривычно держаться на двух ногах.

— Далеко ушла.

— Куда?

— Туда, куда не стоит ходить живым.

Все-таки у Чарльза получилось совладать с эмоциями. Как бы ни выглядела эта женщина, кем бы ни казалась она, главное, она определенно знала, что происходит с Милисентой.

— Когда-то давно, на заре времен, Праотец привел многих. Сюда. Вниз, — она сделала движение рукой. — Ибо там было солнце и дети огня. Дети огня были злыми.

Молли подобралась поближе.

Почему-то это было неприятно. Не хотелось, чтобы она слушала. Слышала.

— Праотец укрыл нас от взгляда их. И создал место, где поселил свой дух и силу. Это было давно.

Она положила ладонь на лоб Милисенты и веки той дрогнули.

— Праотец ушел. Сила осталась. Он не вернулся. Не стало ни детей огня, ни тех, кто хранил в себе его кровь. Мы думали. Я последняя, кто помнит.

В выпуклых, словно стеклянных, глазах женщины Чарльз увидел собственное перевернутое отражение.

— Мы не могли уйти. Мы хотели. Но сила Праотца держала. Она пришла. Забрала. Теперь мы свободны. Мои дети уже иные. Они... почти утратили себя тех, какими были. Это не плохо. Это не хорошо. Это есть.

Она замолчала, явно подбирая слова.

— Тебе нужно уйти, человек, который был добр к ним. И остальным. Скоро дети мои забудут и вас. Они... нуждаются в еде. И в тепле.

Звучало не слишком обнадеживающе.

— Мне сказали, ты ищешь путь. Я покажу. Я еще помню, что есть долг. Но сначала я должна увидеть.

— Что?

— Огонь. Я всю жизнь об этом мечтала.

Глава 16. О превратностях драконьей любви

Он был красив.

И страшен.

И все-таки красив. И все одно страшен до того, что у меня хвост затрясся, а потом, следом за хвостом, и я сама затряслась мелко-мелко. От тряски этой драконье тело вдруг рассыпалось, и я стала собой.

Нет, нормальным людям нормальные сны снятся, а я вот... маюсь.

— Проклятая, — повторил этот, жуткий, жуть которого я чувствовала всем своим телом. — И ты, мой брат.

— Брат, — Кархедон подумал и решил, что быть драконом в обществе людей как-то неправильно. Или неудобно? Не знаю. Главное, что тоже принял человеческое обличье. — Мы снова встретились.

Повеяло таким вот... таким... как перед бурей, той, что приходит с запада.

Минута затишья.

И крохотный шанс убраться с пути. Глядишь, тогда и уцелеть получится.

Они остановились друг напротив друга.

А я... я подумала, что самое оно время — проснуться. И даже ущипнула себя за руку. А главное, щипок почувствовала, но проснуться не удалось.

— Ей страшно, — сказал Кархедон с упреком.

— Когда тебя волновал чужой страх?

— Тогда — нет. Но она шанс. Наш.

— И ты боишься упустить?

— Я устал. Знаешь, это как-то утомляет, сотни лет на привязи.

— Ты и так был привязан.

— Возможно, но есть все-таки разница, быть живым или не слишком. Да и остальные...

— Еще держатся? — поинтересовался тот, другой.

— Они заслужили свободу.

— И чем же?

— Хватит, — резко произнес Кархедон. — Я признаю, мы все ошиблись. Мы зашли слишком далеко в... во всем. И ты не лучше. Разве ты не видишь, ты такой же, как мы!

— Нет! — в этом голосе мне почудилось эхо драконьего рева.

— Да. Именно поэтому не смог остановиться. Вот в чем наша беда. И твоя, и моя, и всех нас.

— Вы — кровожадные ублюдки.

— А то ты не такой, — Кархедон хмыкнул. Он сделал шаг в сторону, и его братец повторил движение. — Ты ведь ничуть не лучше. Ты ушел из города. И увел молодняк, задурив им головы обещанием нового мира.

— Я позвал тех, кто еще не утратил способности слышать!

— И дальше что? Вы забились под землю...

— Только там мы могли чувствовать себя в безопасности.

— И построили свой город, где уже вы были равны богам.

— Мы были другими богами.

— Справедливыми? Милосердными? И ничуть не пользовались своим даром? Неужели те, кто приходил к вам, все-то делали по своей воле? — Кархедон прищурился, а мое желание убраться из этого бреда сделалось почти невыносимым.

Но мир был прочен.

И выглядел он настоящим.

— Вы ничего-то не делали с этими существами?

— Мы не делали ничего против их воли.

— Ты сам знаешь, что порой воля мягче золота. И стоит захотеть...

— Чего ты добиваешься?!

— Отдай ей.

И оба уставились на меня. А я что? Я ничего не просила. Я...

— Слабая, — поморщился тот, другой. Мог бы и представиться для разнообразия. — Выродилась.

— А ты чего хотел? — фыркнул Кархедон. — Но она крепче, чем кажется. Да и сам знаешь, искры хватит, чтобы пламя вспыхнуло.

— Выдержит ли?

— У нее выбора нет.

— А у нас? — он впервые посмотрел на брата так, что мне стало неудобно. В этом взгляде больше не было ненависти. Лишь печаль, от

которой болезненно сжалось сердце.

— А мы свой давно уже сделали. И... мне жаль, — Кархедон протянул руку.

— Мне тоже. Но если бы снова...

— Мы бы повторили наши ошибки. Поэтому нам и нужно уйти.

— Погодите, — мне надоело притворяться частью пейзажа. Да и вообще... вообще, если уж говорить с древними недомершими драконами, то с пользой для себя. — Я ничего не понимаю...

— Проклятая, — сказали оба с каким-то умилением.

— Заладили, — я огляделась и села. А что? Тепло и тихо, и буря прошла стороной, а стало быть можно вытянуться на раскаленных камнях, подставить лицо солнцу и ветру.

Вдохнуть сухой воздух.

И насладиться минутой покоя.

— Так что там получилось-то?

* * *

Что получилось... получилось, что и всегда. Два брата, родившиеся в один день, — небывалое событие для драконьего народа. Только один был больше и сильнее, а еще оказался избран Хранителем, тогда как второй от рождения был слаб.

Его даже не выхаживали.

К чему?

Но он выжил. На упрямстве. На злости. Или просто так, чтобы старшему икалось. А может, мир давно желал перемениться, и потому сохранил его.

Эрханен.

Кархедон и Эрханен.

Нет уж, если у меня родятся дети, я им нормальные имена выберу, а не такие, как будто кто-то взял да закашлялся.

Но эти мысли я при себе оставила.

В общем... жили себе.

Драконы, как я поняла, не особо страдали любовью к кому-то, кроме себя самих. А потому и росли братья под присмотром орды нянек, которые, конечно, любили их, ибо иное невозможно, но как-то не так.

А что не так — я не поняла.

Пыталась, честно. А они пытались объяснить.

— Эта любовь подобна наваждению, — Эрханен волосы стриг коротко, то ли в знак протеста, то ли потому, что под землю особо не поухаживаешь за волосами, но те отрастали жесткою щеткой. — Дети более чувствительны, чем взрослые. Видят больше. Понимают. И мы тоже видели. Мы... держались вместе.

Дружили.

Я так думаю. Я ничего. Слушала, не лезла с вопросами.

— Вдвоем было проще. Остальные из рожденных Последними, вскоре изменились. Они перестали видеть истинную суть той любви. Напротив, они питались ею, требуя больше и больше, вскоре уподобившись родителям в желании добраться до самого края этой любви.

— Они словно соревновались в том, кто изобретет более мучительный способ. А я... я слышал! — Эрханен затряс головой. — Слышал, как разум этих существ пытается избавиться от наваждения. Я слышал их боль. И отчаяние. Слабое, но все же различимое. Я говорил ему. И он тоже слышал. Пока не стал Хранителем.

— Ты завидовал мне, не спорь.

— Завидовал, конечно. Ты был первым. Всегда и во всем. Ты был сильным. Сильнее отца и всех-то в городе. Ты был красивым. Сам по себе. И не было женщины, которая не желала бы соединиться с тобой. На меня же, если и смотрели, то с недоумением. Так получилось, что именно он получил наш дар полной мерой. Мне же достались крохи, которых не хватало даже на то, чтобы очаровать человека.

Ну да, печаль печальная.

Хотя... наверное, тяжело жить, когда все вокруг распрекрасные и очаровательные, а ты — дефективный. Мне ли не знать. Пусть даже людям очарования этого не положено, но... но я помню, каково, когда на тебя глядят с жалостью.

Или с недоумением.

Мол, как это, у такой-то матушки подобное недоразумение уродилось.

— Поэтому я и начал... пытаться иначе. Говорить. Слушать. Смотреть на них. Сперва на тех, одержимых наведенной любовью, потом на других, диких. И оказалось, что вовсе они не так примитивны, как считали подобные ему, — Эрханен кивнул на

брата. — И уж точно не нуждаются в нашей опеке. Они... другие. Не такие, как мы. И все-таки похожие.

— Он улетал. Далеко. Из города.

— Я просто не был к нему привязан, — пожал плечами Эрханен. — Так появилось понимание того, что мы стали пленниками своих городов. И что мир куда больше, чем нам представлялось. Я достиг края земель и даже поднялся над водами. Я летел за стаями птиц, пока не обнаружил иные земли, нам неизвестные.

— Ты не рассказывал.

— К тому времени, как я вернулся, ты стал совсем другим. И нам не о чем было говорить.

Эрханен прикрыл глаза.

— На тех землях обитали люди. Разные. Одни совсем дикие, другие... я жил среди них. И они почитали меня, хотя я не имел силы очаровать их. Я просто учил их. Многому. Разводить огонь. Строить. Лечить. Слышать мир. Там... появились первые дети смешанной крови.

— Ублюдки.

— Дети. Так уж вышло. Я все-таки был молод. И наши женщины никогда бы не взглянули на подобного мне. Что еще оставалось?

Я промолчала, ибо девице не след раздавать советы многомудрым древним драконам. Но на языке вертелось... в общем, даже шлюшки Бетти знали, как избежать нежелательной беременности.

А эти...

Тоже мне, вершители судеб мира.

— Тогда-то я и обнаружил удивительное. Мои дети не наследовали мою силу, но наследовали способность противостоять дару.

Интересно, как он это обнаружил, если даром не пользовался? Что-то мне подсказывает, что слегка великий и мудрый кой о чем умолчал.

— И дети их детей сохранили эту способность, а заодно их собственный дар, видеть силу мира и пользоваться ею, раскрылся. Еще они были умнее и сильнее сверстников.

— И ты начал плодить полукровок.

— Почему нет?

Действительно. Кто ж ему помешал бы?

— Я одного понять не могу, — поделился Кархедон. — Зачем ты вернулся?

— Затем... я полагал, что обрел свободу от города, но оказалось, это лишь иллюзия. Я стал слабеть. Далеко не сразу, но та земля, за морем, не приняла меня.

Ну... что сказать?

Повезло им. Людям.

— Когда я понял, что происходит, то испугался. Я прожил на той земле сотни лет. Я видел, как поднимаются города, как меняются люди. Я... искренне верил, что творю новый мир.

— Но веры не хватило, чтобы умереть в нем?

— Нет. И да. Я не хотел умирать. Пусть даже через сотню лет или две. Сотня лет — ничтожно мало для дракона. Мы воспринимаем время иначе, Проклятая. И порой оно летит, подобно падающей звезде.

— В общем, на самом деле наша жизнь так растянута во времени, что мы просто не успеваем обращать внимание на суету примитивных созданий, — Кархедон имел собственный взгляд на проблему. — Тем паче, что в ней нет ничего интересного. Как бы там ни было, но на нашу беду братец решил вернуться. И вернулся.

— Я с трудом преодолел море.

— Океан, — поправила я.

И заработала пару недовольных взглядов. Тоже мне...

— Это океан, который разделяет континенты. Америку и Евразию. Так в учебнике написано.

— Знаешь, а ведь я был прав, — самодовольно заметил Эрханен. — Без нас они достигли многого.

Братец в сторону произнес:

— Лучше бы ты утонул в этом океане.

— Возможно. Но я преодолел. Были минуты, когда мне казалось, что я умираю, а последние дни и вовсе выпали из моей памяти. Я помнил воду, которая казалась бесконечной, и собственную слабость. Боль в крыльях. Страх. А потом берег и людей, что обступили меня. Эти люди жили на побережье, и выходили в море. Там меня и подобрали.

— На свою беду.

— Тогда я и узнал, что города крепко держат вас на привязи, и что она становится все короче. Они, эти люди, слышали о чудовищах из

Проклятых городов, но видеть не видели. И потому не узнали во мне одного из этих чудовищ. Я же, оказавшись на родной земле, ощутил зов. Теперь я слышал его ясно. И потому, оправившись в достаточной мере, продолжил путь свой. Чем ближе я подбирался — а ослабевшее тело лишилось возможности принимать истинное обличье — тем яснее становился голос города. И крови. Теперь я сумел узреть то, что мы сотворили.

— Брось.

— Пусть бессознательно, но... скопившись в одном месте, одержимые одной мыслью, подкрепляющие её своей силой и пролитой кровью, мы действительно сотворили это! Существо... не знаю, оно не было живым, как не было мертвым. Оно возникло там, в городе...

— Аномалия? — в голову пришло это слово, почерпнутое где-то там, на страницах книг. — Энергетическая?

— Пожалуй, что да, — согласились братья, и главное, сказали одновременно.

— Она нуждалась в нас и требовала корма, в свою очередь питая нас же преобразованной силой, — Кархедон скрестил ноги. — Я много думал, умирая и потом тоже. Ты был прав. Мы сотворили бессознательное чудовище. Но ты... ты сотворил остальных сознательно!

— Кого?

— За океаном были лишь люди, — сказал Эрханен. — Я не видел иных существ, тогда как здесь люди постепенно менялись.

То есть... я прикусила язык.

Если сказать сиу, что они произошли от людей, сиу точно не обрадуются. Настолько не обрадуются, что вполне могут передумать убивать меня быстро. С орками, подозреваю, будет то же самое.

— Чем ближе к нашим городам, тем явственнее были изменения. Одни становились больше и сильнее, другие обретали способности, которые были полезны нам, третьи... не важно, но эти изменения были едва заметны.

— Пока он их не усилил. А ведь я поверил, что братец в своих странствиях образумился. И решил сотворить, как он сказал? Идеальных слуг? Таких, которые могли бы существовать рядом с нами дольше, чем прошлые? Он начал свои эксперименты...

— И они были успешны!

Что-то обоим хочется по голове хряснуть. И главное, прав Кархедон, братец его, о всеобщем благе радеющий, недалеко ушел от прочих драконов.

— Может, потому что драконы?

— А я кто?

— Ах да, проклятая... надеюсь, это поможет, ибо как-то не хочется в тварь превратиться.

— Пока ты не уничтожил лабораторию.

— Потому что ты нарушил закон. А я, как Хранитель, обязан был следить, дабы закон исполнялся. Он вновь стал плодить ублюдков, просто уже соединяясь не с обычными людьми, а с теми, которых создал сам.

— А он их уничтожил! Всех!

— Да. Что мне еще нужно было сделать?

— Ты мог дать им легкую смерть. И мог убить меня!

— Не мог. Ты знаешь, — Кархедон потер глаза. — Закон... закон запрещает убивать тех, в ком есть кровь Первого.

— В них тоже была.

— Нет. Твои создания — они были лишь созданиями. Но тебя это не остановило. Он ушел. И увел с собой тех, которых сумел изменить. Он создал что-то из крови людей и собственной, что действовало на драконов, лишая их силы.

— Освобождая.

— Далекое не все, кого ты забрал, были рады освобождению. Ты ведь не договариваешь, верно? С той стороны мира ты принес кое-что... то, чего там не могло быть по определению. Часть Его крови. Так?

— Совсем я запуталась. А главное, не понятно, кто в этой истории хороший, а кто плохой.

— Хотя... подозреваю, что хороших там нет.

— Ты усилил свой слабый дар. И воздействовал на них, заставив покинуть город. А уже потом выкачал кровь и силу, чтобы создать не слуг, но тех, кто по твоему мнению должен был владеть миром.

— Молчание.

— И тянется, тянется. А главное, сидим мы долго, но солнце все еще стоит высоко. И ни на волос с места своего не сдвинулось. Конечно, сон — дело такое.

Но жарко.

И пить хочется.

Я сглатываю слюну.

— Он воздвиг под землей город, где развернулся вовсю. Из людей и драконов, из силы и крови, он создавал тех, кого полагал достойными стать частью нового мира. И плевать, что далеко не все творения его были жизнеспособны.

— Странно слышать такую заботу от тебя.

— Я изменился. А вот ты остался прежним. Самоуверенным придурком.

— Так, стоп, — вот что-то мне совсем жарко стало, того и гляди вспыхну. И не солнце тому виной. Жар будто распирает меня изнутри. Он рождается там, под сердцем, где свила гнездо чужая сила. — Какое я имею к этому отношение?!

— Ты проклятая, — ответили оба и хором.

Вот засранцы!

Древние.

— А если попонятнее? — я сделала вдох, пытаюсь с этой силой справиться. Но она рвалась наружу.

— Мои создания были хороши, но все они имели один недостаток. Для поддержания дара им требовался внешний источник силы. Город, который питал бы их. Или...

— Кровь праотца, — подсказал Кархедон. — Ради них вы уничтожили города.

— Было бы там что уничтожить. Вы и сами уже вымирали. Пара сотен лет...

— Так что ж не подождал?

— Сначала мне нужно было проверить. Потом я понял, что просто должен избавить мир от вас, прежде чем отдать его моим детям. Как бы то ни было... им всем нужна была внешняя сила. Кроме тех, в кого я вложил ту кровь изначально.

— Где ты вообще...

— Оказалось, что если соединить все то, что вы растащили по городам и добавить силы, много силы... кровь оживает.

Охренеть.

Только и успела подумать я прежде, чем вспыхнула. И главное, ярко так.

Жарко.

Испугаться не успела, а потом сообразила, что бояться по сути нечего. Я ведь сама пламя! Я суть его. Я жизнь.

Я дракон.

А драконы, они не горят.

Глава 17. Где появляются разные мысли о прошлом и настоящем

Милисента захрипела, выгнулась и, прежде чем Чарльз успел испугаться по-настоящему, открыла глаза. Вот тогда-то он по-настоящему и испугался. Исчезли зрачки, а радужка стала ярко-оранжевой, будто там, внутри девушки, бушевало пламя.

Подземница отшатнулась.

И поспешно заслонила руками. Из горла её донесся сдавленный хрип, а Милисента сделала вдох. И глаза закрыла. А когда снова открыла, то произнесла сипло:

— Что за хрень творится?

— Не знаю, — честно ответил Чарльз, прижимая жену к себе. — Но творится.

— Я... — она закашлялась и он вновь же удерживал её, стараясь унять беспокойство. — Я опять там была... встретила... другого. Братя. Эксперимент.

Она пыталась говорить, но кашель мешал. И Чарльз подал флягу с водой.

— Спасибо. Драконом быть... так себе. Хвост сидеть мешает.

Бред?

Нет. Лоб был холодным, пусть и покрытым испариной. А пламя в глазах улеглось, только сами эти глаза цвет сменили. На рыжий. Рыжие глаза — это совершенно ненормально.

Но красиво.

— С-спасибо, — Милли допила воду. — Я... уже в норме. Наверное. Проклятье. Я уже не знаю, что такое норма.

— Ничего, — сказал Чарльз. — Это...

— Огонь. Красиво, — подземница стояла, крепко зажмурившись. — Праотец... Праотец был бы доволен.

— Очень сомневаюсь, — проворчала Милли. — Он еще тот засранец. Все они там... засранцы. Хорошо, что вымерли.

С этим Чарльз согласился.

— Праотец завещал хранить, — подземница сняла с шеи тонкий шнурок. — И отдать тому, кого примет сила.

На шнурке висел крохотный фиал, вытесанный из камня, оплетенный серебряной нитью. И силу, заключенную внутри, Чарльз ощущал весьма остро.

И силу очень недобрую.

— Не уверен, что...

Милли протянула руку, и фиал упал в нее.

— Что он еще завещал? — поинтересовалась она сварливо. Но, как ни странно, подземница несколько не обиделась. Узкие губы её растянулись в подобии улыбки.

— Он сказал, что когда кровь соберется воедино, драконы вернутся в мир.

Почему-то предсказание совершенно не обрадовало.

Милисенту в том числе.

А Молли так и вовсе нахмурилась. Брови её сдвинулись, а на хорошеньком личике появилось то задумчивое выражение, которое заставило Чарльза насторожиться.

— А теперь нам пора уходить, — подземница приложила обе руки к груди и поклонилась: — Спасибо.

— За что?

— Я видела пламя. Я расскажу о нем своим детям. И возможно, память их угаснет не так быстро. Но теперь мы свободны.

— Рада.

— Погодите, — встрепенулся Эдди. — А выход?

— Тот, кто заботился о нас, знает. Иные пути не для вас. Там... иначе, — подумав, добавила подземница. — Те, кто был рожден под солнцем, не сумеют пройти. И мои дети могут впасть в искушение. Нехорошо.

И ушла.

Сама.

— Я... — Странник поглядел ей вслед. — Еще вернусь. Но надо объявить нашим, чтобы уходили. Черт!

И, добавив пару слов покрепче, ушел.

Снова стало тихо.

И место изменилось. Чарльз чувствовал это, хотя, проклятье, понять не мог, что именно стало другим. Пол? Потолок? Стены? Барельефы на них, которые почти стерлись от времени и сырости.

Здесь не рос тот зеленоватый мох, но все одно изображения покрывала пленка.

— Это... он, — Милисента встала, потянув за собой Чарльза. — Эрханен. Два брата. Старший — Кархедон. Младший — Эрханен. Он решил вывести новые расы, которые бы стали владеть миром. То есть они были уже другими. А он сделал совсем другими. Разными. Так сказал. А сиу считают, что сами по себе.

Дракон проступал сквозь камень. Узкая голова, украшенная гребнем, длинная шея, змеиное тело, опиравшееся на кривоватые крокодильи лапы. Хвост.

Крылья.

И никакого душевного трепета.

— Думаю, что племена существовали, но не в том виде, в котором сейчас. А он их изменил. Старые драконы вымирали. Свихнулись, — она провела пальцами по каменной спине, стирая пыль. И показалось, что древний змей вот-вот очнется.

Она все еще сжимала флакон в руке.

— Вы уверены, что это не бред? — вежливо поинтересовалась Молли.

— Иди на хрен, — Милисента даже не обернулась. — Они уничтожили друг друга. Тот, кто привел их в города, тот, кто разрушил эти города и запер в них драконов. И тот, кто владел последним. Он сумел как-то поймать брата. И... здесь они умирали.

Она обернулась так резко, что Чарльз едва успел подхватить.

— Извини. Голова кружится, а тело будто чужое.

— Тебе надо отдохнуть.

— Надо. Видишь, даже спорить сил не осталось, — Милисента выдавила кривоватую улыбку.

— Тогда не спорь. Приляг. И... нам еды принесли.

— Еда — это хорошо. Но теперь я знаю, они здесь умирали, — Милисента потянула его за руку к центру зала. — Тут... прямо на полу. Добровольно. Отдавали силу и кровь. Они думали, что сами. А дело вот в этом.

Она показала фиал, который сжимала в руке.

— Капля крови древнего дракона, первого, кто появился в этом мире. Или даже создал этот мир. Все миры!

— Это... большая ценность, — тихо произнесла Молли.

Эдди нахмурился, явно понимая, что подобные ценности государство стремиться хранить само.

— Не твоя, — огрызнулась Милли.

— Но и ваша ли.

— Мне отдали, — она надела веревку на шею. — Эта хрень опасна. Ты даже не представляешь, насколько... она...

Милли запнулась.

И замолчала.

Действительно, о некоторых вещах не стоит говорить вслух. А по спине поползла тонкая струйка пота. Капля крови первого существа в мире? Того, чье существование эволюционисты наверняка отвергнут, ибо напрочь выбивается оно из модной теории о происхождении видов.

Но эта капля сводила с ума драконов.

Подчиняла их.

Что она сотворит с людьми?

А ведь наверняка найдутся те, кто пожелает проверить. Кто скажет, что это исключительно науки ради. И для общественного блага. Ведь обществу же лучше, когда в нем царят мир и любовь.

— Он сказал, что другие были несовершенны, что они не могли обходиться сами, — Милисента стояла, вперившись взглядом в пол, будто видела что-то, недоступное Чарльзу. — Он оставил им... те артефакты... сиу и другие... без них вымрут.

Она перекатилась с носка на пятку.

И с пятки на носок.

— Но я... он сказал, что подобные мне, что мы вполне самостоятельны. Нам не нужна древняя кровь, чтобы принимать силу. Передавать. Хранить. И... — Милисента обняла себя. — Как же они задолбали со своими тайнами древними!

Сказано это было совершенно искренне.

— Ты говорил, что еда есть? — Милисента повернулась. — Жрать хочу, просто страх.

— Графини так не говорят, — не удержалась Молли. — Тебе стоит обратить внимание на свои манеры.

— Это пока, — Милисента добралась до угла и плюхнулась на матрасы. — И вообще... мы под землей, хрен знает где и возможно не выберемся. Какие, к бездне, манеры?

Возражать не осмелились.

* * *

На что похожи грибы?

На грибы и похожи. Никогда их не любила. А тут... что-то розовое, по вкусу вроде и мясо, только сладковатое, и главное такое вот, которое жевать не надо, само во рту расплывается. Ну и грибы. С мясом.

И сами по себе.

И еще в лепешках. Лепешки из грибов — еще та, я вам скажу, экзотика. Помнится, читала, что в дальних краях иные люди едят кузнечиков. Мы с Эдди тоже как-то пробовали, но особого вкуса не обнаружили и решили, что это они с голодухи.

Вот и грибные лепешки туда же.

Я жевала. Молча. И думала, что вообще стоило бы научиться молчать, особенно при таких вот, как эта Молли, что села в стороночке, кусок лепешки в кулачок зажавши. Сидит и жуёт этак, медленно, с видом мечтательным. Да только видом я не обманываюсь. Вона, на меня она поглядывает.

Нехорошо так.

Будто решая, что со мною делать.

И мнится, мне её решение не понравится. От категорически. Поэтому я ела, стараясь не задумываться над тем, что именно ем. И тоже думала.

Нет, древняя кровь — это, конечно, хорошо. Но что с ней делать-то?

Возрождать праотца?

Обойдется.

Миру это точно не надо, а мне и подавно.

А... тому ублюдку, который начал игру? Змеенышу? Он ведь зачем-то начал собирать древние артефакты? И если допустить, что я не одна такая, уникальная, что и он тоже? Он ведь откуда?

Старый Змей был родом с Островов.

А на островах Эрханен побывал. Ну, я так думаю. Если переться напрямки через океан, то точно острова не пропустишь. Стало быть, там он жил.

И потомков своих оставил.

Драконья же кровь, как они говорили, не размывается. Вот с того-то Сассексы и уникальные. Жаль, только рассказать об этом не выйдет. Чувствую, Змей бы порадовался.

Ладно.

Допустим, Змей тоже уникальный. Изначально. Но его кровь спала, а после обряда проснулась? Или что они там придумали? Не знаю. И Чарльз не знает. Тоже сидит, жует, прислушивается к чему-то. А рука на поясе, на револьверах. Совсем освоился. Даже радостно от того.

Вот так вдвоем и сидим, плечо к плечу. И тепло.

Спокойно.

Думается опять же легко.

Итак, этот Змееныш родился себе, жил, рос, ввязывался в неприятности, потом сбег от папули в город Мастеров, но и тут ему на жопе ровно не сиделось.

С сиу знакомство свел и...

И она отвела его в Мертвый город. В старый мертвый город, где что-то произошло. Что? Понятия не имею. Главное, что этот ублюдок взял да пробудил истинно драконий талант. Теперь я уверена, что дело не в спертom древнем артефакте, а именно в самой способности внушать любовь.

И...

И я не знаю, обратимо ли оно!

Это спрашивать надо у тех, кто давно умер, а значит, соваться туда, в мертвый мир. Но я понятия не имею, как это сделать. Да и... не хочется.

Страшно.

Вдруг да однажды я не смогу вернуться? Вдруг да останусь там, где то ли живые, то ли мертвые города с такими же драконами? Где вечные споры и небо, которое почти как настоящее, но все же другое?

Думай, Милли. У тебя на плечах голова или горшок с кашей? Думай... итак, если это драконий талант, то он должен был бы одинаково действовать и на мужчин, и на женщин. Я же видела город. Им не было разницы, кого именно очаровывать.

А тут...

Тут была. Иначе он бы не устраивал долгих интриг. Что мешало бы сойтись с Чарльзом, чтобы тот радостно взял да отписал все

имущество новому другу? Или вовсе устроил бы его законный брак с сестрицей, а потом пустил бы себе пулю в лоб. От переизбытка радости.

Или еще чего.

Стало быть, дар на мужчин или не действует, или действует, но не так выражено? Что-то да есть, иначе не втерся бы Змееныш в доверие к местным. Дар дефективный?

Или... сам Змееныш лишь часть игры?

И кто-то просто умело использует его способности?

Хреново. И не понятно.

И... я покосилась на Молли.

Встречалась ли она со Змеенышем? Как понять.

— Прогуляемся? — тихо поинтересовалась я у Чарльза.

— Куда? — встрепенулась Молли.

— Тебе какая разница?

— Есть. Вы не должны уходить.

— Кому не должны? — поинтересовалась я. — Эдди, пригляди за этой вот, ладно?

Братец кивнул и подвинулся ближе, а после вовсе приобнял Молли. Не скажу, чтобы мне это понравилось: брат у меня один, и нечего тут на него облизываться. С другой стороны, теперь я могу быть уверена, что Молли никуда-то не денется.

От Эдди так просто не отделаться.

Ушли мы недалеко.

Вот аккурат за порог пещеры, в полутемный коридор, по стенам которого скользили светящиеся змеи. И чудилось в том беспокойство. Хотя могут ли мхи вообще беспокоиться?

Кто ж их знает.

— Тут... такое дело. Не хочу, чтобы она слышала.

— Не стоит ей доверять, — согласился Чарльз. Он держался рядом, и говорила я тихо. Ну, чтобы держался еще более рядом. А то не кричать же через всю пещеру. — Интересы короны — дело такое. Ими многое оправдать можно.

Будто я не понимаю.

Понимаю.

Но что с того-то?

Я кивнула. И постаралась коротко изложить то, до чего додумалась. Слушал меня Чарльз внимательно, не перебивая. И по лицу его было совершенно не понять, что именно он думает. Да и самого лица в кромешной темноте не разглядеть почти.

Поэтому я протянула руку.

Прикоснулась. Осторожно так. Теплый. И щека колючая, потому что щетина растет. Мне приятно касаться этой щеки. И щетины тоже. А дыхание теплое.

Горячее даже.

Губы обветрились. Бывает и такое. А вот целовать мне пальцы совершенно незачем. Я от этого смущаюсь. И краснею. И забываю, о чем сказать собиралась, но наверняка о чем-то важном. Или нет? О важном я уже сказала, а теперь вот стоим вдвоем.

Молчим.

И дышим громко.

Как подростки, право слово. Я же не подросток, что под лестницей прячется от мамкиного строгого взгляда. Я взрослая и самостоятельная женщина.

И сама могу решить, кого и когда целовать. Особенно, если мужа.

Проклятье, если бы я знала, что целовать мужа настолько приятно, давно бы замуж вышла. И... и вообще...

— А что вы тут делаете? — раздался приторно-сладкий голосок.

Нет, когда-нибудь я ей космы-то повыдергиваю.

— Тебе какое дело? — огрызнулась я и зачем-то обняла Чарльза. Ну... чтобы не думала тут... не стреляла глазками. А то ишь, повадились тут на чужих мужей смотреть.

— Да так... интересно стало.

Договорить она не успела, поскольку где-то вдалеке хлопнул выстрел, а следом раздался протяжный скрежещущий звук, явно намекающий, что отдых наш закончен.

Глава 18. В которой начинается маленькая война

Вдоль реки медленно полз чудовищного вида голем. Более всего он напоминал Чарльзу огромную металлическую гусеницу. Двигалась она неспешно, то и дело замирая, дожидаясь людей, что шли следом.

— Боевой голем третьего уровня, — сквозь зубы процедил Эдди. — Хреново.

— Откуда он здесь?

— Сделали, — Эдди поглядел на Чарльза снисходительно. — Они не зря себя мастерами называют, поверь.

— Именно. Ряд наработок был очень... любопытен, — Молли разглядывала голема с интересом.

А вот Странник, который, собственно, и принес радостную новость о незваных гостях, выругался.

— Попробовать можно, — сказал Громобой и нежно погладил свое чудовище.

— Не поможет, — Молли покачала головой. — Смотрите, на нем усиленная броня и, судя по рисунку шипов, с возможностью генерации энергетического щита. О него ваш заряд разобьется.

— А если два?

— Зависит от элементов питания, но голем крупный, а стало быть, и щиты на нем будут хорошие, — она сползла за камень, поскольку кто-то из тех, кто подступал к городу, снова решил выстрелить.

Стреляли наугад, скорее давая понять, что сила на их стороне.

— Ну... ничего, это тут не выйдет, — Громобой явно не собирался отступать. — Чай, вниз она не пролезет.

— Смотря насколько вниз, — Странник тоже присел. — По крупным коридорам вполне пройдет. А там...

— Пара дымных шашек...

Они переглянулись.

— Наши? — тихо спросил Громобой.

— Еще когда сказал собираться. Уйдут по реке. Спустятся ниже, на озеро, а там уже... про подземников и говорить нечего. Их не достанут.

— А мы тут тогда чего делаем? — озвучил он животрепещущий вопрос.

— Так... смотрим, — Странник снова высунулся. — Нет, ты поглянь, и проходчиков тянут!

За первым големом показались еще два, низких, приземистых, тоже похожих на червей, но уже коротких. Обрубленные их тела устроили на тележки, которые с немалым усилием толкали вперед.

Кто-то подошел к вопросу изучения подземного города со всей ответственностью.

— Надо же... — Странник покачал головой.

И где-то там, на берегу, хлопнула еще пара выстрелов.

— Уходим, — сказал Странник, опускаясь на четвереньки. — Пока они не спешат. И не будут спешить... правда, Гром?

— А то. Сейчас... погоди... вот уже...

Грохот заглушил его слова, а земля затряслась.

— Что за, — Эдди высунулся и хмыкнул. — И много тут сюрпризов?

— Хватит, чтобы проявлять осторожность.

Чарльз тоже выглянул.

Перед големом разверзлась яма, в которую угодила передняя часть его. Броню твари припорошило каменной пылью, а часть чувствительных щупов явно были повреждены. Правда, этого было недостаточно, чтобы вовсе вывести голема из строя, но дальнейшее продвижение явно замедлится.

Пускай.

— Мы выведем вас к озеру, а там уже решим, куда дальше, — тихо произнес Странник. — Уходим.

Спорить Чарльз не стал.

К городу отступали быстро, скрываясь меж камнями, которые теперь не спешили загораться, будто понимая, что вспышки света привлекут внимание.

Сзади то и дело раздавались выстрелы, но теперь Чарльз не обращал на них внимания.

Знакомые коридоры распахнулись черными зевами. И Странник прибавил шаг. Больше никто не разговаривал. Шли быстро. Молча. Лишь эхо шагов гуляло по каменному лабиринту.

Поворот.

Спуск.

Коридор. И поворот. Спуск.

Новый коридор.

Рука Милисенты норовит выскользнуть. Чарльз пытается удержать её, но пальцы влажные, горячие. И она запыхалась. Она устала.

— Погодите, — это уже говорит Молли. — Я... мне... немного бы отдышаться.

Но её голос теряется в темноте. Саму её тоже не видно, только Милисента спотыкается, и Чарльз успевает её подхватить, удержать.

— Надо передохнуть, — говорит он уже сам и громко, не боясь, что услышан. Кому здесь слышать? — Пару минут всего.

— Хорошо, — голос Странника звучит сипло. И сам он, освещенный слабым мерцанием фонаря, кажется другим. — Недолго только. Не стоит обманываться, если они добрались туда, то и сюда спустятся.

— Тут и заплутать недолго.

Странник покачал головой.

— Если возьмут ищеек, то не заплутают. След горячий, поэтому надо к озеру. Уже недолго осталось, — он сказал это, явно извиняясь, хотя его-то вины точно не было.

— Я боком пойду, — Громобой перекинул чудовищную свою винтовку в другую руку. — Глядишь, поморочим. Если и вправду ищейка.

— Опасно.

— Жить вообще опасно для здоровья, — Громобой хлопнул по спине. — Давай, у озера встретимся.

И отступил в сторону, чтобы раствориться во тьме. Та даже не шелохнулась, проглотила коренастую фигуру, приняла, сделала частью себя.

А Чарльз крепче обнял жену.

Мало ли, вдруг да у тьмы и на нее имеются планы? У него самого на неё имелись планы. И Чарльз не отдаст её. Никому. Мысль успокоила. И он стоял, вслушиваясь в хриплое дыхание Милисенты.

Рядом держался Эдди, молчаливый и незаметный, но Чарльз уже научился чувствовать и его. А вот Молли стояла чуть в стороне, и дышала куда как ровнее, чем в начале.

Не нравилась она Чарльзу.

Категорически.

— Идем, — сказал Странник. — Я впереди. Не отставайте. Уже недолго. Выйдем к озеру и тогда...

Договорить он не успел.

Вдруг стало так... ярко.

Звонко.

Оглушающе. Так, как может быть, когда в очень тесном помещении взрывается глушилка. Чарльз хотел устоять, собирался. Он ведь маг и защиту имеет. Но эта глушилка просто-напросто смяла все щиты, и полоснула по глазам воплощенным солнечным светом, ударила звоном.

И в голове что-то будто лопнуло от боли.

И сама голова, наверное, лопнула.

Он сдавил её руками, чтобы та не рассыпалась. Рядом, но бесконечно далеко, раздался стон. И Чарльз хотел было посмотреть, кто стонет, но для этого нужно было повернуться.

Вдохнуть.

А это было больно.

Так больно...

* * *

...я не успела понять, что происходит.

Мы шли.

И бежали. И я запыхалась. Я бегать-то могу и вообще выносливая, а тут то ли вообще от усталости, то ли от духоты, царившей снизу, но запыхалась. И обрадовалась, когда мы остановились передохнуть. Я даже преисполнилась благодарностью к Молли, которая попросила пощады. Мне-то гордость не позволяла.

А ей вот позволила.

Потом же... не помню, что произошло потом, но мир исчез. И я провалилась в густую кисельную тьму. В ней-то и оставалась долго, наверное, даже целую вечность.

— Несите осторожно, — резкий раздраженный голос Молли заставил меня очнуться. Или, может, я очнулась раньше? Главное, что сразу захотелось её убить.

За голос.

Точнее и за голос тоже.

— Это очень ценный образец, — она была рядом.

А меня несли.

Точно.

Кто-то большой, почти как Эдди, перекинул меня через плечо, и лежать на этом плече было не слишком удобно. Хотелось блевать и сделать какую-нибудь гадость. Но я сдержалась.

Точно взрослою.

Я приоткрыла глаз и сразу закрыла, потому как свет показался отвратительно ярким. Он пробивался сквозь сомкнутые веки и раздражал. Плевать. Потерплю. И дальше полежу. Пока не пойму, что, мать его, случилось.

Где Чарльз?

И Эдди?

И Странник тоже. Он странный, но в принципе неплохой мужик. А Молли, судя по всему, та еще тварь. Ну конечно, кто же еще... мысли в голове были ленивыми, как мухи в полдень. И зудели также раздражающе.

Приходилось думать.

...что произошло?

Не знаю. Не помню. А при попытке вспомнить, голова просто-таки разваливается. Но определенно, ничего хорошего не случилось.

Где я?

Не там, где следовало быть.

Как оказалась? Хрен его знает, но не случайно. Меня не связали. Пока. Но вот револьверов не чувствую, и руки голые, стало быть, перчатки забрали на всякий случай. А на левом запястье какой-то браслетик висит, холодненький по ощущениям.

Наверняка непростой.

Думай, Милли.

Думалось с трудом. А мы, наконец, дошли. Сперва выбрались к подземной реке, у которой застыла громадина голема. Его я увидела, когда меня, несмотря на всю мою заявленную ценность, просто-напросто кинули на землю.

И Молли, присев на корточки, сказала:

— Привет.

— На хрен пошла, — сипло отозвалась я. Притворяться спящей не было смысла, да и никогда-то особо не умела я притворяться.

— Воспитания тебе определенно не хватает.

— Где...

— Уж извини, сил у меня не так и много, так что хватило лишь на тебя. Ты, к слову, тяжелая. Похудеть не думала? — Молли спокойно присела рядом. Не боится? Или думает, что я сейчас слабая да беспомощная?

Хотя да, тело словно деревянное, и в голове каша полная.

— Ты...

— Да оставила их там. Очнутся как-нибудь, — она улыбнулась широко и радостно. — Мы против ненужных жертв.

— Вы — это кто?

— Те, кто призван изменить мир.

Ага.

Еще одни придурки.

Вот что им всем так нейдет-то? Живет себе мир спокойно, никого не трогает, а его каждый так и норовит изменить как-нибудь. И главное все ради высшей цели и всеобщего блага. Причем, насрать, что о благе этом тоже никто-то не просил.

Мать их.

Благодетели.

— Ты пока растеряна, но мы всенепременно поговорим в другой обстановке, более располагающей. Мне кажется, что ты меня поймешь.

А то.

Только сперва космы выдеру, макну башкой в нужник и отпинаю. Ну уже потом всенепременно пойму. Я вообще очень даже понятливая.

— К слову, — Молли улыбнулась еще шире. — На твоём месте я бы не стала обращаться к магии. Будет больно.

— Учту.

Она продолжала сидеть и пялится.

Что, дуру нашла? Думала, я ей не поверю и полезу проверять? Конечно, полезу, но не здесь и не сейчас, когда все от меня только этого и ждут. Нет уж, я найду, когда браслетик — а именно на него Молли уповаёт — проверить.

И там уж посмотрим, способна ли эта побрякушка с драконом управиться.

Хотя, конечно, дракон из меня...

Не важно.

— Тебе ведь Странник нужен был, верно? С самого начала.

— Не совсем.

— Та женщина?

— Подземный народ, который обретается здесь со времен незапамятных, — нараспев протянула Молли и глаза прикрыла бесстыжие. — Мой дядюшка полагал, что они и есть первые истинные обитатели этой земли. А еще, что хранят они память о мире, который существовал задолго до появления здесь людей.

— Не ошибся. Почти.

— Он был одержим этой идеей, — призналась Молли. — И столько сил потратил, чтобы выйти на Странника, чтобы связаться с ним, чтобы заслужить его доверие... а потом взял да и умер.

— Не без твоей помощи?

Она пожала плечами. Мол, не она такая, жизнь такая. Погановатая. Тут-то, конечно, я могла и поспорить. У меня тоже жизнь не ахти, но я родных не убиваю.

— Он мог бы и сотрудничать.

— И когда ты на другую сторону переметнулась? — поинтересовалась я, раз уж все одно сидим. И главное, сидим-то, опираясь, на ногу голема, который теперь выглядит не просто большим — здоровущим. Нога эта, что колонна, а над нею поблескивает металлом тяжеленная туша. Пахнет железом и маслом, и алхимией. И не отпускает поганое чувство, что если голем этот ногой шевельнет, то раздавит меня на раз.

Но Молли спокойна.

И я буду.

Постараюсь.

В конце концов, выдирать этой твари волосья надо в обстановке подходящей, располагающей, чтоб ни одна скотина процессу не помешала. А то тут людишек вокруг хватает, суетятся вроде бы, но и за нами приглядывают. Особенно тот, здоровый, что меня притащил.

— Да я как-то и не думаю, что переметнулась, — Молли вытянула ноги. — Присяги я не давала. Это они там почему-то решили, что могут мною распоряжаться.

— А не могут?

— Только потому что взяли и вырастили меня? А мне надо преисполниться благодарности и разгрести то дерьмо, в которое меня макали? Дядюшка мой... да какой он дядюшка, вытащили сиротку из приюта, сочинили слезливую сказочку о потерянных родителях и родственнике, который помочь решил. Ага... одинокий мужчина подозрителен. А вот если он один воспитывает ребенка рано умершего брата или там сестры, то все вокруг к нему сочувствием проникаются. Да и ребенка к делу приставить можно. Кто вообще на детей внимание обращает? А они, поверь, не глупые. И слышат многое, и видят. И принести-унести могут, спрятать, скажем, в доме крохотную вещичку... кто заподозрит милую девчушку, которая так страдает по любимой матушке?

Она скривилась.

— Дерьмо, — согласилась я. — Только... думаешь, в приюте было бы лучше?

— Понятия не имею. Может, и не было бы. Кабы этим все... но я подрастала... а знаешь, есть люди, которые очень любят юных девушек, чем моложе, тем лучше... и порой эти люди занимают немалые посты... и тогда становится очень важно получить некую информацию, которая могла бы оказать на них влияние.

— Тебя...

— Пустили в разработку. Так это называется. Зачислили в штат. Определили содержание. Объяснили, что я или работаю, как должно, и в итоге получаю деньги, а, глядишь, даже титул, не говоря уже о поддержке, или вдруг погибаю в расцвете лет, потому как оставлять такую, знающую, на свободе да без присмотра неразумно.

Да уж.

Нет, все равно не сочувствую. И в нужник макну пару раз. Мы-то её не трогали, мы-то помочь хотели. Ну, Чарльз хотел.

На свою голову.

Сердце кольнуло. Что с ним? И с Эдди? И... и она говорит, что не тронула, но этой твари у меня веры нет. С другой стороны, зачем ей убивать? Убить кого-то, по себе знаю, не так и просто. Мало того, что совесть гложет, так еще и время... застрелить?

Порохом от неё не пахло, я бы учуяла. Он на редкость, зараза, въедливый, особенно в месте таком, как это, где ветра нет.

И крови не чую.

А без крови... душить долго. Магией? Она точно магию использовала, чтобы меня отключить.

— Потом... случилась неприятная история. Дядюшка возомнил себя самым умным, и в итоге просчитался. Вот мы тут и оказались. Он злился. Сперва. Решил, что я виновата, хотя... в чем я виновата?

— Сколько тебе лет? На самом деле?

— Лет? Тридцать пять, — она повернулась.

— А по виду не скажешь.

— Знаю. Есть... разработки. Мне что-то давали, что-то такое, чтоб дольше выглядела юной. Это ведь выгодно. Оказывается, сложно найти девицу, которая бы мало того, чтобы хорошенькой была, так еще и характером обладала нужным. Вот и пользуются обычно по полной. А что потом с этих их зелий бывает... — она зло сплюнула. — Я ведь никогда не беременела. И как выяснилось, вряд ли когда смогу. Чему-то там, внутри, не дали развиваться. Сформироваться... зато вот стареть буду медленней. До некоего предела. Какого? Никто не знает. Думаю, они сами тоже...

— Ты его ненавидела?

— Дядюшку? Пожалуй, что... не сразу. Сперва я была благодарна ему. Как же... сирота бездомная. Еще гордилась тем, что служу короне. Потом влюбилась. Это нормально. Было время, когда я в рот ему смотрела и из шкуры готова была вылезти, лишь бы угодить. А он пользовался. Нет, не так, как ты думаешь. Мы не спали. Это... всегда все усложняет.

Я молчу.

Мне сказать нечего.

Тридцать пять... матушке чуть больше, но она выглядит молодо. Все так говорили. Однако, выходит, не настолько молодо, как Молли?

И...

И ничего это не значит.

— Потом я становилась старше. Приходил опыт. Понимание.

— Чего?

— Того, что меня использовали. Все. И дядюшка, и те, кто над дядюшкой. И... если бы нас не сослали в эту вот дыру, то год или два, может, три, но меня бы заменили.

— Как?

— Обыкновенно. В лучшем случае отправили бы куда-нибудь подальше... может, пристроили бы замуж, но вряд ли. Слишком ненадежный был бы брак с моей неспособностью родить. Хотя... всегда найдется, где использовать рабочего агента. А нет... — Молли провела пальцем по горлу. — Но скандал случился, а тут как раз замена понадобилась. Ну и... всплыла кое-какая информация.

— Про подземников?

— И про них. Про древние города, в которых спрятаны невысказанные сокровища. И тайные знания.

Ну, если сокровища, тогда понятно.

Сокровища, они ведь везде пригодятся, особенно, если невысказанные. Такие только государству и хранить.

— Вот и спровадили, с одной стороны наблюдать... и не только. Мастера давно уже сотрудничают с той стороной.

— Правда?

— А то. Этот город только кажется самостоятельным. На деле просто удобно собрать всех придурков, недовольных правительством, в одном месте. Пусть себе играют в независимость, заодно уж испытывают то, что там, во внешнем мире, испытывать неудобно. А то мало ли, вдруг кто узнает, что корона спонсирует опыты над людьми? Нехорошо получится.

— А она спонсирует?

— Тебе документы предоставить или на слово поверишь? Ты... вообще поражает наивность. Ты хоть представляешь, сколько денег нужно, чтобы построить все это?! — Молли не удержалась и руки вскинула. — Там, наверху? И поезда? Дороги? Дома? Площади? Перевезти людей. Поселить их. Сделать так, чтобы в первое время они не загнулись от голода?!

— Не ори, — проворчала я.

Ну... да, если так, то выходит, что права. И от этой правоты становится тошно.

— То-то и оно... те, кто там наверху, они прекрасно понимают правила игры. И долги отдавали сполна. И мы с дядюшкой, это так... дань традициям. Ссылка опять же, туда, где особо не навредим, даже если болтать станем. Ну и работа, конечно. Сюда, как ни странно, много чего интересного попадает. Вот и приглядывали, пока...

Она замолчала и поднялась.

— Ладно, не важно. Он сам тебе все расскажет.

А я тоже поднялась и не стала уточнять, кто. И о чем расскажет. Вот увижу и пойму. Главное, сразу не прибить.

Глава 19. О змеях и разумных опасениях

Чарльз очнулся от того, что на лицо лили воду.

Тонкой струйкой.

Ледяную.

Вода обжигала и скатывалась по щекам на шею, за шиворот. Под ним уже лужа набралась, одежда промокла, и Чарльз вяло подумал, что теперь точно заболеет. И открыл глаза. Ничего не изменилось, разве что вода в глаза попала.

А так темно.

Сыро.

— Живой? — сипло осведомилась тень, нависшая над головой.

— Живой. Кажется, — Чарльз поморщился. Каждое слово вызывало вспышку боли. И боль эта оглушала. А еще хотелось пить. — Пить дай.

Сперва его подняли, рывком. И усадили, прислонив к стене. Сунули в руки флягу с ледяною водой.

Стало легче.

Сперва.

— Что...

— У тебя спросить хотел. Голова, что с перепоею, — пожаловался Эдди.

Это да.

Трещит и гудит.

Так. Собраться. Глушилка. Была.

Чарльз произнес это вслух.

— Вот... собачья дочь, — Эдди сплюнул.

— Молли?

— А кто еще? Её нет. И ладно бы её.

Чарльз растер воду по лицу. Огляделся. Рядом у стены стоял Странник, стоял, держась за голову и покачиваясь.

— Что...

— Плохо. Нас шибануло, а он же ж вообще наверху редко бывает, вот пока и... надеюсь, придет в себя. Иначе мы в полной жопе.

В полной.

И без того.

Милисенты нет.

Нет... и куда подевалась? Не ушла бы сама. Ладно, Чарльз, но брата она бы точно не бросила. Значит... Значит, увели.

Кто?

Думать нечего.

Тварь! И ведь он, Чарльз, нашел... помог... хотел помочь... поверил. А она... тварь.

— Не спеши, — Эдди сказал это спокойно. — Найдем. Нам бы только выбраться.

Помолчал и добавил:

— Хоть куда-нибудь.

* * *

Выбирались к озеру. Шли медленно, потому как каждый шаг вызывал в голове новую вспышку боли.

Когда Чарльз найдет эту стерву, Молли, он точно свернет ей шею.

Определенно, свернет.

Ибо нельзя быть тварью такой.

Добравшись до озера, он упал на четвереньки и не нашел ничего лучше, как сунуть голову в воду. Рядом фыркнул Эдди.

— Радоваться надо, — сказал тот, размазывая черную, что деготь, воду руками.

— Чему? — поводов для радости Чарльз не видел. Вот совершенно.

— Тому, что не прирезала.

Да. Наверное. Могло бы быть и хуже. Но почему-то легче от понимания этого не становилось. Потому как и без того было плохо.

— Дрянь, — сказал Чарльз. — А я дурак.

— Я не лучше.

Эдди помотал головой, стряхивая брызги, и поморщился.

— Надо думать. Прямо лезть смысла нет. Ждать будут. В лучшем случае.

— Я не брошу.

— Никто не бросит. Но... думать надо.

С этим было сложно спорить.

— Куда вас доставить-то? — поинтересовался Странник, который выглядел презадумчиво.

— В город. Сможешь?

Тот пожал плечами. Потом помолчал и спросил:

— Так выход на пустыню показывать?

— Показывай, — Эдди упал на землю и уставился в потолок. Потолок пещеры был где-то там, высоко. Настолько высоко, что разглядеть его не получалось. С этого потолка свисали тончайшие нити, которые слабо светились. Свет этот голубоватый прозрачный и холодный отражался в воде, отчего казалось, что горело само озеро.

— Покажу, — Странник тяжело опустился рядом. — Но... такое дело... это и вправду древний город. И путей у него много.

— Насколько много?

— Очень много. Мы не слишком верили старику. Он был очень уж любопытным. Да, кое-что показывали, само собой. Нам нужно... многое нужно. Еда. Лекарство. Книги. Я пытался их учить.

— Подземников?

Странник кивнул.

— Я вырос здесь. Частенько поднимался наверх, когда отец брал, но дом для меня тут. И там, наверху, чувствую себя чужим. А что теперь — понятия не имею... я думал, что буду как он. Торговать. Искать. Добывать. Развивать их. Они не тупые. Другие просто.

Он вздохнул и произнес:

— А еще они умеют прокладывать тоннели. И за сотни лет, пока жили тут... в общем, я могу вывести вас, куда скажете.

— К башням Мастеров? — прищурился Эдди.

— Без проблем.

— Почему помогаешь?

— Ну... не знаю, — Странник пожал плечами. — Может, потому что привык помогать? Им больше моя помощь не нужна, а вам вот пригодится.

Это точно. Без помощи Чарльз не справится. Даже с Эдди не справится. Он, если подумать, вообще не представляет, что делать.

Явиться и грозно потребовать, чтобы вернули жену?

Даже с больной головой план выглядел довольно-таки бредовым.

— В башню, к слову, вполне себе можно. Она на редкость удачно стоит. И подвалы у нее глубокие. Изначально там были естественные

пещеры, а потом уже их под подвалы использовали. И под жильё. Ну а позже и башню поставили.

Странник поглядел на воду.

— Бывал? — поинтересовался Эдди, растирая воду по лицу.

— Случалось.

Уточнить, по какой надобности, Чарльз не стал. Ясно же, что серьезные люди по пустякам в чужие дома не заглядывают.

— Есть там один человек... из тех, кого я знаю... с кем работал.

— Надежный?

— Как сказать, — Странник поднял плоский камушек. — Он мне остатки свечей продавал. И так, по мелочи... большая башня, много людей, и расходы опять же изрядные. Такой-то свет только в господских покоях, а у слуг свечи. Так что свести могу. Но сами думайте, насколько это вам... надо.

— Надо, — сказал Чарльз.

А Эдди кивнул.

* * *

Что сказать.

Поднимались мы с помпой, гордо восседая на огромном бронированном монстре. Всю жизнь мечтала, мать его. Главное, спереди погонщик, потом мы на узеньком диванчике, что воткнули меж сочленений тела, а с двух сторон — мордороты самого разбойного вида.

Охрана.

Правда, понять кого и от кого они охраняют, я не сумела. Но и не скажу, чтобы пыталась.

В общем, голем сперва полз вдоль берега, потом нырнул в какую-то нору, из которой воняло гнилью, а там уже вышел в тоннель, чтобы перебраться в другой. Двигался он довольно шустро, и меня поневоле начало укачивать. Молли и та не удержалась от зевка, а я подумала, что если спихнуть её, полусонную, глядишь, и свернет себе шею.

Но удержалась.

Ненадежно это. Может ведь и не свернуть. Разорется. Еще связать велит. Так что нет. Как Эдди говаривал? Всему свое время.

Я сложила руки на коленях и уставилась.

Заодно старалась головой не особо крутить. Дорогу и без того запомню. На всякий случай.

В общем, выбрались мы в конце концов в огромную пещеру, прямо посередине которой начинались рельсы. На рельсах стоял поезд, небольшой, почти игрушечного вида. За поездом виднелась гора из ящиков. В другой стороне прикорнул в уголке голем, вокруг которого сустились люди. Наш, повинаясь приказу погонщика, остановился и с тихим лязгом опустился на землю. Первым спрыгнула охрана.

Ручки подали.

Вежливые, чтоб их. Ну я не гордая, помощь приняла.

— Иди за мной, — Молли поспешно расправила юбки, которые от этой суеты не стали ни менее мятыми, ни менее грязными. И кудряшки свои потрогала, потерла губой о губу, явно пытаясь стать краше.

Ну-ну.

Сердце закололо нехорошим предчувствием.

А что если... если я тоже? Если гляну на этого Змееныша и мозги потеряю напрочь? Позабуду и Эдди, и матушку. И... Чарли?

Мы ведь так и не стали мужем и женой по-настоящему.

Вдруг да это тоже важно?

Но бояться долго я не умела, да и Молли поспешила.

— Не отставай!

Отстала бы, да охрана не позволит. Если подумать, то с этой парочкой я справлюсь, хотя вот коробило меня людей убивать. Тех, которые сами меня убить не пытаются.

Да и остальных тут много.

Браслетик опять же. Вдруг да действует?

Но и прихорашиваться я не стала. Я в гости не напрашивалась, а раз уж позвали, то пускай принимают такой, какая я есть. И пошла за Молли.

Мимо голема.

И поезда, который был холодным и мертвым. Боковину его разобрали, часть деталей разложили на коробках да и бросили.

Жалко.

Из пещеры поднимались по лестнице, которая сперва была грязною и тесною, но после обыкновенный камень сменился благородным мрамором. А на мрамор и красная дорожка легла, чтоб совсем уже по-богатому.

Стены тоже побелели, после оделись дубовыми шпалерами. На них появились картины в золоченых рамах. Солидные такие. А я, глядя на это великолепие, — у нас, небось, и у мэра дом не такой богатый — подумала, что права Молли.

Хрен бы эти мастера сами все тут обустроили.

На душе стало мерзко. Казалось бы, какое мне дело? До короны, до мастеров, до игрищ этих в политику? А все одно мерзко.

Мы остановились перед дверью, которая среди прочих выделялась размерами да еще обилием позолоты. Причем золотые виноградные ветви, прикрытые золотыми листьями, мне почему-то казалось лишними, будто появились они на двери не сразу, но только сейчас.

И клеили их наспех. Вона, слева чуть выше, чем справа.

— Запомни, — голос Молли дрогнул. — От того, насколько понимающей ты будешь, зависит твоя судьба. И не только твоя.

Она вдруг взяла меня за руку и стиснула пальцы так, будто сломать эту руку хотела.

Может, и хотела. Да силенки не те.

— Твой дурноватый братец, конечно, сунется тебя спасать. И тут все может пойти по-разному... он может погибнуть в процессе. Спасательные операции, чтоб ты знала, порой весьма опасны. А может занять место, достойное его талантов!

И ущипнула.

Вот же... собачья дочь!

— Я тебе шею сверну, — пообещала я ласково. И подумала, что чем-то становлюсь похожей на сиу. Вот и враги появляются.

Личные.

— Хотя... — Молли потрепала меня по щеке. — Учитель милосерден. Он никогда не причинит боли тем, кого любит. Надо лишь понять для себя, достойна ли ты его любви.

И вперед подтолкнула.

А дверь взяла да раскрылась. Честно, ожидала, что там трубы заиграют, барабаны или еще чего. У нас в городе вот всегда оркестр для торжественных случаев выводят. На трубе играет сын мэра, а барабанщиком — шериф. Остальные уж как придется, но играют громко. Матушка правда говорит, что не всегда по нотам, но ведь главное, что получается торжественно.

А тут...

Снова дорожка.

На сей раз, правда, золотая. И мебель тоже золотой тканью обтянута. И шторы с золотыми розами да коронами. А матушка утверждала, что излишняя тяга к золоту и показушности — свидетельство дурного вкуса. Если так, — матушке своей я верила — то человек, что гордо восседал в огромном золотом кресле явно со вкусом имел проблемы.

Так вот он какой...

Змееныш.

И вправду Змееныш. Старик, он был... не знаю, таким, что дух захватывало. А этот... этот похож, да. И красивый. Только прямо коробит меня от этой красоты.

Черты лица правильные.

Волосы зачесаны гладко.

Костюм... черный, а не золотой. Но в ухе поблескивает серьга, а на тонких пальцах — перстни. Помнится, Кархедон тоже их любил. Может, это у него драконья кровь так проявилась? Но я-то в себе любви к золоту не ощущаю.

Я прислушалась.

Точно не ощущаю. И трепета душевного. А вот Молли... стоило ей увидеть этого вот засранца, как поплыла, иначе и не скажешь. Вот пристрелите меня, если я когда-нибудь хоть на кого-нибудь буду глядеть таким вот овечьим беззащитным взглядом, полным немого обожания.

Рот её приоткрылся.

Щеки заалели.

И ресницы дрожат.

— Я... привела её, — сказала она низким хриплым голосом. И у меня от сказанного прям уши загорелись.

— Я вижу, Молли. Я тобой доволен.

А вот он говорит спокойно, только от самого звука его голоса она едва не подпрыгивает. И вся загорелась просто, того и гляди вспыхнет от переполняющего счастья.

Да уж.

Если тут кому шею свернуть и надо, так это Змеенышу.

Он же поднялся, выбравшись из кресла, обтянутого вызолоченной — не знала, что такая бывает — кожей. И подошел к нам.

А он невысокий.

И носит туфли на каблуке. Когда подходил, я заметила. И едва не фыркнула. Старик тоже ростом не отличался, что не мешало ему глядеть на других сверху вниз. А этот вот... пыжится.

Змееныш.

Он погладил Молли по щеке, и та закрыла глаза, блаженно выдохнув. А Змееныш обратил свой взгляд на меня. Глаза у него красивые. Золотые.

Драконы любят золото.

Надо будет спросить при случае, сами по себе они любят, или это что-то да значит. Вдруг да окажется, что золото им сил прибавляет. Или еще чего?

— Вот мы и встретились, — сказал он так, что у меня по спине мурашки побежали. А заодно появилось желание убраться куда подальше.

Вместо этого я кивнула.

— Молли, иди, дорогая. Ты устала. Тебе нужно отдохнуть. Хорошо отдохнуть. Я хочу, чтобы сегодня вечером ты была красивой. Ты всегда была красивой и будешь такой, но сегодня я жду от тебя чего-нибудь особенного...

Ох, как щеки румянцем вспыхнули. Надеюсь, что только у неё.

А он опять на меня вперился. И я на него смотрю. Золото в глазах переливается, мерцает, уговаривая поверить ему. И обещающая все-то чудеса мира в мое единоличное пользование.

Только хрена с два.

— Милисента, — и голос низкий такой, доверительный. — Не надо меня бояться.

Не было печали.

Я не то, чтобы боюсь. Я разумно опасаюсь. Змеи — твари опасные, это любой ребенок знает. Нынешняя же опаснее прочих в разы. Вот и... опасаюсь.

Да.

Он протянул мне руку.

— Ну же, дорогая...

И я медленно осторожно коснулась холеных пальцев. Кожа гладкая, как у хорошей шлюхи. И ногти подпилены, покрыты лаком. Почему-то это особенно злило.

— Вот так... тебе надо привыкнуть, так ведь? Ты волнуешься.

— Волнуюсь, — согласилась я, и собственный голос прозвучал донельзя жалко.

— Все волнуются, встретив истинную свою любовь.

Это он о себе? Змееныш прикрыл глаза, ненадолго, а потом распахнул, выпучил и в меня вперился.

— Ты меня любишь, Милисента?

Охренел он, что ли?

Вот так сразу?

Я прикусила язык и тоже вперилась взглядом. Еще бы страсти в него... я представила, как сворачиваю этому угребку шею.

— Конечно, милая... но тебе нужно еще принять эту любовь... ты хорошая девочка... сильная... и я верю, что мы найдем способ использовать эту силу во благо. Мы с тобой построим новый удивительный мир.

Конечно.

Куда ж без строительства нового мира. Без строительства нового удивительного мира жизни-то нет. С младенчества только о том и мечтала.

— Вот так, моя дорогая... — он еще и по руке меня погладил. — Не надо бояться своих чувств.

Я и не боюсь.

Я сдерживаю.

За дверью охрана. Идти тоже не понятно куда. Да и подозреваю, что не так прост этот ублюдок. Поэтому пока глаза таращу, будто мне в туалет приперло до невозможности, и пыхчу.

Ну, типа от большой страсти.

В туалет, к слову, и вправду захотелось. Прямо так резко, оттого и пыхтение получилось преубедительным.

— Хорошая девочка, — меня потрепали за щеку. — А теперь... позволь свою руку?

Позволила.

Руку — позволила. Ту, что с браслетиком. Змееныш его и снял.

— Ты ведь будешь вести себя так, чтобы меня порадовать?

Сомневаюсь, но на всякий случай кивну.

Робко так.

— Вот и я так думаю. Ты не доставишь проблем, Милисента?

Доставлю. Но попозже.

— Ты меня любишь.

— А то, — я икнула, потому как язык в горле застрял.

— Замечательно... просто замечательно, — голос его стал обыкновенным, да и взгляд поскученел. А ведь Змеенышу все это надоело хуже горькой редьки.

Думаю, сперва было интересно, чтобы вот так взглянуть и влюбить себя по самое немогу. Еще и учился, небось, чтобы посильнее. Потому-то и голос такой, и глаза таращит, и вообще. Но как научился, так и уверился, будто никто-то не устоит перед ним.

Мамаша Мо, помнится, говаривала, что самоуверенность — грех великий.

Но полезный.

Мне.

Стою. Гляжу. Просто-таки взглядом облизываю, правда, в голове одна мысль — что туалет-таки нужен и желательно бы добраться до него побыстрей. А то ж неудобно может выйти. Или... вдруг я от большой любви опозорюсь.

— Итак... к сожалению, мы с тобой несколько разминулись. Я давно хотел встретиться. В записях моего отца ты значишься, как очень перспективный объект.

А я еще в записи попала?

Хотя чего тут удивляться-то? Старый Змей тоже был засранцем.

— Он испытывал к тебе просто-таки удивительную привязанность. Но теперь я понимаю. Ты особенная, Милисента, не похожая на других, — и опять говорит, что кот мурлычет. Слова журчат, будто вода по камням, обволакивают. — Думаю, только ты одна и способна понять меня по-настоящему.

А главное, ровно так.

Спокойно.

Не в первый раз говорит. И про особенную тоже.

— Остальные мне нужны, чтобы достигнуть великой цели, но лишь ты поделишь со мной триумф.

Разделю.

Можно и триумф, но лучше бы клозет.

— Мы вместе ознаменуем начало нового мира... — он запнулся и вздохнул, потер щеку, явно пытаясь вспомнить, что же там дальше.

— Ага, — сказала я, заполняя возникшую паузу. И глазами хлопнула так, старательно.

Ну, ради мира.

— Так вот... сначала нужно будет кое-что сделать. Во благо мира.

— Если во благо мира, то я готова.

А то ж, блин, мочи терпеть нет. Даже во благо мира. Пусть бы уже чего договаривал, а то ж сидит, вздыхает, мнется неуверенно.

И это повелитель мира?

Пусть и будущий.

— Я в тебе не сомневался! Ты ведь готова показать мне свою любовь?

Ага. Еще немного и прямо здесь покажу. А ковер-то дорогой. Вот интересно, это на меня его взгляд так действует? Или просто организм, наконец, очнулся?

— Тогда, Милисента, я тебе доверю самое важное... — и снова замолчал. Ну и я молчу. Жду, значит, продолжения. — Очень скоро, завтра вечером состоится вечер.

Вечером вечер?

Логично, однако.

— Особый вечер, на который я пригласил своих самых близких союзников. А еще тех, кого желаю ими видеть, — и руку о руку потер. Снова выпялился. А я уже просто не дышу. От восторга, стало быть, и понимания важности своей роли в сотворении чего-то там. — И мне нужно, чтобы ты помогла одному человеку принять решение.

— Какое?

— Он ищет себе супругу. Женщину серьезную. Умную. И одаренную. Как ты.

— Я замужем, — сказала я и стало грустно, потому что это не замуж, а недоразумение одно.

— Я знаю. Но мы это исправим. Не бойся.

Это не страх.

Это другое.

Это желание взять что-то потяжелее и опустить на макушку этому недопророку.

— Ты будешь свободна. И мы используем это во благо...

* * *

Нет, потом, позже, в комнатухе, куда меня препроводили, благо, при ней имелся и туалет, я поняла, что мне повезло.

Не просто повезло.

Так повезло, как может повезти лишь раз в жизни.

Этот ублюдок настолько привык к собственной силе, что в дурную голову его и мысли не закралось, что однажды эта сила может просто не подействовать.

И все вокруг тоже привыкли.

И...

И дальше-то что?

Глава 20. Где продолжают радеть за судьбу мира

Огонь в подземной пещере горел слабый. Он переползал с одной деревяшки на другую, подергивая их рыжей пеленой, а то и вовсе прятался под дрова, будто опасаясь кромешной тьмы. Но как ни странно, тепла костер давал довольно, и Чарльз не без удовольствия протянул над ним озябшие руки.

Знобило.

И не только его.

Странник, сидевший рядом, то и дело вздрагивал. И тогда от костра разбегались тени.

— Проблема в том, — он заговорил сам, именно тогда, когда Чарльз уже изрядно устал от молчания. — Что выход в башню на другой стороне. Нам нужно будет подняться по реке, а стало быть, пройти по узкому руслу.

Там, где осваивались големы и хозяйничали люди, которые гостям совершенно не обрадуются.

— И место такое, что особо не обойдешь.

Странник растопырил пальцы, пошевелил разгоняя кровь.

— Извините. Сразу надо было подумать. Но, — он поморщился. — Голова до сих пор.

И у Чарльза голова тоже соображала плохо, даже раздражение было вялым.

— А поверху если? — предложил Эдди.

— Поверху... в принципе, мы можем выйти в Нижнем городе, — Странник задумался. Его лицо было бледно. И осунулся. И гляделся совершенно больным, а еще появилось в чертах что-то такое, вызывавшее подспудное отвращение.

Как будто и не человек, а подземник.

— Перейти по Звонкой улице, там... там дальше храм. От храма если, то вниз спустимся. И получается, перейдем опасное место. И дальше уже под землей.

Он замолчал, задумавшись.

— Опасно? — подал голос Эдди, который после пробуждения был мрачнее и молчаливей обыкновенного.

— Тот человек... мы ему не слишком верили, но он был неглуп. И со многими успел свести знакомство. Я не знаю, какие из верхних ворот ему были известны.

Ему.

И Молли.

Вот... спасай девиц в беде. Надо было оставить. Кулаки Чарльза сжались и появилась нехорошая такая мысль, что женщин бить, конечно, в целом неправильно, но в любом правиле случаются исключения.

— То есть, могут ждать?

— Могут, — согласился Странник.

— Что им вообще надо было? Тут, внизу? — спросил Чарльз, сам потянувшись к огню. И мелкая дрожь сотрясла тело.

А ему казалось, что глушилки — это так, пустяки.

Развлечение.

Развлекся, мать твою.

— Понятия не имею. Его очень интересовал древний город. Особенно храм.

Храм.

И древний город. Еще один древний город впридачу к прочим. А с учетом того, что все началось именно с древнего города, этот интерес не выглядит пустым.

Да и Змееныш, сомнительно, чтобы просто увлекся.

Нет, интерес был.

Серьезный. Иначе не стали бы рисковать ни големами, ни людьми. Стало быть... стало быть, вниз возвращаться нельзя. Реку перекроют. Чарльз её первым делом перекрыл бы. И по берегам выставил бы сигналки. А не стоит считать их глупее.

— Тогда идем наверх, — принял решение Эдди и кулаки сжал. — Если что, прорвемся.

А Чарльз кивнул.

— Хорошо, — Странник убрал руки в подмышки. — Заодно... надо с дядей посоветоваться. Он говорил, что многие тут недовольны.

Глаза его нехорошо блеснули.

— Думаю, уже в достаточной степени недовольны...

— А големы? — поинтересовался Чарльз.

— Найдется и на них управа. В конце концов, мастеров в городе и вправду много. Всяких.

* * *

В комнате меня ждали.

Ну, когда я вышла из уборной, то обнаружила двух девиц с одинаково истощенными, но в то же время вдохновенными лицами. Девушки были обряжены в одинаковые же бумазейные платья того самого отвратного кроя, который способен был испортить любую фигуру.

Нет, это не я такая умная. Матушка сказала.

А я запомнила.

И теперь, глядя на девиц, подумала, что права она была как никогда. И цвет такой, болотно-зеленый, гармонирующий с бледною кожей, придававшей ей тот болезненный оттенок. Волосы девушки зачесывали гладко, убирая под белые чепцы.

— Привет, — сказала я.

— Доброго дня! — хором ответили они и присели. — Мы счастливы приветствовать новую сестру!

Сестру.

Всю жизнь мечтала. Нет, в самом деле, потому как брат — это, конечно, классно, особенно такой, как Эдди, но вот сестра — совсем другое дело.

Чтобы красивая.

Как мама.

И чтобы косы ей плести, платья выбирать да заодно гордится тем, что она такая... в общем, не как эти две одержимые. А в том, что они одержимы, у меня сомнений не возникало. Глаза блестят лихорадочно, на щеках румянец горячечный и улыбки безумные.

— Нас послали, чтобы мы помогли подготовиться тебе, — сказала та, что правая. У нее еще из-под чепца выбивалась тонкая русая прядка.

— К чему? — с опаской поинтересовалась я.

— Ко встрече с сестрами! — выдохнула с восторгом другая.

Интересно, каково это жить, в состоянии абсолютного счастья? Оно от них так и прет. И главное, проверять совершенно не хочется. А интерес — сугубо, как это, теоретический.

— И чего мне ждать? — поинтересовалась я осторожно. И даже напряглась. А ну как догадаются? Хотя, конечно, это я зря.

Весьма скоро стало понятно, что любовь, может, и хорошая штука, но мозги она отшибает напрочь. Девушки защебетали. Нет, щебетание не помешало им помогать, причем дергаться я не стала, а ну как пожалуются на излишнее упрямство, для счастливой невесты нехарактерное? Тогда и Змееныш, не дай-то Боги, явится с проверкою.

И как знать...

Девушек звали Салли и... Салли. То есть, может, и как-то иначе, но после Обретения — они так хором и произнесли, со счастливым вздохом — их наделили новыми именами.

А еще позволили надеяться, что когда-нибудь они будут достойны...

Короче, Змееныш — та еще скотина.

— И я помню, как замерло мое сердце от страха, — Салли-первая, та, с прядкой, прижала к груди щетку. Глаза её закрылись, румянец на щеках сделался еще более ярким и болезненным, а губы задрожали. — Как я вся преисполнилась сомнений.

— В чем?

Я, избавленная от одежды, сидела в круглой ванне, в горячей воде, куда плеснули какой-то ядерной гадости, от которой зверски воняло розами. Нет, так-то они пахнут, но это, подозреваю, если вылить немного. А вот если половину банки, то розами воняло.

И главное, чувствую, я сама этими розами пропитаюсь от макушки до пят.

— Конечно, в том, сумею ли я исполнить свое предназначение! — воскликнула Салли, принимаясь выглаживать мои волосы.

Их помыли.

Смазали темною жижей, вновь же вонявшей, но не розами, а какими-то другими цветочками, но тоже изрядно ароматными. Потом опять промыли. И снова смазали.

— Вдруг да я не сумею понравится своему избраннику?

— Но ты сумела?

А ведь засранец, этот Змееныш. Не то, чтобы у меня на сей счет сомнения были. Нет. Скорее уж одно дело понимать, что человек засранец, и совсем другое — убедиться в этом воочию. Мы-то думали, что он для себя женщин зачаровывает, а он вон как...

Схема понятна.

Сначала поселить в сердце глубокую любовь к своей великолепной особе. А потом, замороженным этой любовью, поставить цель.

Вывести к людям.

Найти пару.

И... и что? Не всех же он морочит? Или всех? Пока не понятно. Главное, что у людей нужных давно уже правильные жены. Такие, которые будут играть в огромную любовь, но при этом за мужем приглядывать. И в случае чего...

Мысль мне не понравилась. И я покосилась на девушек, которые что-то там рассказывали про слабость в коленях, бабочек, что внезапно позавелись в животах, и прочие глупости из бульварных книг. А ведь они и горло перережут, если нужда случится.

Перережут и не задумаются.

Если Наставник попросит.

Жуть какая!

— Я очень волнуюсь, — сказала я, надеясь, что поверят. — Я даже не знаю, что мне нужно делать.

— Ах, не стоит переживать, — мне помогли выбраться из ванны и завернули в полотенце. — Наставник никогда не попросит того, что ты не сможешь сделать!

Это сказала Салли-первая.

А вторая кивнула.

— Нужно верить в себя.

В себя-то я верила. А еще во флакон, который сняла с шеи, убрав под подушку. Странно, что Молли о нем не сказала. Скорее всего забыла. Увидела Змееныша и забыла напрочь обо всем, кроме его, расчудесного. Надеюсь, что и не вспомнит.

Меня растерли.

И снова смазали каким-то жидким то ли маслом, то ли кремом. От него ничем не пахло, но в кожу оно впитывалось, делая её будто золотую.

Я даже руку подняла.

— Наставник позаботится о том, чтобы всем показать твою красоту, — сказала Салли-вторая, вытащив из плетеной корзины. — И старшая сестра поможет.

— Старшая?

— Она не человеческого рода, — шепотом произнесла Салли-первая и оглянулась воровато. То есть, нас могут подслушать? Хотя, чему я удивляюсь.

Я бы на их месте обязательно подслушивала бы.

И подсматривала бы тоже.

Последняя мысль оказалась на диво неприятной, особенно с учетом того, что я стою посреди комнаты голая, а две подозрительных девицы натирают меня очередным зельем. Вот аккурат, что мамаша Мо рождественскую индейку.

Ею я себя, признаться, и ощущаю.

— Это как? — я захлопала глазами и тоже заговорила шепотом. — Совсем?

— Совсем.

— Орчанка, что ли? У меня брат из орков, правда, полукровка...

— Сиу, — торжественно произнесла Салли-первая все тем же шепотом. А вторая толкнула её в бок.

— Настоящая?!

— А то...

— Помолчи уже.

— А что я?

— Ничего, — буркнула Салли. — Она из Старших.

— А вы?

— Младшие. Как и ты.

— Ага... я просто вот... ничего не знаю, — и глазами похлопать старательно, потому как я и вправду ничего знать не знаю, ведать не ведаю. — И боюсь, что сделаю что-то не так... а кто самый старший? Ну, если есть?

— Она и есть.

— Дура ты, не она, а Августа!

Интересно, уж не та ли самая Августа, которую мы тут старательно ищем. Вот будет новость.

— Ага, как бы не так. Я слышала, как Наставник ей говорил, что без неё ничего бы не получилось...

— И Августе говорил! А еще она наследника ждет.

Вот Чарли-то обрадуется. Я сама просто-таки нечеловеческий прилив радости ощутила, а заодно и легкое сожаление — надо было-

таки шею свернуть этому Змеенышу, когда случай представился.

— Августа — это кто?

— Это жена.

— А вторая? — уточнила я. — Которая сиу?

— Тоже жена, — сказала Салли-первая и ресницами хлопнула.

— То есть, у него две жены? — дальше притворяемся дурой и кривимся, будто желая заплакать. — А... а мы тогда как?

Меня погладили по плечу и ласково сказали:

— Ревность — великий грех! И ты должна понимать, что Наставник радуется за будущее мира.

А то, прям изряделся весь, на себя не похож стал от избытка радательности.

— Его дух велик, и семя должно пролиться на землю, дабы породить новый народ, — это уже сказала Салли-вторая с тем неестественным восторгом, от которого бледность её стала заметней, как и румянец на щеках. — И нет в мире женщины, которая могла бы породить столько детей, чтобы заселили они весь мир! Потому и сказано было ему, чтобы брал он столько жен, сколько звезд на небе.

— И оставят они за собой детей бесчисленно.

Интересно, это у него от папочки, одержимого воспроизводством магов, или сам додумался? Но я слушаю сей бред, рот приоткрывши, ну, вроде как от восторга. Если нас слушают.

— И много у него уже?

Салли покачали головами.

— От сиу, говорят, есть дитя, но может, не от него. Никто не видел, — это уже сказали почти на ухо. — Об этом не надо говорить.

— Не буду.

— И еще вот сестра Августа разродится.

— Почему сестра?

— Мы все сестры, ибо любим его одинаково.

Тут я могла бы поспорить, но не стала. На меня натянули белоснежную рубаху из тончайшей ткани.

Подали белье.

Чулки.

Подвязки, расшитые серебряною нитью. Я такой красоты даже в борделе не видывала, хотя Бетти для своих девочек ничего не жалела и белье заказывала по каталогам. Не для всех, само собою, но все же.

И еще юбка.

Корсет, что сжимает ребра, мешая дышать.

— Наставник не велит затягивать туго, — сказала Салли. — Оно, конечно, было бы красивей. Так-то ты толстовата слегка.

И кто там говорил про одинаковую любовь и грешность ревности?

— Но не переживай, Наставник всех любит одинаково...

— А...

— Надо спешить. Ужин скоро начнется.

Вот этого я точно не ожидала.

Юбки.

И снова юбки.

Жесткие, накрахмаленные. Я чувствую себя в них, что в ловушке.

А наверх падает платье, грязно-зеленое, из дешевой ткани.

— На вечер тебе принесут другое, — утешающе говорит Салли.

А вторая добавляет.

— Истинная красота в душе! Ей не нужны наряды.

Ну тогда будем считать, что я офигительно прекрасна.

Меня усаживают и далее в полном молчании разбирают волосы.

Их вытирают, расчесывают и, еще влажные, заплетают в тугую косу.

— Будь почтительна, — тихо советует Салли-первая.

— И внимательна.

— От старших сестер зависит твоя судьба.

Кто бы сомневался.

— Вы... — я делаю вид, что смущена. — Вы не могли бы оставить меня ненадолго? Мне надо помолиться.

Мамаша Мо меня бы прокляла, ибо нехорошо это — молитвой прикрываться. Но девицы обмениваются взглядами и синхронно кивают.

— Ненадолго, — говорит Салли-вторая. — Ибо нас уже ждут.

— Время трапезы.

— Ненадолго. Мне просто... столько всего... я совсем растеряна.

И не хотелось бы, чтобы меня такой увидели.

Они выходят за дверь.

А я... я засовываю руку под подушку и вздыхаю с немалым облегчением. Флакон на месте. Только теперь на шею его не повесишь. Корсаж платья облегает грудь довольно плотно. Зато есть юбки. И чулки с подвязками. Сомневаюсь, что их мне для встречи с другими

женами Змееныша вручили. Вообще не понятно, зачем на меня эту красоту напяливали. Точнее понятно, но думать о том не хочется.

Я задрала юбки и не без усилий — попробуйте-ка справиться с таким ворохом без посторонней помощи — сунула флакон под подвязку.

Надеюсь, не вывалится.

Девы встретили меня недовольными взглядами.

— Что?

— Юбки помялись, — сказала Салли.

— Извините. Я как-то... никогда прежде такого не носила, вот и помяла, — я постаралась выглядеть виноватой. И подумав, добавила. — В молитве я стараюсь думать о молитве, а не об одежде.

Это мамаша Мо говаривала.

Вот, пригодилось.

Девы кивнули и сказали:

— Идем.

Идти пришлось недалеко.

— Мы принимаем пищу совместно. Это объединяет, — Салли-первая заговорила сама. — И Наставник радуется, глядя на нас.

То есть, за этим обедом надо ждать присутствия Змееныша?

Не было печали.

И как себя с ним вести? Хотя... посмотрю на остальных и постараюсь не выделяться. Жаль, что револьверы отобрали.

— Иногда он приглашает кого-нибудь разделить с ним пищу вечером.

— И не только пищу, — добавила Салли-первая, ревниво глянув на подругу. — Но лишь избранных. И сразу понятно, кого...

Я хотела спросить, как это, сразу, но не успела: коридор закончился, Салли-вторая толкнула очередную расписанную позолотой дверь.

Мы оказались в огромной комнате, наполненной светом и людьми.

Белый мрамор на полу.

Белые стены.

Позолота, от которой меня уже подташнивать начинает. Длинный стол. Кресло-трон во главе, правда, пустое. И по обе стороны несколько кресел поменьше, но тоже украшенных золотом.

Для Старших жен, надо полагать. Но их тоже нет. А вот остальным достались обыкновенные стулья, на моем и обивка-то протерлась.

Но я ничего.

Сажусь, куда сказано. Руки складываю на коленях, хотя в животе урчит, но никто на еду — а на столе стояли огромные миски — набрасываться не спешит.

Все смотрят на тарелки.

Или на руки?

Ну и я тоже. Вид пресмиреннейший, еще немного и сама поверю в собственную кротость. Стоило опуститься, как раздался низкий протяжный звук, заставивший моих соседок подняться. Я тоже поднялась.

Застыла.

А ведь на лицах ожидание.

И предвкушение.

И... и такая тоска, что сердце кровью обливается. Проклятье... что с ними станет, если Змееныша убить? Просто взять и... и не сойдут ли они с ума? Салли-первая, поспешно заправляющая прядку в чепец. Салли-вторая, что стоит, облизывая пересохшие губы.

И та девочка, слева, совсем молоденькая, еще не утратившая естественного румянца.

А дверь на другом конце зала распахнулась, пропуская человека, которого я ненавидела уже вполне искренне и конкретно.

Глава 21. В которой свершается таинство брака и избранных становится больше

К обеду Змееныш переоделся и, надо сказать, что военный мундир с золотым позументом сидел на нем преотлично. Блестела шитая тем же золотом лента, сияли ордена, переливался драгоценными камнями венец на голове.

Ишь ты.

Однако.

От искреннего удивления я и приоткрыла рот, сделавшись, верно, вовсе неотличимой от девиц, меня окружавших. И потому взгляд Змееныша, ненадолго остановившийся на мне, не выцепил ничего-то этакого. К примеру желания запихать ему этот самый венец в одно место.

Туда, куда Эдди моему ухажеру букет вставил.

Я же смотрела. Правда, не столько на Змееныша, сколько на женщин, что шли за ним.

Сиу.

И... и она другая. Будто бледнее, будто выцветла в этом задымленном городе темная кожа, а белые волосы, наоборот, сделались темнее, как пылью припорошенные. Глаз отсюда не видать, но почему-то кажется, что и они поблекли. Черты лица заострились. А выражение на нем — упрямое, сосредоточенное. Смотрит она под ноги и идет, никого вокруг не замечая.

Августу я тоже узнала.

Алое платье с золотой каймой. И снова бледность. Лихорадочный румянец. Испарина на лбу. Золотой венец, чуть меньше того, который был на голове Змееныша, кажется непомерно огромным, тяжелым. А она держит голову прямо и губы поджимает, скрывая недовольство.

Орчанка.

Ступает осторожно, крадучись. И голову в плечи втянула, но все одно она возвышается и над другими, и над Змеенышем. Орчанка, как и сиу, и Августа в красном. Платья какие-то... не такие. Ткани будто

текут, не облегая, скорее обрисовывая тела, и почему-то женщины кажутся почти голыми.

А у меня перед глазами встают другие, те, на которых из одежды были чешуя и золотая краска.

Змееныш хлопает в ладоши. И зал наполняют голоса:

— Доброго вечера!

Голоса сливаются в один, и я шевелю губами.

Нельзя выделяться.

Нельзя.

А взгляд сиу задерживается на мне. И в темно-зеленых почти погасших глазах мне видится эхо боли. Очень далекое, почти погасшее.

— Доброго дня, мои дорогие, — Змееныш разводит руки, будто желая обнять всех. И от этого простого жеста, показного даже, мои соседки заливаются алой краской.

Кто-то тихо ахает.

— Присаживайтесь, — он садится первым. И кресло рядом занимает Августа, за нею — сиу. А с другой стороны устраивается орчанка, неловко, поскольку стол слишком низок, а стул — узок для неё. И орчанка горбится, силясь вписаться в эту неудобную мебель.

Мы тоже садимся. Сперва те, кто ближе к столу Змееныша, потом другие. Наша очередь в конце, и мои соседки терпеливо ждут.

Я тоже.

Не выделяюсь.

Улыбаюсь. Им. Змеенышу. И тем теньям, что скользят по залу. Тоже женщины, но в платьях черных, глухих. Их волосы спрятаны под простые чепцы, а поверх платьев надеты белоснежные фартуки. Они уже немолоды и некрасивы, но чувствую спиной редкие ревнивые взгляды.

И они тоже?

Да он что, вконец свихнулся? Нет, с одной стороны правильно. Змееныш окружил себя беззаветно преданными людьми. С другой... это надо остановить, пока не поздно.

На тарелку передо мной плюхается желтоватый ком каши. Переваренная, сдобренная жиром и почти без соли. Есть такое можно лишь с голодухи, но я голодна, а потому ем, стараясь не слишком спешить.

Салли-первая жует.

И вторая.

В каше попадаются волокна мяса, но вообще мог бы и позаботиться о женах, муженек. С такой диетой недолго и скопытиться. Или не важно? Других найдет?

А вот на его столе еда другая. Вижу запеченного поросенка, и ветчину, перепелок, выложенных горкой. Ягоды. Фрукты какие-то.

И запах мяса, сдобренного приправами куда как щедрее, чем наша каша, доносится.

— Сегодня я счастлив объявить, что очень скоро многие из вас найдут свое счастье.

Да уж, с красноречием у него явные проблемы. Нанял бы кого речи писать. Или им без разницы? Жены, которые младшие, подняли головы, уставились. Ишь, и шеи тянут, желая разглядеть любимого Наставника получше. И я тяну. А что делать?

— И возможно, кому-то из вас это покажется предательством по отношению ко мне, — он держал в руке тощую перепелку, что несколько не увязывалось с общей торжественностью речи. — Однако спешу заверить, что главное для меня — достижение нашей общей цели! А для этого необходимы жертвы.

И уже знаю, кем станут жертвовать.

— Вы должны сберечь любовь ко мне в своих сердцах. И я не сомневаюсь, что так оно и случится.

Я тоже не сомневаюсь.

А заодно понятия не имею, что с этой вот любовью делать. Оно вообще лечится? А если есть лекарство, то какое? Впрочем, я знаю, у кого спросить.

И спрошу.

Возьму поганую змеюку за горло и спрошу. Проклятая я или как?

— Однако и малой толики её хватит, чтобы сделать счастливым мужчину. Каждая из вас завтра увидит того, для кого она предназначена.

А вот интересно, мужчин этих как они уговаривать собираются? Вдруг да не понравится ему эта, предназначенная свыше? Или он вообще жениться не думает. Эдди вот уверял, что любой адекватный мужчина женитьбы боится. Что ему проще сотню подвигов совершить

и сделать ожерелье из ушей сиу, чем к алтарю прогуляться. Преувеличивал, конечно, но не думаю, что сильно. И тогда как?

— Моя драгоценная супруга, дарованная мне миром, — Змееныш взял за руку сиу, и та поднялась, как показалось, нехотя. — Навестит каждую из вас. И даст зелье, которое поможет вашему избраннику самому определиться с выбором.

Ну хорошо хоть не «избрать».

Нет, он бы книг почитал умных, что ли? А то ведь уши вянут слушать. И главное, начинаю верить Чарли, что Змееныш тут — только пешка. А за ним кто-то да прячется.

Кто-то такой, умный.

И незаметный.

— Помните, вы должны в точности исполнить сказанное, и тогда вас ждет заслуженная награда!

Девушки зашушукались.

— Сегодня же я счастлив представить ту, которая войдет в число избранниц, которая служила мне верой и правдой... — он хлопнул в ладоши, и где-то там, на другом конце зала, раздался удар гонга.

Раскрылись двери.

И появилась Молли.

Как появилась... сперва вошли две служанки в черных одеждах, а за ними уже и Молли ступала. В алом платье, в полупрозрачной фате, наброшенной на волосы, тоже алой, в малом венце, что эту фату придерживал. Она шла медленно, позволяя любоваться собой. И я просто-таки кожей ощущала волну счастья, исходившую от неё.

Вот ведь.

Змееныш сошел с пьедестала и протянул Молли руки.

— Сегодня ты окончательно забудешь прошлую свою жизнь, — сказал он громко. — И расстанешься с нею, очистившись, подобно тому, как очищается земля после долгой зимы.

Молли подняла голову.

— Ты воскреснешь новым духом и новым телом, чтобы встать за плечом моим, чтобы вместе с иными избранными вершить судьбу этого мира!

В постели, как я понимаю.

Тоже мне, вершитель.

Но ничего. Смотрю. Восторгаюсь. А жреца звать будут?

Не позвали.

— Здесь и сейчас, перед всеми вами я, Уильям Сассекс, последний из рода Сассексов...

Так уж и последний? Интересненько. Хотя, чувствую, несколько преувеличивает. У Змея сыновей хватало, думаю, сам толком не знал, сколько их.

— ...и истинный Император этой земли...

Сильно преувеличивает. А ведь, главное, сам верит каждому слову.

— ...беру тебя, женщина, в законные жены.

Тоненько всхлипнула Салли-первая, а вторая тихо выругалась. Кажется, выбор Наставника их не порадовал.

— С тем, чтобы жить с тобой в любви и согласии.

Ну, скажем так, моя свадьба понравилась мне больше. Может, потому что жен у Чарли других не было? Или в принципе?

Змееныш откинул фату и осторожно коснулся губами щеки.

— А теперь восславим новый мир!

И вославили.

В смысле, запели. Хором. Таким разноголосым, даже у меня, уж на что я к пению равнодушная, уши заболели. А главное, слов-то не разобрать. Но стою, мычу что-то этакое, стараясь не сильно выделяться. Радуюсь, стало быть, за молодоженов.

Только в голове звенит.

И слабость вдруг такая.

Нехорошая.

Кружится все. Кружится и вертится. И кажется, я вот-вот в обморок упаду. Но не позволяют. С одной стороны подхватывает Салли-первая, а с другой — вторая.

— Это у тебя с непривычки, — шепчут они на ухо. — Слишком много съела.

Съела? Чего? Каши? Так эти ублюдки еще и кашу отравили?!

Мысль была последней. И очень обидной.

* * *

Выбирались узким ходом, извилистым, что змеиная нора. И Чарльз никак не мог отделаться от мысли, что того и гляди застрянет в этой норе. Почему-то именно для него она была особенно неудобна.

Даже Эдди, уж насколько он шире в плечах, массивней, а пробирался легко, умудряясь протиснуться в вовсе уж узких поворотах.

А Чарльз застревал.

Матерился. Полз. Обдирал стены. И снова застревал. Но потом змеиная нора вывела в тоннель, а тот — в другой, где изрядно пованивало нечистотами. Под ногами хлюпало, и Чарльз уже старательно отгонял от себя догадки о том, что именно хлюпало.

Этот тоннель привел к очередному, вертикальному, в стену которого кто-то вбил металлические штыри.

— Тут аккуратнее, — сказал Странник. — Старые. И не все вес выдерживают.

— Как-нибудь, — Эдди отступил. — Вы первые.

— Я пойду, — Странник подвинул Чарльза. — Надо глянуть, что наверху.

Спорить не стали. Во-первых, голова еще болела. Во-вторых, если уж поверили, то надо до конца. Странник пополз наверх, ловко цепляясь за штыри. Те потрескивали, но держали.

— Подымешься? — подумалось, что Эдди будет раза в два тяжелее, если не больше.

— Как-нибудь, — подъем его не слишком беспокоил.

Да и вовсе выглядел он странно равнодушным.

Когда пропала Августа, Чарльз первые дни пребывал в такой ярости, что вообще едва отдавал себе отчет в происходящем вокруг.

— Давайте, — донеслось сверху. И Чарльз вцепился в штырь. Холодное железо опалило руку, и стало вдруг не по себе.

Как знать, что там, наверху?

А если очередная ловушка? Если ждет их не Странник, точнее не он один, но в компании местной стражи? Или вовсе наемников? Наемникам нужна голова Чарльза.

Штырь под весом затрещал.

Если верить, то до конца. Да и вариантов нет, кроме как подло попытаться сбежать из города. А он, Чарльз, не для того столько сил потратил, сюда добираясь, чтобы вот так отступить.

Стена хрустела.

Штыри ощутимо прогибались, но держали. А Странник подал руку.

— Пока тихо. Погоди, — он отошел, чтобы вернуться с комом веревки. — Иногда приходилось поднимать кое-что...

Веревка с крюком зацепилась за скобу, которой явно пользовались неоднократно. И выходит это самое «кое-что» поднимали довольно часто. Или опускали. Главное, веревка выглядела понадежней штырей.

Эдди вскарабкался быстро и ловко и, легши на живот, выполз из норы. Так и лежал некоторое время, носом упираясь в грязные ботинки Чарльза.

— Я свет зажгу, — сказал Странник. — Глаза прикройте, а то с непривычки будет неприятно.

И оказался прав.

Свет пробивался сквозь веки, обжигая и ослепляя. Но ничего, Чарльз и с этим справился. Когда глаза перестали слезиться, а муть перед ними и вовсе исчезла, он огляделся.

Помещение.

Узкое и длинное, полупустое, гулкое даже. У стены виднеется темная груда бочек. У второй — какие-то сундуки, коробки. И полки, но тоже пустые.

Склад?

— Это место принадлежит моему дяде, — Странник тоже осматривался. — Он торговал.

— Чем? — уточнил Чарльз, не столько потому, что было интересно, сколько ради поддержания беседы.

— Чем придется.

Весьма... многообещающе.

— Да ладно, — Эдди все-таки поднялся на четвереньки. — Извините. Высоты не люблю.

— Там не особо и высоко.

— Как для кого.

Странно было, что и у этого огромного человека есть страхи. И обстоятельство это почему-то действовало на редкость успокаивающе.

— Здесь все стало иначе, — Странник оглядывался. — Пусто. И... пожалуй, мне стоит проверить...

— Или не стоит. Проще будет убраться.

— Далеко не уйдем. Даже для местных мы будем несколько... выделяться. Особенно запахом.

Чарльз принялся и вынужден был согласиться: от одежды и обуви, и от него самого пованивало.

— Я понимаю вашу тревогу. И признаюсь, сам уже начинаю сомневаться, но выхода нет.

Сказал и ушел.

Лампу оставил. Обыкновенную, масляную, с закопченным колпаком.

— Ты ему веришь? — поинтересовался Чарльз для поддержания беседы.

— Не сказать, чтобы особо, но он нам нужен, — Эдди потер лоб и нахмурился. — Надо поспешить, пока Милли не утварила чего.

— Чего?

— А кто ж её знает. Главное, что всерепременно утворит. Всегда так.

Это он произнес с тихим вздохом.

А Чарльз подумал, что будет совсем не против, чтобы Милисента утварила. Пусть себе. Главное, чтобы сама не пострадала. С остальным же они как-нибудь да справятся.

Глава 22. О новых знакомствах и неожиданных перспективах

Спустя четверть часа Чарльз выбрался из ванны, пусть тесной и не слишком чистой, но все же ванны. Вода была горячей, стекала в трубы с громким шелестом, оставляя на боках желтоватую пену. Ощущение чистоты тела сменилось усталостью, а потому Чарльз позволил себе отдых.

Недолгий.

Кресло. Чай. Кривоватые сэндвичи из того, что под рукой нашлось.

В доме пахло сигарным дымом, и запах этот прочно въелся в стены, мебель и самого хозяина: невысокого растрепанного человечка в клетчатом пиджаке.

— Совсем невозможно жить стало, — человечек курил беспрестанно, выпуская сизый дым. И тот собирался под потолком кучерявыми облачками.

В дыму терялся и сам потолок. И картины, что под ним висели. Сперва Чарльз старался разглядеть, что же там изображено, но потом понял, что смысла в этом немного. В чае, горьком терпком, и том куда больше.

— Я все ждал, когда ты появишься, друг мой, — человечка звали Дэном.

Без фамилии.

К чему формальности? Друзья Странника — его друзья. И его дом — их дом. Разве что за исключением сигар. Сигары принадлежали только хозяину.

— Зачем?

— Затем, что здесь и вправду многое пора менять.

— А я причем?

Избавленный от плаща и шляпы Странник смотрелся совсем юным. Светловолосый вихрастый мальчишка с неестественно большими глазами. И теперь Чарльз почти не сомневался, что матерью его была женщина из другого народа.

— При том, дорогой мой, что ты можешь заявить свои права.

— Кому?

— Совету.

— И они проникнутся? — Странник хмыкнул. — А заодно уж расскаются... помнится, недавно другой мой дорогой дядюшка изволил заявить свои права. И где он?

— У друзей.

— А мне говорили, что на каторге.

— На каторге тоже есть друзья, — философски заметил Дэн. — Пейте чай, господин Диксон. Вижу, путь вас утомил.

— Мы знакомы?

— О, ныне вы знакомы всему городу! Особо опасный преступник, осмелившийся посягнуть на святое.

— На что? — искренне удивился Чарльз.

В городе он недавно и не помнит, чтобы на что-то там посягал.

— На жен Пророка.

— Это которого?

— Право слово, удивительно, — Дэн улыбнулся, продемонстрировав ровные зубы того приятного глазу желтого оттенка, который появляется после долгих лет курения. — Сразу видно человека нового, с нашими реалиями незнакомого. Здесь один Пророк. И император.

— Даже так?

— Вчера объявили, — светским тоном заметил Дэн.

— Он совсем сбрендил? — столь же светски поинтересовался Странник, смахнувши со светлых волос водяную пыль.

— Как знать, как знать... вот, допустим, вы, Чарльз, знаете, что ваш род состоит в довольно близком родстве с Императорским домом?

— Я бы не назвал это родство близким, — разговор нравился Чарльзу все меньше. — У Императора есть наследники. И первой очереди, и второй. Мы... кажется, сорок вторые в очереди?

— Уже девятнадцатые.

— То есть?

— За прошлый год случились некоторые... подвижки.

— Это все одно далеко. Если уже претендовать, то проще взять в жены какую-нибудь из дочерей императора...

— О да, будь это возможно, он бы так и сделал.

— То есть?

Этот человек явно знал куда больше, чем следовало бы знать какому-то проходимцу, притворявшемуся контрабандистом.

— Император не зря стал императором. Не нынешний. Я имею в виду его предка, славного герцога Эфfolка... давняя история.

— Расскажите? — поинтересовался Чарльз.

— Если у вас есть желание слушать.

— Вообще-то...

— Тише, дорогой племянник. Я в курсе... юный Диксон по несчастному стечению обстоятельств оказался связан узами брака с очередной женой нашего премудрого Учителя и Императора, — Дэн хихикнул и смешок этот вышел довольно-таки мерзеньким. — Что в значительной мере усугубляет его вину.

— Жену?!

— Все женщины, если они юны и невинны, или хоть сколько бы хороши собой, являются женами Учителя. Дышите глубже. На самом деле все не так плохо.

Куда уж хуже?

Перед глазами упала красная пелена ярости.

— Он мужчина. Обыкновенный. А обыкновенный мужчина, сколь бы он ни пыжился, не в состоянии, скажем так, уделить внимание нескольким десяткам женщин.

— А как же гаремы? — не выдержал Странник.

Дэн поглядел на племянника с укором.

— Их держат скорее для статуса. И разнообразия. На самом деле весьма многие обитательницы гаремов проводят месяцы, а то и годы, в ожидании своей очереди. А некоторые и вовсе никогда-то её не дожидаются.

Успокаивало это... слабо.

Весьма.

— Бояться стоит не того, что он обратит внимание на вашу супругу. Бояться следует обратного.

— Милли ломает ему нос, — Эдди вошел, отфыркиваясь, отряхиваясь. Облаченный в просторную рубаху и подштанники, он выглядел довольно-таки забавно.

— И это тоже не самое разумное решение. Но... скажем так, у меня сложилось впечатление, что вы не видите всю картину в полной мере. А потому прошу вас разделить со мной скромную трапезу.

— Нам уходить надо.

— Куда? Там, — Дэн махнул рукой. — Ночь.

— И когда это мешало? — Эдди огляделся.

— Теперь. Со вчерашнего дня в городе объявлено чрезвычайное положение. Совет как таковой упразднен.

— В смысле? — кажется, подобный поворот несколько не укладывался в голове Странника.

— В прямом. Власть принадлежит Императору. И Учителю. Или Великому Мастеру. Еще его можно называть Мудрейшим. Да и прочие титулы в том же духе.

Странник закрыл лицо рукой.

— И они... позволили?

— Более того, поддержали.

— Как?!

— Обыкновенно. Многим давно уже стало здесь тесно. А он предложил, полагаю, весьма любопытные альтернативы.

— Несбыточные!

— Как сказать... Этот мелкий мошенник умеет произвести впечатление. Но умные люди понимают, что он действует не сам по себе. И это, скажем так, открывает перспективы. Икштон стал главой министерства пропаганды и культуры.

— Какого?

— Одного из семи новых, созданных в городе. Мы, к слову, ныне столица Великой Западной Империи, — произнес Дэн с некоторым пафосом, но не удержался и фыркнул. — Правда, вряд ли по ту сторону гор кто-то это всерьез воспринял. А зря...

— Что вы знаете? — Чарльз успокоился.

И вправду, спешить не следует. Милли умная девочка. И себя в обиду не даст. И пусть сердце сжимается болезненно, пусть хочется немедленно сровнять этот треклятый город с землей, а душу гложет тревога, но спешить не следует.

Спешить нельзя.

Один неверный шаг и...

Эдди, поймав взгляд, кивнул. Именно так. Терпение и еще раз терпение.

— Вы тоже из разведки?

— Тоже? — Дэн приподнял бровь и поднялся. — Ужин, господа, ужин... вы выглядите до отвращения голодными. А голодным людям я, как бы это сказать, не совсем доверяю. Голодные люди на многие глупости способны. Что до вашего «тоже», то, боюсь, что нет. Хотя старый лис Гриффлз и пытался склонить меня к сотрудничеству, но от этой конторы я стараюсь держаться подальше.

На кухне пыхала жаром алхимическая печь. Пахло свежим хлебом и еще чем-то сдобным и сладким. Запахи эти пробудили голод, и Чарльз вспомнил, что не ел довольно-давно.

— Вы уж сами устраивайтесь, — Дэн обвел кухню рукой. — Чувствуйте себя как дома, но... готовить не умею, а кухарка моя, пусть женщина надежная, но не стоит впутывать её в сомнительные дела.

— Если позволите, — Эдди потер руками.

— Конечно...

Не прошло и получаса, как на стол легла огромная чугунная сковорода, доверху наполненная жареным мясом. Перемешанное с приправами, луком и чесноком, яйцами и еще чем-то, оно издавало просто-таки одуряющий аромат.

И Чарльз сглотнул.

Стало совестно. У него жену украли. И сестру. А он тут над сковородкой слюни пускает. С другой стороны, если он гордо отвернется, предпочитая голодать, кому от этого станет легче.

— Ешь, — сказал Эдди строго и вилку сунул. — От тощего мага толку мало.

— Это ты просто с магами не знаком, — Чарльз ткнул вилкой в сковороду и подумал, что матушка, несомненно, пришла бы в ужас.

Ведь где-то в доме наверняка тарелки имелись.

И скатерть.

Соусницы. Корзинка для хлеба. И нож, чтобы не приходилось краюху руками разрывать. Но почему-то руками было вкуснее.

Хозяин дома смотрел на гостей с невероятным умилением. Правда, сигары из зубов не выпустил.

— Рассказывайте, — попросил Чарльз, пережевывая кусок. — Пожалуйста.

Все-таки и о вежливости забывать не след. Даже если крошки со стола пальцами собираешь, а от этого они только вкуснее. Боги, да он в жизни такого вкусного хлеба не ел!

— И с чего начать?

— Почему вы считаете, что у него есть шанс.

— Есть, — согласился Дэн. — И я бы сказал, что весьма неплохой... почему? Скорее всего потому, что наш дорогой Великий Мастер на самом деле пустышка. И любой, кому случилось пообщаться с ним, это подтвердит. В городе он появился довольно давно. И ничем-то особым не выделялся, такой же авантюрист и засранец, как многие другие. Но ему повезло сойтись с сиу... которую он продал в публичный дом. А она пошла. И не попыталась его прирезать. Вообще вела себя тихо и кротко.

Дэн отломил столбик пепла.

— Потом... были еще происшествия, последнее из которых заставило поганца уехать. И вернулся он далеко не сразу, но деньгами. На эти деньги он купил дом на окраине города, в неплохом месте, надо сказать. И поселил там с полдюжины женщин.

Чарльз жевал, уже почти не ощущая вкуса.

— Начал дело. Свел знакомства. Думаю, так и свел знакомства, через людей, которые наведывались в этот дом. Имя его стало звучать в разговорах чаще. Поговаривали, что он умудрился кому-то помочь в весьма деликатном деле. И человек этот преисполнился благодарности. Настолько, что забрал поганца на восток. На время. Вернулся он не так давно, но с молодой женой и опять же деньгами. Причем такими, что недели не прошло, как он уже вошел в Совет.

— А так можно? — удивился Странник. — Отец говорил, что деньги — не главное.

— Чего он только не говорил, — отмахнулся Дэн. — А по поводу денег... может, они и не главное в жизни, но способны изрядно её облегчить. Деньги и связи, да... твой отец был против. Но его влияния не хватило. Слишком сильна была поддержка. И в основном исходила она от людей, которые были несомненно связаны со внешним миром.

— И вы их знали?

Дэн лишь пожал плечами.

— Это часть жизни, дорогой племянник. Возможно, не самая приглядная, но какая уж есть. А дальше все как-то вот... и пошло. Как пошло.

— Но вы считаете, что он не сам? — уточнил Чарльз.

— Он обладает несомненным даром дурить головы женщинам, но для высокой игры этого мало. Да и подумайте, если бы он что-то мог, то стал бы выжидать столько лет? Его используют. Вопрос лишь, для чего.

— А есть варианты?

— Безусловно. Самый очевидный — убрать нынешнего Императора, заменив его на нашего.

— Это...

— Возможно, хотя, признаюсь, маловероятно. Слишком уж неудачная фигура.

Дэн сделал глубокий вдох и выпустил кольцо дыма.

— Он сябелюбив, болезненно самоуверен, а это скажется. Пока он готов еще прислушаться и прислушивается к тем, кого полагает полезными. Однако он не согласится на роль марионетки. А управлять им исподтишка будет сложно. Слишком уж непредсказуем. Нет... думаю, кто-то собирается обострить внутренние противоречия, которые накопились в империи, и подвинуть Императора. Я имею в виду того, который там, — он махнул рукой.

— Зачем?

— Как знать... собираются ли возвести на трон наследника? Или, быть может, и его уберут, расчищая путь кому-то второй очереди? К слову, это куда как вероятнее.

— Почему?

На Чарльза поглядели с нескрываемым сочувствием.

— Потому что у них уже имеется до крайности удобная кандидатура на роль козла отпущения. Человек, на которого легко будет свалить вину.

— Вы... думаете...

— Ваша сестра, как ни крути, является наследницей престола.

— Девятнадцатой.

— Может, и того ближе... но она сбежала из-под венца, что уже заставляет задуматься. Сошлась с подозрительным типом. Вышла замуж. И заметьте, за того, кто объявил себя Императором!

— Бред, — тихо сказал Чарльз.

Вот только...

...если Императора убьют, то не окажется ли, что в покушении виноват именно он?

— Нет, это... я ведь...

— Люди меняются, — тихо произнес Дэн. — Особенно, когда в перспективе этим людям обещают, если не трон, то всяко место за ним.

— Погоди, — Эдди крутанул вилку и вперился тяжелым взглядом в хозяина дома. — Не сходится. Его травили.

— Но ведь не отравили, верно? Вы покинули столицу живым. Более того, полагаю, целитель, к которому вы обращались, если обращались...

— Матушка.

— Вот видите. Он ведь ничего не усмотрел? Следовательно, с точки зрения общества вы были вполне здоровы и в своем уме.

— Но я...

— Умчались вслед за сестрой. Якобы желая её вернуть. Конечно, не сразу, но все-таки... вот только мотивы легко переписать. Кто-то вспомнит неосторожное высказывание. Кто-то вдруг решит, что вы вели себя преподозрительно. Кто-то станет свидетелем разговора, которого, быть может, и не было, но как докажешь? Кому? И особенно, если вы будете все-таки мертвы. Мертвецы, чтоб вы знали, не имеют склонности кому-то что-то доказывать.

Невидимая рука перехватила горло.

— Спокойно, — ладонь Эдди впечаталась в спину, и кусок, застрявший было в глотке, выскочил. — Справимся. Разберемся. И головы оторвем.

— Кому? — уточнил Странник.

— Всем.

И Чарльз согласился, что план хорош.

Глава 23. В которой древние драконы дают мудрые советы, но не оставляют инструкций

В комнату я возвращалась вновь под конвоем. Как возвращалась. Я пришла в себя от того, что кто-то лил на лицо воду, а еще по щекам хлопал.

Я открыла глаза.

И едва не подавилась. Надо мной склонился Змееныш.

— Привет, — сказала я, подавив первое желание — послать его куда подальше.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он и, готова поклясться, что в голосе Змееныша слышалось вполне искреннее беспокойство.

— Голова кружится.

— Она каши много съела, Учитель, — робко заметила Салли, только какая — хрен её знает. Я прикрыла глаза.

— А вы куда смотрели? — раздражение его было колючим.

И Салли съежилась.

Куда смотрела? Да на него и смотрела. Как все здесь. И мне, стало быть, надо улыбаться. А не могу, прямо корежит от желания впитаться в эту холеную наглуую рожу.

Представляю, что это не он.

Чарльзу вот я бы улыбнулась. В конце концов, он муж, а мужу улыбаться можно и даже нужно. Муж, он ведь... не знаю, муж и только.

У меня еще никогда мужей не было.

— Следовало предупредить, — сказал Змееныш строго. — Впредь, если мы принимаем в узкий свой круг избранных кого-то, то нужно говорить этому человеку, чтобы проявлял сдержанность.

Салли закивала.

И вторая.

И готова спорить, что все, кто был в этом зале, включая Молли, которая стояла за плечом Змееныша и глядела на меня с неприкрытой

ненавистью. А это еще с чего бы?

— Милисента, — это было сказано строго.

Лежу.

Хлопаю глазами, надеюсь, что вид у меня в достаточной мере влюбленный.

— Мы разделяем трапезу не столько для того, чтобы насытить тело, сколько затем, чтобы испытать силу единения.

Ага, я вот прямо чувствую себя объединившейся, знать бы еще, с чем.

— И наполнить сосуд плоти силой, необходимой, чтобы исполнить свой долг.

Вот тут уже я совсем ничего не поняла, но кивнула.

— Женщина — суть источник жизни. Но выносить дитя мага непросто.

Так. Никого я не собираюсь вынашивать. В обозримом будущем.

— И потому мы все принимаем эту пищу, чтобы облегчить сей процесс.

И он тоже? Но едкий комментарий я оставила при себе.

— Начинать следует с малых количеств. И постепенно увеличивать. Пища, благословенная истинной силой, дарованной мне предками, — он распрявился и встал, глядя на всех. — Дает мне право наделять силой женщин! И те будут радовать мужей детьми, а магов в мире прибудет.

В общем, понятно. Каши надо есть поменьше и вообще, как там мамаша Мо говорила? Посты очищают и прочищают. Мозги в том числе.

Я поднялась, опираясь на руки Салли-второй, которая глядела на меня с раздражением и немалою обидой. А что? Могли бы и вправду предупредить.

Но только интересно, кроме этой каши здесь еда имеется? Или только глубоко благословенная? В последнем случае надолго задерживаться нельзя, ноги протяну.

Хотя... в любом случае надолго задерживаться здесь нельзя.

К комнате моей мы шли молча. Меня слегка пошатывало, голова кружилась, а мысли в ней бродили не самые дружелюбные. За спиной сопели обе Салли и еще пухлая девица с темными кучеряшками, которые выбивались из-под чепца.

Она-то первой и заговорила:

— Все-таки не понимаю, что он в ней нашел! — воскликнула она, когда я добралась до комнаты. И остановилась, опершись обеими руками на стену.

Хрен его знает, чего в эту кашу напихали, но сейчас меня тянуло блевать. И чувствую, что еще немного и не сдержусь.

— Не нашего ума дело, — Салли-первая поджала губы.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Салли-вторая. — Понятно же, что она ненадолго.

В смысле?

— Помнишь эту... рыженькую такую? Как её? Пэм?

— Ты прекрасно знаешь, как её звали, — фыркнула Салли-первая и на меня покосилась. А я ничего, я к стеночке прижмусь, глаза прикрою и сделаю вид, что того и гляди вновь отойду. Но ныне сей факт никого не беспокоил.

— Вот. Месяц тому в Старшие принял, и где она?

— Где?

— А нигде!

Интересно. Очень интересно.

— А до неё, говорят, еще одна была, — свистящим шепотом добавила та, что пухлая. А я поняла, что точно стошнит.

— И-извините... — я толкнула дверь.

И до туалета добежала, а уж там меня вывернула, что говорится, от души. И выворачивало долго. Но когда я выбралась-таки в комнату, то обнаружила всю троицу, что устроилась в креслах.

— Устала? — ласково поинтересовалась Салли-первая, кажется, окончательно успокоившись.

— Немного.

— Выпей, — Салли-вторая подала чашку с темным травяным отваром.

— Воздержусь.

— Тебе станет легче!

— Спасибо, мне уже легче. А то ведь не добегу. Платье испачкаю. Неудобно получится.

Девушки переглянулись.

— Да, сестра-хозяйка очень строгая.

— И всегда ругается, когда платья портим, — Салли-вторая чашку убрала. — Но это просто ромашка с мелиссой.

Ага. Спасибо. Я уже просто каши поела. До сих пор в животе урчит.

— Воды возьми, — толстушка поднесла графин. — Просто вода. Воду отравить сложно.

И я выпила. Стало и вправду легче.

— Ты ложись. А то если будешь вечером вялая, Учитель расстроится.

Мне помогли избавиться от платья и большей части юбок.

— Рубашка помнется, — с сомнением произнесла Салли-первая.

— И пусть. Вряд ли сегодня её призовут.

И куда это меня призвать должны?

— Думаешь?

— Уверена. Она ж вон какая бледная. И вообще... он сразу только красивых призывает. А она страшная.

Стало даже обидно.

— Так что пускай лежит. Надо, чтоб к завтраму оклемалась, а то ж завтра вечер. Ей встречаться надо.

Ничего мне не надо! Разве что поспать.

— Интересно, кого он нашел для неё?

Мне вот тоже, но я и вправду засыпаю, почти проваливаюсь в сон.

— Какая разница? — отозвалась темненькая. — Нашел и ладно. С его силой даже страшную полюбят. Вот увидите. Учитель её покажет. Познакомит. А там уже, когда избранник очаруется, тогда и с Учителем говорить будет за выкуп.

Этот урод еще и деньги берет? Вот ведь... нет, надо его сиу отдать, та точно знает, как обращаться с подобными ублюдками.

— Посмотришь, может, недели две пройти или даже больше.

— Меньше, — уверенно заявила Салли-первая. — Я слышала, что поезда собирают, значит, пойдем на Запад...

Идиоты.

Я закрыла глаза. И провалилась в сон.

* * *

Ну да. Ничего нового.

Нет, пожалуй, тут вру. Новое. Не небеса и мертвый город, который там, во снах, еще и не совсем мертвый, но подземелья.

Здесь темно.

Или нет?

Мой сон. Не хочу темноты. И тот, подчиняясь, меняется. Темнота отступает, выпуская тени людей, что сгрудились в зале. Я узнаю.

Храм.

Правда, драконов здесь пока нет. И вовсе он — огромная пещера.

— Это наш дом, — говорит мне Эрханен. Он выступает из стены.

И обличье человеческое.

— Мы долго блуждали, пока я не нашел место, где мы могли чувствовать себя в безопасности.

Люди обретают плоть.

И не только люди. Сиу. Орки. И даже мелкий тщедушный народец, о котором остались только легенды. Но и люди тоже. Людей больше всего.

А еще драконы.

Драконов узнать легко — они прекрасны, даже в грязных лохмотьях, покрытые коростой песка и утомленные, исхудавшие, они все одно прекрасны.

— Я видела это место. Оно изменилось.

— Оно менялось, — согласился Эрханен. — Долго.

Он провел ладонью по стене, стирая мхи и плесень, и под ней обнаружили узоры. Стоило прикоснуться, как они поползли живой лозой, перестраивая пещеру.

Стены стали ровнее.

И колонны появились.

Выгнулся куполом потолок, а в камне прорезались рисунки.

— Сколько времени вы провели тут?

Я смотрела, как оно бежит, это время. Люди. Сиу. Орки.

Драконы.

Драконы умирали. Там, в центре пещеры. Они ложились на алтарь, и кровь их текла, мешаясь с другой. Я не хотела смотреть, но не находила в себе сил отвести взгляд.

Эта кровь меняла остальных.

Людей.

И орков.

И сиу. И подземников с белесой кожей выпуклыми глазами и редкими белыми волосами. Эти существа своим видом внушали

отвращение. А еще меня мутило.

Странно, когда тебя мутит в собственном сне.

Я делаю глубокий вдох. Пахнет кровью.

— Сотню лет. Или две. Или три. Время не имеет значения.

— А что имеет?

— Успех.

Я все-таки отворачиваюсь, не желая видеть того, что творится там, в пещере.

— Ты такой же больной ублюдок, как твой братец.

— Нет.

— Да. Вы оба... вы оба убивали.

— Он развлечения ради.

— А ты ради высокой идеи. Но, думаешь, тем, кто умирал, была разница?

Он злится.

И пышет жаром.

— Ты не понимаешь!

— Объясни! — я уже срываюсь на крик, а еще надеюсь выбраться из кошмара. Или хотя бы подземелья. И последнее желание исполняется. Мы оказываемся наверху. Передо мной снова прерия. Серые земли, серые травы, серое небо.

Дракон.

Он скидывает обличье человека и расправляет крылья. Он выгибает шею, дышит пламенем, но я не боюсь. Я тоже дракон. Чужое пламя скатывается с чешуи. И я отвечаю рыком на рык.

— Объясни же!

Говорить, будучи драконом, сложно, пасть не предназначена для слов, но я кричу. И крик этот сотрясает мир.

— Я знаю, — тихо отвечает Эрханен, вновь становясь человеком. — Правда в том, что я знаю. Все, что ты говоришь. Поначалу я думал, что будет иначе, что... я просто подарю им детей, а дети дадут своих детей. И так появятся те, против кого наш дар бессилен. Ведь там, по ту сторону моря, у меня получилось! Сперва я лишь укрыл их, всех укрыл, от моего брата.

Мы снова люди.

Справа горы. Слева... тоже горы. Каменные кручи громоздятся друг на друга.

— Что пошло не так?

— Всё, — он мотнул головой. — Оказалось, что они не могут! Здесь, по эту сторону моря, люди и остальные, они слишком долго жили бок о бок с нами, а потому сделались зависимы.

То есть, эксперимент повторить не удалось.

— Они начали болеть. Сперва слегли сиу. Я думал, что они-то самые сильные, возлагал надежды, а они... года не прошло, и они стали уходить. Один за другим. Кто-то сходил с ума, кто-то... лучше бы сходил. Следом и орки. Огромные. Несокрушимые. И беззащитные. Они плакали, что дети, умоляя вернуть их, готовые принять любую кару, лишь бы еще раз увидеть проклятый город. Он ведь не был их домом. Однако там были драконы.

— Но и у тебя были драконы!

— Были, только... они... мне пришлось воздействовать на них, понимаешь?

Честно говоря, не очень, но киваю. Кивнуть не сложно.

— Оказалось, что они утратили свою силу. Они любили меня, они были готовы ради меня на все, но другим... другим они ничего не могли дать.

Эрханен провел ладонями по лицу.

— Дети, которые появлялись на свет, тоже уходили. И я смотрел, как тает надежда мира...

— Погоди, — я попыталась сосредоточиться, пусть даже мамаша Мо уверяла, что в голове у меня одно лишь непотребство. — Но ты же говорил, что были и другие племена! Ты не пробовал...

— Были. И эта мысль тоже пришла мне в голову, что я взял не тех. Зараженных. Испорченных городом и драконами. Я отправился на поиски. И нашел людей, которые жили на побережье. Я... взял некоторых.

— Взял?

Что-то сомневаюсь, что люди обрадовались.

— Ладно, я похитил. Это лучше звучит?

— Не лучше, но правильной. Не получилось?

— Почему-то... стоило им оказаться рядом с людьми своего племени, но испорченными городом, они тоже становились такими. Будто... будто невидимая зараза передавалась от существа к существу.

— Может, и вправду передавалась? — пробормотала я. — Эдди говорил, что многие болезни переносятся мелкими тварями. Микробами. Но наш док его засмеял. А я вот верю. Док — засранец, Эдди же дело знает.

— Может. Я не знаю, что такое микробы. Но тогда я понял, что и те, кто полагает себя свободными, на самом деле не свободны. Что в них сидит это, — Эрханен ударил себя по груди. — Та любовь. В людях. А сиу и орки... их вовсе не было, чтобы свободных. Они были созданы много раньше людей.

Он присел на камни. И я опустилась рядом.

Ублюдок, конечно, но ведь мертвый уже. А мне надо кое-что узнать. Очень надо.

— Я заметил, что, если я нахожусь рядом с женщинами, то дети рождаются. И живут. И доживают до года. А еще можно и без меня. Достаточно капли крови, чтобы они появились на свет. Однако эта кровь вновь же привязывает их к нам.

— И ты стал проводить опыты?

— Сперва я думал принести людей оттуда, из-за края моря, но понял, что у меня не хватит сил. Да и не факт, что получилось бы.

— А оставить все, как есть? Драконы ведь все одно умирали.

— Это затянулась бы на столетия.

— Но ты говорил, что время не имеет значения.

— Говорил. Ты сообразительная, проклятая. Но дело в том, что это я теперь такой умный. Тогда... тогда мне не терпелось спасти мир. Мне казалось, что, если я промедлю, он погибнет.

Ну да. Как-то и сказать нечего. Сколько лет прошло? Много. А мир живой.

— Да и как знать, вдруг бы они решили забрать его с собой?

— Драконы?

— Мой брат вовсе не такой добрый и несчастный, каким кажется. Он тебе не скажет, но... не все города уничтожил я. Первый погиб сам. Он слабел. Медленно, но неуклонно. А с ним слабели и драконы, жившие в нем. И однажды они обезумели. Все, как один. Они поднялись в небо, чтобы обрушить свой гнев на окрестные земли. И ярость их была столь велика, что в ней да огне родилась пустыня.

— Это... — по спине поползли струйки пота. — Это та... которая мертвая?

— Не знаю, о чем ты говоришь. Но пустыня пылала гневом и жаром много дней после того, как её не стало. А драконы, упавшие в пламя, напоили её своей кровью. Я взял пески, чтобы изучить, и тогда-то обнаружилось, что эта кровь тоже годится.

— И все-таки ты больной.

— Наверное. Подозреваю, что среди нас вовсе не так и много было тех, кого можно назвать здоровыми. Одержимость — наше проклятье.

Посмотрел на меня.

— Будь осторожна. В тебе изрядно нашей крови. Она спала, но теперь проснулась.

— Что ты сделал?

— Сперва... сперва я собирал тех, кто сам готов был уйти. Потом менял. Смешивал. Я силился ослабить путы, которые держали их.

— И создал эти... вещи?

— Не совсем. Я подумал, что кровь Предка будет всяко сильнее нашей, а стало быть, вполне способна заменить её. И оказался прав. Я... нашел в том городе, в забытом уже городе, который умер, фиал с каплей крови. Всего одной, но её хватило, чтобы вернуть надежду.

— Кому?

— Всем. Или думаешь, они не понимали, что происходит? Они понимали. Они приходили ко мне. Они смотрели. Ждали. Надеялись. Как я мог обмануть их? Но одной капли было так мало...

— И ты решил получить остальные.

— Это было несложно. Они все держались на грани.

— Погоди, — прервала я. — Я запуталась, честно говоря. Ты ушел из города. Забрал людей и драконов. Они пошли, потому что ты на них воздействовал. Твой брат так сказал. И я ему верю. Из того, что я видела.

Тошнота вновь подступила к горлу.

Драконов было жаль. Тех, кто умер в пещере, делясь кровью и плотью с остальными. И эту картину я не скоро забуду.

— Но ты говоришь, что появилась еще одна.

И сомневаюсь, что это действительно случайность.

— Я поглотил первую, — сказал Кархедон, слегка поморщившись. — Тогда это казалось разумным. Я вобрал в себя силу предка.

И окончательно, надо полагать, свихнулся.

Нет, все-таки хорошо, что они вымерли.

— Ясно, — сказала я. — И потом ты пошел... творить, да? Ты уничтожал города...

— Пока они не уничтожили себя и мир, — поправил Кархедон. — Я сомневаюсь, что рана той пустыни затянулась.

А я не сомневаюсь, что она вполне себе жива и бодра. И... и сложно все. Если так, то этого засранца, выходит, надо поблагодарить? Они бы и вправду уничтожили, если не мир, то континент. Но благодарности в душе не ощущаю вот совершенно.

— Хорошо. Ты создавал артефакты. Сиу. Оркам... подземникам? Кархедон склонил голову.

— Получился удивительный народ.

Ага, я помню, как удивилась, его увидев.

— Подгорникам? Людям? Или...

Людей всегда было больше.

— Люди были сотворены позже других. Кто-то из наших решил сотворить существо, подобное ему самому. Уж не знаю, что за блажь взбрела ему в голову. К счастью, получились вы. Слабые. Податливые. Не обладающие ни разумом сиу, ни силой орков, ни выносливостью подземников. Однако вы неплохо уживались рядом с нами.

Просто распирает от радости этакое слышать.

— Чтобы ты поняла, проклятая. Любовь иссушает. Сиу могли продержаться год или два, орки — до трех, но люди... известны случаи, когда люди, принявшие дар любви, существовали десятки лет! И это было удивительно. В вас есть частица нашей сути. В буквальном смысле. Тот, кто творил вас, надеялся решить нашу проблему.

— Какую из?

— Дети. У нас изначально дети появлялись редко. Не каждая драконица могла понести, а те, которые могли, зачастую оказывались неспособны разрешиться от бремени. И тогда-то были сотворены люди.

— Так... тогда как они оказались за морем?

— Не представляю, — Эрханен покачал головой. — Да и то... понимаешь, многое утрачено. Мы полагали себя великими и могучими, бессмертными хранителями мира, но сами не заметили, как

стали забывать. Я что-то знаю, но знание мое несовершенно. Более того... я допускаю, что многое, из известного мне, не совсем правда.

Или совсем неправда.

В общем, все сложно.

Кто создал людей? И не людей? Кто расселил их по миру? Как вышло, что о Мертвых городах забыли? И что там, за океаном, все иначе? А в Африке? А... это не относится к делу.

— Так что там с людьми-то?

— Люди, в отличие от прочих, могли понести от дракона. И родить дитя смешанной крови.

Ага.

То есть, это я уже слышала.

— Ни сиу, ни орки, ни прочие... там, за океаном, я не удивлялся тому. А здесь задумался над тем, что же является причиной? И начал изучать. Оказалось, что в вашей крови... не у всех, но у многих, есть примесь и нашей.

Он замолчал.

— Я думаю, что запрет на смешение крови появился не просто так. Возможно, тот, кто людей сотворил... или изменил? Не знаю, но вряд ли все обрадовались. Скорее всего, его уничтожили.

— Но не людей.

— Нет. Вас много. Да и мы тогда думали, что храним мир.

Только это не мешало его уродовать.

— Как бы то ни было, но эта малая частица позволяла многое. И тогда... тогда я решил повторить. Усилить кровь. Это потребовало сил. Многих. Сперва я использовал других драконов, тех, что пришли за мной, и еще тех, которых я позвал. Странно, что они, способные внушить любовь малым народам, оказывались сами перед нею беззащитны. И чем старше, чем опытней, тем слабее. Но их крови было мало.

Крови, как понимаю, всегда не хватает.

Кому-то.

— Я бы попробовал кровь Праотца, но её не осталось. Кроме той, что хранил мой брат.

— А он не отдал.

— Именно.

— И забирать у других ты не стал?

— Та уже не годилась. Я изменил её однажды, и новое претворение сделало бы её бесполезной.

Ну да, хреновато, если так.

— Тогда я взял собственную кровь, — сказал Кархедон. — И сотворил подобных тебе.

— Людей?

— Вы были людьми. И еще самую малость — драконами. Вы не просто способны оказались устоять перед проклятым даром нашим. Вы... вы вовсе перестали в нас нуждаться.

И прозвучало так обиженно.

— Извини, — сказала я, разведя руками.

— Ничего. Если подумать, то этого я и желал.

— И ты повел своих измененных к городу?

— Именно.

— И уничтожил его.

— До того, как они уничтожили меня.

— А почему сам там остался?

— Я попросил.

Я обернулась на голос. Кархедон.

И теперь они выглядят братьями, похожими друг на друга, как отражения.

— Он ведь тебя убил!

— И меня. И прочих. И... не знаю, возможно, он был прав.

— Или вы оба ошибались, — я поднялась, чувствуя, что руки холодеют и ноги тоже. Возвращаться пора? Хреноватый из меня, видимо, шаман. — Но скажите, вы встречались с кем-то, вроде меня? Ну, проклятым там или наоборот... таким, смазливый. И наглым. Засранцем.

Драконы переглянулись.

Я же, вздохнув, сказала:

— Оно опять началось. Появился человек, который дурит головы женщинам. Причем всем, что человеческим, что нет. Они в него влюбляются. И вообще перестают соображать.

— Это плохо, — сказал Кархедон.

А то, было бы хорошо, я бы не маялась вопросами.

— А еще он собирает твои артефакты, те, которые с древней кровью.

— Зачем? — удивился Эрханен.

— Я думала, ты подскажешь.

— Нет. Они нужны лишь для моих детей и только. Их невозможно изменить.

— А уничтожить? — сердце обмерло.

— Уничтожить? Уничтожить возможно. Но зачем кому-то... — он задумался, а потом тряхнул головой. — Вот что, девочка, мне кажется, что кто-то опять возомнил себя хранителем мира.

И решил известить расы, которые этому миру жить мешают? Вот... и главное, на драконов вину теперь не свалишь. Все наше, человеческое.

— И что мне теперь делать?

Прозвучало на редкость беспомощно.

Эрханен и Кархедон посмотрели на меня с укором:

— Ты же дракон! — сказали они одновременно. — Убей этого засранца.

Ага... такой себе совет, жизненный. И нет, в душе не протестую.

— Погодите, — я почувствовала, как мир ускользает из моих рук. — А те женщины? Что с ними будет? Они... умрут?

Чарли не обрадуется.

И не только он. У других ведь тоже есть и братья, и родители, и... их много! И взять вот так просто уничтожить?

— Ты не поняла? — улыбка черного дракона была жутковатой. — Все дело в крови. В крови и силе.

И мир, завертевшись, рухнул.

Погодите! А инструкцию?!

Глава 24. Где речь идет о планах и перспективах

Чарльз не удивился исчезновению Странника.

— Доброго утра, — хозяин дома, облачившись в простой домашний костюм, поверх которого он накинул атласный халат, дружелюбно оскалился. В зубах он держал очередную сигару, и дым её наполнял гостиную. — Мой дорогой племянник настоятельно просил вас дождаться его.

— А сам он где?

На завтрак была холодная буженина, сыр, хлеб и масло.

— Отправился навестить друзей, — Дэн поставил на стол еще пару склянок. — Варенье. Вроде бы. Но не уверен. В этом доме пора навести порядок.

— Вы сейчас о чем?

— Обо всем, обо всем... дела наши грешные... — он коснулся щепотью лба. — Извините, я не особо верующий, но иногда приходится. Так о чем мы?

— Ваш племянник.

— Вернется, — отмахнулся Дэн.

— Мы спешим.

— В спешке нет смысла.

— А в чем есть? — Чарльз почувствовал, как нарастает раздражение. Садитесь завтракать? Вести светскую беседу?

Да у него жену украли.

И сестру.

— В голове, — Дэн постучал пальцем по лбу. — Вы молоды, как и мой племянник, хотя он, кажется, начал избавляться от своей прежней горячности. Каторга тому весьма, знаете ли, способствует.

Эдди молча опустил на стул.

— Вот скажите, как вы планируете действовать?

На них глянули с немалым интересом. И главное, такой интерес Чарльз уже видел в глазах одного своего хорошего знакомого, весьма увлекавшегося энтомологией. Вот на новые экземпляры чешуекрылых

тот смотрел точно также, прикидывая, как бы половчее их зафиксировать.

И законсервировать.

Стало слегка не по себе.

— Ну... — Эдди почесал лоб. — Попробуемся в этот их... дворец. Найдем Милли.

— Как?

— Как-нибудь найдем.

— А потом как-нибудь украдете и как-нибудь из здания выведете. Как-нибудь отобьётесь от преследования, которое всенепременно будет. И как-нибудь доберетесь... куда? Поезда заблокированы. Мосты разведены. Подземелья? Верхние выходы контролируются. К сожалению, этот старый засранец был неосторожен и факт, что за свою неосторожность он поплатился, мало успокаивает. Кроме того, даже если вы спуститесь, то сумеете ли пройти сквозь горы?

— Как-нибудь сумеем, — проворчал Эдди, правда, без особой уверенности.

— Как-нибудь, конечно. А дальше? Там пустыня. И прошу заметить, не самая простая. Тоже как-нибудь?

— И что вы предлагаете?

— Для начала — позавтракать, — остаток сигары отправился в высокий кувшин. — И дожидаться моего дорогого племянника. А там уже подумать... к слову, я взял на себя смелость приобрести несколько пригласительных билетов.

— Куда?

— На сегодняшний вечер. Открытый прием. Приглашены все. Естественно, из числа людей, способных приобрести пригласительный билет и участвовать в аукционе.

— В каком? — Чарльз отломил кусок хлеба и вцепился зубами. Кажется, манеры его остались где-то там, на Востоке.

— В девичьем. Их так прозвали. Все, кто желает приобрести жену, должны за неё заплатить. Этот наш... Учитель — изрядный пройдоха, я вам скажу.

Чарльз заворчал.

А Эдди успокаивающе положил руку на плечо.

— Думаете, она там будет?

— Традиционно на аукционах присутствуют и сам Наставник, он же Учитель, он же Император, великий и могучий во всех ипостасях, и жены его, и невесты. Так что, если, конечно, ваша супруга поведет себя разумно, то она удостоится высокой чести.

— А если нет?

— Что ж... тогда дело осложнится.

Чарльз мрачно подвинул к себе буженину.

— Но в любом случае, спешить нам некуда.

Может, и так.

Но не думать о Милли не получалось.

Он ведь отвечает за неё. И не справился. Отвлекся. Отпустил. Упустил. Приволок девицу, которая оказалась вовсе не так невинна. И...

— Ваш племянник...

— Рассказал о вашей идее. Конечно, можно и через подземелья подняться, но в последние пару месяцев охрану башни усилили. И наняли действительно понимающих в охране людей. Так что, даже если вы доберетесь нижним путем, наверх придется пробиваться с боем. А это не разумно. Поэтому я и приобрел приглашения. В том числе и для него. В конце концов, ему действительно пора задуматься о женитьбе. Вдруг да глянется кто.

— Вы и он... вы вообще кто? — Эдди буженину отобрал, чтобы нарезать тонкими полупрозрачными ломтями. — Только не впаривайте, что простой обыватель.

— Не буду. Непростой обыватель, — Дэн расплылся в улыбке. — На самом деле когда-то давно еще мой дед взялся помогать человеку, за которым видел будущее мира.

— Родду?

— Ему самому. Знаете, магов ведь на самом деле немного. И с каждым поколением, если верить родовым книгам, их становилось все меньше. Причем не так важно, в Старом ли свете, в Новом ли. «Бархатная книга» за последнюю тысячу лет утратила больше трети изначальных родов. Кто-то потерял способности, кто-то вымер. И мой дед пришел к логичному выводу: рано или поздно, но магия иссякнет, а одаренность станет столь редка, что никак не сможет повлиять на мир. В связи с этим концепция Родда с ее приверженностью к естественной механике показалась ему близка. К сожалению, далеко

не все были готовы принять её, тем паче, что сам Родд был человеком до крайности сложным, радикально настроенным. Поэтому пришлось его убирать из мира.

— То есть, он не погиб? — Чарльз мрачно жевал буженину.

— Едва не погиб. Его пытался убить его же ученик. И это убедило Родда в необходимости принять предложение моего деда. Место выбрали. Здесь уже было поселение. Вольные охотники, контрабандисты, все то отребье, которое сумело договориться с племенами. Деду тоже нашлось, что предложить.

— Город построили вы?

— Дед. И сочувствующие. Из числа тех, кто понимал перспективы развития мира.

— Тогда почему вы здесь, а не там? — это в голове не укладывалось.

— Возможно, потому что мне там не интересно, — пожал плечами Дэн. — У моего деда было трое сыновей. Старший остался в большом мире, приняв капиталы земли и родовые обязательства. Средний и младший отправились сюда. Мой отец занимался исследованиями. Как и младший брат. Я же... я абсолютно бесполезное создание, которому нравится вести тихую жизнь, как вы там выразились? Вот, обычного обывателя.

Он взмахом руки указал на плиту.

— Будьте любезны, сварите кофе. Признаться, я так и не постиг сию науку, хотя честно пытался.

— То есть ваш брат...

— Был казнен по обвинению в сговоре со внешниками. Второй отправлен на каторгу. Мне удалось его переправить во внешний мир, но он никогда не отличался здоровьем, а теперь и вовсе вынужден жить под присмотром целителей. Сюда уже вряд ли вернется.

— А ваш племянник?

— Тоже отправлен на каторгу.

— Но и он не доехал.

Дэн снисходительно улыбнулся:

— Так уж получилось, что в своей жизни я тоже обзавелся кое-какими знакомствами.

А ведь есть в нем, в человеке, что устроился напротив Чарльза, что-то донельзя знакомое. Не столько в чертах лица, сколько в

движениях этих, ленивых да плавных, в характерном повороте головы, будто он норовит заглянуть за левое плечо.

В том, как держит он сигару.

Скрещивает руки, потирая палец о палец.

Где-то Чарльз видел подобное. Но где? У кого? И мучительно вспоминать, потому что не вспоминается. Он потряс головой.

Все одно не вспоминается.

Семья непростая. У простой не хватит ни связей, ни денег, чтобы вывезти опального мастера из столицы. Чтобы договориться с племенами.

Построить город.

Финансировать исследования.

— Чего вы хотите? — тихо поинтересовался Чарльз, потому что от догадки его по спине поползли мурашки.

— Я?

— Вас ведь не трогают. Вы можете жить и дальше. Но вмешиваетесь.

Легкий наклон головы. Насмешливый взгляд.

И догадка обретает плоть.

— Пока не трогают. Но это дело времени. Ему просто некогда. Он спешит укрепить ту странную власть, которую обрел, сам понимая, сколь она шатка.

И пальцы трут подбородок, окончательно подтверждая, что Чарльз не ошибся. Эту привычку он видел у одного человека. У того, кого не могло здесь быть.

— Но как только у него появится время, он займется...

— Конкурентами?

— Простите? — и насмешка уже явна. — Кто я, чтобы быть конкурентом самому Великому Учителю?

— Учителю — возможно, и нет. А вот Императору вполне можете.

Дэн хмыкнул.

— Отец говорил, что наше сходство весьма условно.

— Внешнее, — Чарльз вдруг совершенно успокоился. И не то, чтобы он понял, что им делать, поскольку и вправду план «как-нибудь» доверия не внушал. Скорее уж он обрел некую уверенность, что они не одни. — Но если говорить больше. Шире...

— Глубже, — не удержался Дэн.

Нехорошо именовать отпрыска великой семьи по имени. Хотя... если он инкогнито и сам разрешил, то, наверное, можно.

Матушка точно сказала бы.

Но матушки не было, а отпрыск великой семьи спокойно намазывал масло на ломоть хлеба. И действовал с немалой сноровкой.

— Я долго думал, кому это может быть выгодно, Чарльз...

— Что-то я ничего не понимаю, — проворчал Эдди, откинувшись на спинку стула. — Но послушаю.

— Кофе! Будьте так любезны...

Эдди поднялся.

— Так вот, относительно выгоды. Как я уже сказал, этому клоуну не позволят занять трон. Он слишком уж... претенциозен. Неуправляем. Искренне уверен в своем могуществе и непогрешимости. А это опасные черты. Нет, скорее всего его используют. Вот на роль пугала он годится как нельзя лучше.

Дэн наблюдал за Эдди с немалым интересом.

— Но вот кого посадят на место моего дядюшки?

— Дядюшки?

— Троюродного? Или четвероюродного? Признаюсь, генеалогия никогда не была моей сильной стороной. Как бы там ни было, но нашему дорогому Учителю позволят вырваться за пределы города и устроить маленький бунт. С покушением... думаю, ради него все и затевается. И даже императором себя объявить позволят. Чтобы ни у кого не возникло сомнений, кто виноват. А потом бунт подавят. Устроят расследование, заодно разберутся с теми, кто так или иначе лишний.

Эдди с плитой управлялся весьма ловко.

...приживется ли он на Востоке?

Огромный. И кровь орочья чересчур заметна.

Дикий.

И умный. Умнее многих из тех, с кем Чарльзу доводилось иметь дело. Спокойный. Уравновешенный. Готовый пойти до конца за своих.

Чужой.

Там. А ведь он понимает, но все равно поедет. Ради Милисенты и матушки, которой в этой дыре не место. Ради того, чтобы убедиться, что их не обидят. А их обидят. И Эдди вступится.

Все будет... адски сложно.

И главное, он, Чарльз, почти ничего не сможет сделать. Он будет пытаться, да только... замутило. И желание возвращаться отпало напрочь.

— Думаю, доказательства связи с этим... убожеством найдут для многих. И это позволит договориться с нужными людьми.

— Кто? — тихо поинтересовался Чарльз. — Вы ведь знаете?

— Предполагаю, — так же тихо ответил Дэн. — Я отписал своему дорогому дядюшке... или я ему дядюшкой прихожусь? Не важно. Предупредил. Однако не уверен, что он может доверять людям, его окружающим. Так что... лучше бы вам поскорее вернуться.

— Полагаете, мне доверять можно?

— С некоторой долей вероятности, — Дэн усмехнулся, продемонстрировав ровные желтые зубы. — Вы здесь. Вы отправились на край мира за сестрой. И полагаю, вам бы хотелось, чтобы она осталась жива.

— Возможно иное?

— Мне сообщили... скажем так, знакомые, что она ныне пребывает в интересном положении.

Чарльз почувствовал, как челюсти сводит судорога.

— Дышите глубже, — посоветовал Дэн.

— Воспитаем, — заверил Эдди, сунув в руки огромную кружку с кофе. И Чарльз выдохнул.

И вправду, что это он.

Воспитает.

Вырастит.

Как-нибудь.

— И все-таки дышите глубже. Проблема не в ребенке. Проблема в том, что не она первая понесла от... Наставника, — Дэн выплюнул это слово. — Но достоверно известно, что родить удалось лишь сиу. Родить и пережить роды. И то по слухам не известно, кто там на самом деле был отцом.

Зубы снова заболели. И Чарльз сделал единственное, что мог — глотнул кофе. Кофе был обжигающе горячим. Кипяток опалил и язык, и небо.

Ком горячей воды ухнул в желудок.

Спокойно.

Дело в крови.

Скорее всего, дело именно в крови. У Чарльза есть камень. И... как там Сассекс говорил? Проблемы начинают проявляться на поздних сроках. Тогда-то и нужны будут ритуалы. И... Августа ведь тоже из хорошего рода, и дар у неё имеется. А дар облегчает беременность.

В голове шумело.

— Так, — Эдди аккуратно забрал кружку. — Ты и вправду дышал бы глубже, что ли. И успокоился. Сперва заберем девочек. Свернем ублюдку шею. А там и разберемся, чего и как. В конце концов, Змей ведь камешек тебе отдал, верно?

Чарльз кивнул.

— Вот и ладненько. Так погляди, может, чего в нем.

— Аппарат нужен, — Чарльз слышал свой голос со стороны и удивлялся, до чего тот жалок.

— Аппарат найдется, — Дэн поднялся. — Раз уж моего дорогого племянника все еще нет.

Глава 25. О том, что жизнь — штука сложная

У кровати сидела Салли. Хрен его знает, первая или вторая, главное сидела, пялясь в никуда, и покачивалась. Она обняла себя и выглядела жалкой донельзя.

Темно.

Шторы задернуты так плотно, что ни полосочки света сквозь не пробивается. И невозможно понять, сколько сейчас времени. От темноты и холода зубы стучат. По спине мурашки. И ощущение такое... нехорошее.

— Салли, — шепотом позвала я.

Не откликнулась.

Даже не повернулась.

Только всхлипнула тихо-тихо. Это вообще нормально? Она уже свихнулась? Или пока только в процессе?

— Салли, — я села и подобралась к краю кровати. — Салли, ты спишь?

Она повернулась ко мне.

Какие глаза... огромные, широко распахнутые и пустые, как у куклы. В них я себя вижу. И еще безумие, которое притаилось на доньшке.

Уже?

Они же говорили, что люди сходят с ума позже всех. Или этот угребок что-то не так делает? Второе вернее. Дело не в ней, дело в нем.

— Он меня любит? — спросила Салли свистящим шепотом.

— Конечно, любит, — поспешила заверить я. — Как он может тебя не любить?

— Да, — на её губах появилась счастливая улыбка.

Я вздрогнула.

— Сильно любит? — тут же уточнила она.

— Больше жизни.

— Я красивая.

— Красивая.

— А ты нет! — её лицо исказила гримаса ненависти. — Ты плохая!

— Да.

— Ты его не достойна! — она вскочила вдруг и повернулась ко мне. Э нет, так не пойдет. Она ж оберегать меня должна, а не это вот.

Салли вытянула руки. Скрюченные, с растопыренными пальцами, они походили на лапы падальщика. Она дышала громко, со свистом. Губа задралась. И в темноте ярко поблескивали зубы.

Может, она бешеная? Я слыхала, что с людьми и такое бывает.

— Не достойна, — подтвердила я осторожно. — Кто я и кто ты?

— Он посылал за тобой!

Не хватало мне в жизни такого счастья.

— Зачем?

— Он посылал за тобой! — повторила Салли, будто не услышав вопроса. — Но ты спала... он посылал за тобой, а ты спала! И никто не сумел тебя разбудить.

Счастье-то какое. Если опять провалюсь, скажу большое спасибо паре уродов, которые, сами того не зная, спасли еще от одной сволочи. Сомневаюсь, что меня призывали, дабы на чай пригласить.

— Зачем ты ему?

— Сама не знаю, — я сползла с кровати, потому как драться в ней на редкость неудобно.

— Он тебя не любит! Только не тебя!

— Почему?

Вот даже обидно стало, право слово. Это чем же я нехороша-то? Для нашего-то извращенца?

— Ты уродливая! Ты страшная! Ты не такая! — это она вскрикнула и бросилась на меня, попытавшись вцепиться в волосы.

Я перехватила руки.

И что делать-то? На помощь звать? А кого? И не станет ли хуже? Вдруг да Змееныш поймет, что я из сна выпала и решит знакомство продолжить? А оно мне надо? Оно мне совершенно не надо! Я попыталась удержать Салли, которая выла, но как-то тихо, верно, тоже не желая лишнего внимания.

Сильная, однако.

Или это потому, что свихнулась? Говорят, что ненормальные куда как крепче обыкновенных людей будут.

Проверять не хотелось.

Я притянула Салли к себе.

— Уймись, — сказала ей. И она, тоненько взвизгнув, обмякла, разрыдалась вдруг. Слезы из глаз катились крупные, что бусины.

— Тише ты, — я руки-то убрала, но осторожно.

Не стоило расслабляться.

— Любит он тебя.

— Он меня не замечает!

— С чего ты взяла? — я осторожно приобняла Салли. — Садись. Конечно, он тебя замечает.

— Нет, — она шмыгнула носом. — Он на Салли три раза посмотрел! И на Келли два. А на меня ни разу!

— Или ты просто не заметила. Может, он смотрит, когда ты не видишь? — я тоже носом шмыгнула. Забитый какой-то. И где это я простыть-то умудрилась?

— Думаешь? — и столько надежды в голосе.

— Конечно. Если он будет смотреть на тебя все время, то остальные догадаются, — что за чушь я несу? Но главное, что Салли слушает. И внимательно так. На меня уставилась, не моргая. — Будут обижаться. А он ведь не хочет их обижать. Вот и скрывается. Мужчины всегда так. Чем больше им женщина нравится, тем меньше на нее смотрят.

Это я в каком-то романе вычитала. Помню еще, что тогда подумала, что я всем просто страсть до чего нравлюсь, если смотреть не хотят.

— Да, — она выдохнула с таким счастьем, что даже совестно стало. — Ты... ты права... спасибо.

— Не за что.

— Ты... не обижайся, хорошо?

— Не буду.

— Он всех любит. Совсем всех... но меня больше, чем других. Немножечко.

— А то, — я выдохнула. Что бы это ни было, приступ проходил.

— У тебя кровь, — Салли тронула мои губы. Я подняла руку. И вправду, мокро. Это от перенапряжения? От снов тех? Или от ненормальной? Или может вовсе от их счастливой кашки? — Какая яркая...

Пальцы Салли в темноте поблескивали.

И вправду яркая. Нарядная и поблескивает, будто золотом отликает. Охренеть просто.

— И пахнет, — Салли поднесла пальцы к губам и, прежде чем я успела рот раскрыть, лизнула их, чтобы счастливо зажмурится. — Земляничкой пахнет... я целую вечность не ела землянику.

Сказала и осела мешком.

Вот тебе и... и куда её девать-то?

Я вытерла нос.

Все дело в крови? Так он сказал? И... и посмотрим, что будет. Все равно других вариантов не вижу.

* * *

Странник появился ближе к вечеру, когда Чарльз почти созрел для того, чтобы все-таки отправиться самому.

— Собирайтесь, — Странник пришел не с пустыми руками.

Три фрака, причем один чудовищных просто размеров, севший, однако, вполне по фигуре Эдди.

Белые манишки. Перчатки.

Цилиндры.

Платки и бутоньерки. Шелковые галстуки, которые особенно царапнули собственной неуместностью. И облачаясь в этот, привычный некогда наряд, Чарльз подумал, что предпочел бы остаться в старом. Пусть заношенный и, несмотря на попытку отчистить, грязный, а все удобнее.

— Маски, — Странник выложил три из темного атласа. — Не обязательно, но, на наше счастье, есть еще люди, ценящие анонимность.

Маска закрыла верхнюю часть лица.

Эдди вздохнул.

— Не поможет, — сказал он, покрутив в пальцах. — Я слишком здоровый. Буду бросаться в глаза.

— Ну, отчего так категорично, — Дэн наблюдал за переодеванием, устроившись в низком кресле. Он закинул ногу за ногу и теперь разглядывал, что Чарльза, что племянника. — Есть кое-какая штучка, которая помогает, скажем так, избежать излишнего внимания. Дорогой племянник, не окажете ли любезность?

— Вне всяких сомнений, дядюшка, — Странник изобразил поклон.

Штучкой оказался тонкий браслет, который едва сошелся на массивном запястье Эдди.

— И что теперь?

— Чарльз, скажите, что теперь.

— Ты... не привлекаешь внимания, — вынужден был сказать Чарльз. Он пытался разглядеть Эдди, но взгляд соскальзывал. Что-то мешало зацепиться. И вроде бы вот он, Эдди, но и не он.

Ниже?

Выше?

Незаметней.

— На людях, с вами близко не знакомых, сработает еще лучше. Так что идите смело, — Дэн вдохнул дым и прикрыл глаза. — А вот оружие я настоятельно рекомендую оставить.

Эдди заворчал.

— Во-первых, это все-таки вечер. Множество людей, совершенно к вашим проблемам не причастных. Половина из них — женщины. Вы сможете стрелять по женщинам?

— Нет, — Эдди с тоской посмотрел на кобуру, что лежала на диване.

— И мне так показалось. Во-вторых, оружие будут искать и весьма тщательно. Если малый артефакт пропустят, то оружие — нет.

— Пропустят ли, — с сомнением произнес Странник.

— Конечно. Многие пользуются «Очарованием» или чем-то подобным, вот и сочтут, что потенциальный жених решил повысить свои шансы.

Ворчание усилилось.

— В-третьих, помнится, вы и сами по себе оружие. Маг приличной силы... два мага, скажем так, и один шаман.

— Я еще не шаман, — вздохнул Эдди. — Я только учусь.

— Вот и будет повод учиться интенсивнее. На самом деле оружие вам не нужно, оно лишь расслабит, отвлечет внимание ложной надеждой.

Дэн поднялся и потянулся.

— Что ж... хорошего вам вечера. И постарайтесь не разрушить город. Он нам еще пригодится.

— Обрато... не уверен, — Чарльз поправил манжеты. И подумалось, что в этой маске Милли его не узнает. А потом подумалось, что маски могут быть не только на нем, что... что если он сам не узнает её?

От этой мысли похолодел затылок.

И во рту пересохло.

— Я уверен, — Дэн раздавил сигару в нефритовой чаше. — В конце концов, ключ на управление дирижаблем есть лишь у Наставника да у меня. У меня взять проще. Так что, возвращайтесь.

* * *

Салли все-таки очнулась. Я, признаться, задремала. Сидела, сидела, держала эту ненормальную за руку, и ждала, когда очнется. Пару раз даже по щекам хлопала, но без особого результата. В конце концов, все-таки придремала, а проснулась от шепота.

— Боже, боже, божечки мой... — Салли все еще сидела на кровати и обнимала себя. Она раскачивалась, а белый чепец упал на пол. Волосы её рассыпались по плечам золотой волной, а из глаз потоками текли слезы. — Божечки мой, божечки...

— Чего опять? — я широко зевнула и поскребла зудящую щеку.

Шторы я чуть приоткрыла, не в темени же сидеть. И свет, пробиваясь сквозь них, делал комнату серой. А главное, не понять, что там за окнами, рассвет, закат или еще чего.

— Божечки... — всхлипнула Салли, уставившись на меня огромными заплаканными глазами. — Божечки...

— Да успокойся уже.

И что с ней делать-то?

— Я... я тебя помню! — сказала Салли, глядя на меня с суеверным ужасом. И что, спрашивается, я ей сделала?

— Рада за тебя.

— И себя помню. Как будто другой. Странно так, — она взялась за виски. — Голова болит. Так болит голова... это все не я! Мама, мамочка...

— Тихо, — я обняла её. Не хватало, чтобы на эти вопли кто-то да прибежал. — Успокойся. Ты, наверное, просто заболела.

— Заболела? — тихо спросила она с надеждой. — И брежу?

— Конечно, бредишь.

И уже давно, но об этом я говорить не стала.

— И это все не по-настоящему?

— Что?

— Все. Учитель этот... жены... боже, — она опять сжала голову.

— Боюсь, — я сглотнула. — Это как раз по-настоящему.

Салли испуганно пискнула.

— Тихо. А теперь послушай. Он тебя зачаровал. Ты это понимаешь?

Она робко кивнула.

— Сейчас чары спали. Но если вдруг кто-то это поймет, что будет?

— Меня накажут, — это было сказано шепотом, и Салли побледнела. — Я не хочу, чтобы... чтобы он... мамочки...

— Успокойся, — рявкнула я, холодея. Если эта дуручка себя выдаст, то выдаст и меня. А значит, у Змееныша возникнут вопросы. И чую, задавать их мне будут не в милой удобной комнате. — Мы выберемся. Ясно? Ты и я.

Она кивнула.

— Но для этого нужно сделать так, чтобы никто ничего не понял.

— Не поймут, — щека у нее дернулась.

— Думаешь?

— Знаю, — она потерла виски. — Все, как в тумане. Когда... раньше... я помню. То есть, почти все помню, но тогда, там, все как в тумане. Только и видишь, что его. И думаешь, что он сказал, на кого посмотрел и будет ли любить тебя. То есть, меня.

Понятно. Любовь мозгов не добавляет. Зато теперь ясно, почему мой флакон не отобрали. Похоже, Молли и вправду о нем попросту забыла. А Змееныш не спросил.

Как спросить, когда не знаешь, о чем спрашивать.

Девушки же, меня раздевавшие, не обратили на эту такую безделицу внимания. Какой флакон, когда речь о большой любви.

Меж тем слезы унялись, сменившись сопением, а то стало все более сосредоточенным.

— Я... у меня жених был! — воскликнула Салли.

— Хорошо.

— А что с ним?

— Мне-то откуда знать? Выберешься, проверишь.

— Наверное, не важно... он ведь... никто не поверит, что я не сама... никто...

— Надо сделать так, чтобы поверили. А для этого дыши глубже. Ты помнишь, что должна была делать, когда я очнусь?

Кивок.

— Что? — этак я до утра её допрашивать буду.

— Позвать старшую жену... твою ж... — она выразилась витиевато и от души. И тут же устыдилась. — Извини.

— Ничего. Что ж, тогда возьми и приведи себя в порядок. Старшую — это которая сиу?

— Д-да... — она содрогнулась. — Она... я её боюсь!

— Хочешь жениха увидеть?

Салли кивнула.

— Тогда делай, что говорят. Потом что?

— Помочь собраться. И проводить к... к... — она побледнела.

— К учителю?

Я мысленно пожелала этому уроду сдохнуть в мучениях. Салли же опять кивнула.

— Зачем?

— За напутственным словом. Он... он всем говорит, что нужно сделать.

— И тебе?

Снова кивок.

— И что ты делала?

— Я... я... — она побледнела сильнее прежнего. — Я им... их... мне давали... один раз нужно было подлить что-то в бокал.

— Что?

— Н-не знаю... они дали. Перстень. Он поворачивается и оттуда порошок.

— И кому, тоже не знаешь?

Она помотала головой.

— Чужак какой-то. Не отсюда. Он на всех еще смотрел так, сверху вниз, как будто мы... мы дерьмо. И я еще подумала, что хорошо будет, если он умрет. Он ведь не умер?!

— Конечно, нет, — бодро соврала я. Ну или почти соврала. Может, действительно не умер, может, только собирается. — Колечко тебе сиу дала?

— Да. Она все делает.

Салли поднялась.

— Ты... ты не скажешь им? — спросила она и в глазах появилось что-то такое.

— Не скажу. Кого из девочек ты знаешь? Знала. Раньше. До того, как тут оказалась?

Салли задумалась.

— Мередит. Патрисию. Пруденс. Пруденс стервой была, но теперь... — на глаза опять навернулись слезы.

— Так, — я сжала её руку.

— Хоть стерва, а все равно не заслужила, чтобы вот так...

— Как?

— Ее учитель избрал не так давно. Она понесла. А потом... потом... она скинула дитя. И умерла.

Мда, что-то совсем нехорошая перспектива вырисовывается.

И что делать?

Дело в крови, так... но хватит ли крови на всех? И... и кажется, я знаю, кому задать вопрос. Только, надеюсь, что сработает. Если нет, будет нехорошо.

Очень нехорошо.

Глава 26. Про пользу терпения и особенности родословной

Сиу поселили в полуподвальных покоях. Не знаю, что тут прежде было, но явно не жилые комнаты. Узкие окошки под потолком почти не пропускали света, да и круглые фонари скорее плодили тени, чем разгоняли тьму.

Стены темные, облупленные. Ни тебе обоев, ни шпалер. На полу — медвежья шкура. Вместо кровати — снова шкуры, сваленные грудой. И единственное, что бросалось в глаза — длинный стол, вытянувшийся вдоль дальней стены. Над столом поднимались полки, сплошь заставленные всякою всячиной. Тут и банки круглые, квадратные, высокие и широкие, приземистые и вытянутые, выдутые причудливо. Травы. Кости. Какие-то камни. Корзинки и корзиночки, даже шляпная коробка.

Сиу сидела на шкурах, скрестив ноги и слегка покачиваясь. Алое платье её было брошено на пол, там же обнаружился и чепец, и ворох юбок, такой неестественно белый в этой темноте.

— Оставь нас, — сказала сиу и выдавила. — Сестра.

Салли упрашивать не пришлось, она мышью выскользнула за дверь. А на меня уставились яркие зеленые глаза.

— Подойди, — это был приказ.

А я что? Я подошла.

И главное, дальше-то как? Платок, измазанный кровью, у меня был. И...

— Ты ранена? — ноздри сиу дрогнули. — Или у тебя женские дни начались?

— Поцарапалась, — сказала я, стараясь глядеть исключительно под ноги. — А кровь все идет.

Царапалась я старательно, чтобы не затянулась царапина за пару минут.

— Покажи, — сиу легким движением поднялась навстречу ко мне. А ведь все равно голая, но воспринимается как-то... иначе чем люди, что ли?

Я протянула руку, перехваченную каким-то платком. Его дала Салли, она же и перевязывала, кривясь от вида крови. Сиу поддела платок и склонилась над раной.

Она смотрела.

А я думала. Вот... как её напоить кровью? Схватить? Она, пусть и истощенная, но сиу. Сильнее меня. А если вывернется? Если...

Тонкий язык скользнул по ране.

И я выдохнула.

— Твоя кровь... она сладкая, — задумчиво произнесла сиу. — Как вода из нашего ручья...

Ее глаза затуманились, а в следующее мгновение она рухнула на пол. Блин, надо будет как-то приноровиться, что ли? Чтобы хватать их. Я села рядом, раздумывая, как долго она проваляется. Время-то к вечеру, а мне еще напутствие получать. И вообще на бал собираться. Или это не совсем бал? Один хрен, собираться.

Но сиу почти сразу открыла глаза. Несколько мгновений она просто лежала, пялясь в потолок. Грудь её вздымалась, а стук сердца я и на расстоянии слышала.

— Я... — голос её прозвучал глухо. — Ты...

— Ты — Звонящий Ручей. Так? Я видела твою сестру. Её зовут Звонящий Поток. И еще мать.

Она закрыла глаза.

— Эй, не вздумай умирать!

— Убью, тварь.

— Надеюсь, не про меня.

А то мало ли, я покосилась на дверь, прикидывая, успею ли добежать, если вдруг убить захотят все-таки меня.

— Его.

— Не спеши, — я подала руку и сиу осторожно коснулась её. На меня она смотрела с подозрением. — Точнее убивать не спеши, а с остальным надо поторопиться.

— Это ты?

Вот странный вопрос.

— Я — это определенно я.

— Сделала. Разум. Я снова себя помню. Раньше. И ту, что здесь, — она поднялась-таки. Цепкие пальцы обвили запястье. И притянули мою руку к себе. Язык снова скользнул по ране.

— Зачем?

— Больше не сладкая. Жжется, — пожаловалась сиу.

— Аккуратней, — руку я забрала. — А то еще сожжет.

Кто нас, драконов, знает.

— Я... — она вдруг побелела.

Потемнела.

— Тихо, — я решила обнять её, сдавить сильно. — Убить всегда успеешь. Но сперва надо со всем этим разобраться. Ты ведь понимаешь в зельях?

Она кивнула.

— И сможешь сделать такое, чтобы все очнулись? Не знаю... я не знаю вообще, сколько этих девочек, которым он головы задурил.

— Много, — серьезно сказала сиу.

— Вот. И я не могу бегать от одной к другой.

В зеленых глазах плескалась ярость.

— Ты сиу. Вы умеете ждать. Вы славитесь этим умением, — я говорила, глядя в эти почти безумные глаза, пытаюсь удержать ускользящий разум. — Если ты бросишься сейчас, тебя убьют. Он ведь трусоват, верно?

— Д-да.

— Вот. И без охраны не ходит. Будет обидно, если ты до него не доберешься.

Ярость не утихает. Она просто прячется.

— А вот если сделать так, чтобы они тоже, все, кого он заморочил, чтобы очнулись. И чтобы он увидел это.

Губы растягиваются в улыбке, а ярость сменяется предвкушением.

— Ты знаешь толк в мести.

Я промолчала.

— Отпусти.

— Не убьешь?

— Не сразу.

Ответ меня вполне устроил.

— Моя сестра...

— Жива. И здорова. У нее все хорошо. А твоя мать просила тебя убить.

Вот все-таки надо мне поработать над чувством такта. Правда, сиу, похоже, не слишком расстроилась.

— Она права, — Звенящий ручей тряхнула головой, и белые волосы рассыпались. — Я заслуживаю смерти.

— Э! Погоди, сначала дело!

— Не бойся, человек с огненной кровью. Я помню. Я не уйду раньше моего врага.

Лучше вообще не уходить, но тут уж кому как. Я помолчу. Про врага.

— Та вещь, которую ты забрала из племени. Её можно вернуть.

Сиу склонила голову, показывая, что слушает меня и внимательно.

— Твоей вины нет. У тебя не было шансов.

— Были. Если бы я помнила, что люди — враги.

— Я не враг. Ни тебе. Ни твоей сестре. Ни вам. Зачем ему артефакты?

Она задумалась.

— Он их менял? Что-то пытался сделать?

— Хотел. Но не смог. Он думал, что если примет их, то силы станут больше, что он сможет влиять на всех.

Только не получилось.

— Знаешь, где он хранит?

Она склонила голову.

— Сможешь забрать?

Молчание.

— Ты ведь пойдешь на бал, так?

— Вечер.

— Один хрен, — отмахнулась я. — Смотри, если сделать так, что они очнутся там, на балу, то поднимется суматоха. Людей будет много и, как понимаю, не все рады этому ублюдку. А пока он разбираться станет, что не так, можно потихоньку смыться.

И пришить ублюдка.

Но это я так, тихонечко подумала.

— У тебя сиу в роду были, — сказала Звенящий ручей.

— Не знаю.

— Точно были, — она поманила меня к себе. — Я сделаю зелье, которое усиливает действие другого. Любого. И добавлю в пунш. Пунш разрешено пить всем. Но пунша будет много, и крови понадобится немало.

Я молча протянула руку.

Для такого дела не жалко. Хотя была тень сомнения. Вдруг да паника начнется или еще чего. И... и пострадать кто-то может. А с другой стороны? Оставить, как есть?

Нет уж.

Кровь стекала в прозрачную чашу. И показалось вдруг, что она блеснула ярким драконьим золотом.

Показалось.

* * *

Получасом позже, облаченная в белоснежное платье, которое, подозреваю, сидело на мне примерно, как на корове седло, я стояла перед Учителем и с обожанием пялилась, представляя, какой сюрприз его ждет.

К счастью, он был не один.

Змееныш восседал на высоком кресле, и венец, украшавший дурную голову его, радостно поблескивал. Камешки крупные, даже я бы сказала, подозрительно крупные. Фальшивка? Не знаю. Рядом стояло второе креслице, попроще, и на нем с прямою спиной восседала Августа.

Я подавила вздох.

Вот... не нравится она мне и все тут. С одной стороны, вроде и понимаю, что не виновата она, что она вообще сейчас не понимает толком, где находится и чего делает. Но нет, не нравится.

Узкое бледное личико.

Волосы зачесаны гладенько. Шея тонкая. Плечики полупрозрачные. И вся-то она такая хрупкая, невесомая, какой мне никогда-то не быть. Рядом с нею я остро ощущаю собственную нечеловеческую природу.

Неуклюжесть.

Угловатость.

И завидую. А что, я же живая. Я могу завидовать. Правда, давлею в себе это нехорошее чувство.

— Подойди, дитя мое, — важно произносит Змееныш.

И подхожу, вперившись взглядом в него, представляя, как он удивится, когда...

— Поклонись, — это уже Августа. Сказала сухо, раздраженно, и кожей чувствую, что я ей нравлюсь не больше, чем она мне.

Она держит руки на животе, который выступает.

Интересное дело, однако.

Чарли... сколько времени прошло? Он приехал, когда фотографию ту увидел. На фотографии живота нет. А вот когда их свадьба состоялась? Не знаю. Главное, что живот виден, но не такой большой, как у баб перед родами бывает.

Кланяюсь.

Моей головы касается теплая ладонь, от которой исходит сила. И эта сила разливается по телу горячею волной. Ах ты ж, сволочь!

От силы шкура начинает чесаться.

— Потерпи, дитя. Так надо. Теперь ты избрана!

Избранней некуда, чтоб вас всех, что живых, что мертвых. И главное, подрядилась ведь на поездочку! Недалече. А могла бы дома сидеть да в потолок плевать.

Разгибаюсь, стараясь удержаться. Думаю, тутошние невесты ведут себя иначе. Как? Хрен его знает, главное, точно не станут чесать спину о колонну, как меня подмывало.

— Исполни свой долг во имя возрождения Империи!

Я приоткрыла рот, сглотнув слюну, которой вдруг стало много. И верно, видок у меня был соответствующий.

— Ты не переборщил, дорогой? — шепотом осведомилась Августа. — У нее вид несколько... слишком уж...

— Отойдет, — отмахнулся Змееныш. — Милисента, ты меня слышишь?

— Слышу, — вяло ответила я.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Хорошо. А теперь постарайся быть внимательна. Ты спустишься вниз, со всеми. Повтори.

Что-то не то у него с магией все же, если он со мною, как с идиоткой. Но повторяю послушно. Стараюсь говорить медленно, растягивая слова. И улыбаюсь. Ширше. Радостней.

— Умница, — восхитился Змееныш.

А то, стараюсь.

— Ты должна будешь найти вот этого человека, — он вытащил снимок, на котором я с удивлением узнала Орвуда. Надо же, мир тесен. — Это твой суженый.

У меня уже один имеется. Оно, конечно, мамаша Мо говаривала, что запас карман не тянет, да, сдается мне, это было не про суженых.

Но киваю.

И пялюсь на снимок. Орвуд мрачный на нем, злой. И главное, снимали недавно, по обгоревшей роже видать. Да и одежка на нем местная.

Нас искал, что ли?

Неудобно получилось, однако.

— Постарайся заговорить с ним. Увлечь. И выбери момент, дай ему зелье, которое ты получила от старшей сестры. Повтори.

Опять повторяю, вперившись взглядом в снимок. На него глядеть безопаснее, чем на Змееныша. Уж больно лощеная морда его раздражает.

— Замечательно.

Меня даже за щеку ущипнули.

Идиот.

— Он проникнется к тебе любовью.

Я думаю, после хорошей дозы приворотного любовью можно не то, что ко мне, к козе проникнуться. Сказывали, был у нас в городе один умелец, который то ли перепутал что, то ли решил на досуге сам помагичить. В общем, тоже.

Проникся.

Хотя и не к козе, а к кобыле, но та не оценила.

— Однако, Милисента, это еще не все. Ты ведь помнишь, что замужем.

Своевременно он спохватился. К замужней женщине проникаться любовью как-то неправильно, что ли?

— И нужно разрешить это затруднение.

Киваю.

— К сожалению, нам не удалось найти твоего мужа. Однако мы полагаем, что он сам появится.

Полагают они.

Я так почти уверена, что появится, если не муж, то Эдди, а скорее всего вдвоем. Вот весело-то будет...

— Поэтому ты должна быть очень и очень внимательна. Твой муж, вероятно, использует чары или маску, или и то, и другое.

Конечно. Он ведь не полный дурак.

— И опознать его так сразу не выйдет. Но ты ведь узнаешь его, верно?

Надеюсь.

— Узнаешь и покажешь нам.

— Как?

— Вот, — на ладони Змееныша появился маленький голубой цветок. Незабудка, вроде. Хотя я в цветах совершенно не разбираюсь. — Отдай это ему. Скажи, что тебе удалось переговорить с Августой.

Та безмятежно улыбалась.

— И она желала бы оставить наш дом. Что ей известно, как выйти отсюда. И что нужно лишь дождаться, когда она сможет покинуть торжество.

И ждать лучше где-нибудь в тихом месте, где меня быстро и безболезненно сделают вдовой, чтобы вручить после очередному несчастному.

Но киваю.

Цветок из металла, похож на обломок то ли броши, то ли подвески. Но силы в нем не ощущаю. Зелье? Отрава? Еще что-то?

Хрен его знает.

Но киваю.

— Вот и умница. Смотри, Милисента, я на тебя надеюсь! — он распрявился и венец, слегка сбившийся набок, поправил. — Мы все на тебя надеемся!

Главное, в конец не обнадейтесь.

— Иди, — сказал Змееныш.

И я пошла. Слегка покачиваясь, потому что от чужой силы в голове шумело, сдерживая желание почесаться и другое — прибить ублюдка.

Рано.

Терпение, Милли, терпение.

Беда лишь в том, что терпением я никогда-то не отличалась.

Глава 27. О выборе и новом мире

У дома стоял огромный механомобиль угольно-черного цвета. Длинный нос, сияющие хромом патрубки, что вились змеями, пара труб.

Широкие колеса.

И обтянутые бархатом кресла, установленные в ряд.

— Отец как-то озаботился транспортом, — сказал Странник, словно извиняясь за это чудовище, что пыхало паром и грохотало. — На големах не всегда удобно, а лошади здесь не выживают.

Он набросил пропитанный алхимическим составом халат.

— Прошу, присаживайтесь.

Чарльз не заставил себя уговаривать.

Пахло внутри деревом, огнем и алхимией. Эдди забирался осторожно, явно опасаясь разломать что-либо, но внутри оказалось довольно просторно.

Странник нацепил очки.

— Поехали, — сказал он, трогаясь с места.

Мобиль взревел, пыхнул огнем и паром. Чарльз ощутил, как за клубились, завихрились силовые потоки, расползаясь по жилам рун.

Интересная штука.

— Чертежи сохранились? — поинтересовался он, вцепившись в цилиндр обеими руками.

— Что? А... да, где-то есть... отец думал, что заинтересует многих, но здесь и ездить особо некуда... то есть, те, кто могут позволить себе такой мобиль, предпочитают големов, а прочим он не по карману.

Мобиль катил мягко.

Улицы сменялись улицами. И тревога росла.

А если они опоздали? Если случилось что-то... что-то непоправимое. С Милисентой. Чарльз себе в жизни не простит.

— Обсядь, — сказал Эдди, вытащив из нагрудного кармана знакомую косточку, которую он вертел в руках. — Все нормально.

— Откуда ты знаешь?

— Башня ведь цела, — он пожал плечами. — Поверь, если б этот урод решил тронуть Милли, мы бы услышали.

Помолчал и добавил.

— Весь город услышал бы.

Это... не успокаивало. Совершенно.

Меж тем узкая кривая улица вдруг выпрямилась и раскинулась, потеснив прижавшиеся к ней дома. Да и те преобразились, сделавшись чище да аккуратнее. Вот и вовсе появилась в них некая претензия на архитектурный стиль.

Портики.

Пилоны. Колонны. Что там еще положено? На этих улочках и дымом пахло меньше, или Чарльз уже привыкать начал? Главное, света здесь хватало.

Сияли окна домов. Светились фонари на железных столбах. И свет их падал на мостовую. А впереди показались башни.

— Верхний город, — крикнул Странник, ворочая рычагами. И механомобиль замедлил ход. Подумалось, что игрушка-то довольно заметная, и многие знали, кому она принадлежала.

А еще, что Странник не мог этого не понимать.

И выбрал...

Почему?

— Его еще Белым называют. Когда начинали строить, то оказалось, что местный камень добывать непросто. Здешние горы не любили ни магии, ни взрывчатки, вот и пришлось возить. А поблизости из каменоломен только силезский песчаник. Он белый.

Не совсем, скорее уж молочного оттенка, теплого, мягкого. И дома, сложенные из него, кажутся размытыми, как на старой акварели. Механомобиль замедляет ход, останавливаясь перед воротами.

— Дальше лучше пешком, — Странник сбросил и очки, и халат, вытащил цилиндр, с которого смахнул пыль. — Вы идите, по дороге и прямо.

— А ты?

— А у меня дела еще. Надо к другу заглянуть. Не волнуйтесь, я появлюсь в свое время.

Эдди хмыкнул, и не понять было, что он думает по поводу сказанного. Вот он повел тяжелой головой вправо и влево.

— Идите, здесь сложно заблудится. Изначально город строился по плану. Это уже потом, когда сам стал прирастать, то и пошло, кто и во что горазд. Надо было бы перестроить, но слишком многих это бы задело. Вон, — Странник указал вперед. — Самая большая башня. Это Башня Мастера-Основателя. Дядюшка говорит, что тот был на редкость самолюбивым засранцем.

Башня высилась впереди. Она казалась огромной и неуклюжей, чересчур уж толстой, а еще слегка наклонившейся вправо. Над башней висела луна, словно желая подсветить эту белую громадину. Ну да, вдруг кто-то не увидит.

— Её возвели первые механомы, без участия магии, что на то время само по себе поражало, — Эта башня воплощала в себе саму идею великого мира, который возможен, если не вовсе без магии, то с малым её участием.

Только с миром как-то не сложилось.

— Идем, что ли? — произнес Эдди, разглядывая башню. — Здесь мне еще бывать не случалось.

Дорога.

Широкая. Дома. И на сей раз укрытые за оградой. Пара деревьев, что казались чужаками. И люди. Сперва их было не так и много, но чем ближе подходили к башне, тем больше их появлялось.

Фраки.

Цилиндры. И маски. Чарльз вдруг осознал, что ничем-то не выделяется среди них. Это, наверное, хорошо, но не отпускало чувство категоричной неправильности происходящего.

Все эти мужчины... они и вправду пришли сюда, чтобы найти жену?

Чушь какая.

Там, в столице, никто не спешил с женитьбой. Напротив, всеми силами стремились избежать её. А здесь очередь. В прямом смысле слова. Вытянулась черная вереница по лестнице. Лестница старая, с высокими неровными ступенями, а главное, охраняют её до боли знакомые львы — точная копия тех, императорских, которые уже не одно столетие охраняют покой дворца.

И в этом вновь же чудится насмешка.

Эдди идет первым.

Билет ложится на поднос, чтобы исчезнуть. Магическая проверка подлинности? И не жаль силы. Выходит, что не жаль. Собственный Чарльза, выписанный на имя некоего Вильгельма де Бри, тоже вспыхивает, прежде чем рассыпаться пеплом.

Внутри сумрачно.

— Мы рады гостям, — их встречает женщина в темном строгом платье. Её лицо скрывает полумаска, и Чарльз видит лишь белые ровные зубы. — Прошу вас помнить о правилах. Человек, их нарушивший, навсегда лишится своего шанса.

Её голос перекрывает иные и легкая хрипотца в нем царапает натянутые до предела нервы.

Коридор.

Двери, распахнутые настежь.

Зал.

Обыкновенный бальный зал. Сияющий паркет. Зеркала, что искажают пространства. Колонны. Цветы. Музыка. Музыка доносится откуда-то издалека и царапает своей легкой неправильностью. Чарльз даже остановился, пытаясь понять, что же не так.

Не понял.

Просто неправильная. Или, точнее, слишком уж правильная. Выверенная.

— Твою ж, — прошептал Эдди, засовывая палец в ухо. — Извини. Напрягают меня эти механические штучки.

— Оркестр?

— Оркестровый ящик. Помнится, говорили, что его сделают меньше и ставить будут в любом трактире. К счастью, пока не сделали.

Тогда понятно, что не так: вся эта механическая выверенность мелодии убивала её напрочь.

Чарльз попытался отрешиться. Получалось плохо. Эк он... одичал, однако. Бал. Просто бал. Он что, позабыл, каково это?

— На вот, — Эдди сунул в руку бокал с чем-то. — Пить не рекомендую, мало ли, но держи на всякий случай.

Музыка прервалась.

Загудели трубы, застучали барабаны и люди, собравшиеся в зале, повернулись к дверям на другой его стороне. Чарльз тоже повернулся.

Двери открылись, выпустив человека в раззолоченных одеждах. В руках тот держал длинный посох, которым ударил по полу:

— Его Императорское величество! Истинный владыка мира, повелитель племен, сотрясатель Вселенной.

— Вот что за манера, — тихо поинтересовался Эдди, — вселенную сотрясать? Живет себе она спокойно, так нет, каждому потрясти надо.

— Это для величия, — Чарльз с интересом наблюдал за охраной.

Наемники. И весьма неплохие, но не хватает им изящества дворцовой гвардии. Да и воспитания тоже. Гостей теснят, пробивая проход через залу.

А вон и трон потащили.

Могли бы, к слову, и заранее озаботиться, а то выглядит это как-то... глядя на суету, Чарльз сполна осознал, что прав был Дэн. Не Змееныш затеял эту игру. Он и прием-то толком организовать не способен, куда уж за приличный заговор браться.

Трон грохнули у стены, причем слегка косовато.

Рядом поставили еще один стул.

Наемники встали по обе стороны. Забавно. Будто представление Чарльз смотрит, причем отнюдь не в Императорском театре. Там хотя бы форму актерам по фигуре подгоняют. А тут...

Прокатилась красная дорожка.

— Вижу, и вы здесь, — произнес в полголоса человек с бокалом и бокал приподнял. — Признаться, я несколько обеспокоился, обнаружив ваше внезапное исчезновение.

— Случайно вышло.

От человека тянуло характерной мертвой силой.

Орвуд.

И тоже в маске.

— Как вы...

— Мне, конечно, далеко до сестры... сестер, однако кое-что я вижу. Вы несколько изменились. Огня стало больше. И силы. Стало быть, процесс идет.

— Какой?

— Единения. Подобные браки не просто так называют абсолютными.

— Впервые слышу.

— Вернемся, отправлю кое-какие книги... из тех, которые ныне сложно найти.

— Запрещенные?

— Отнюдь. Просто... многое из того, что было доступно прежде, ныне считается утратившим актуальность. Смотри. Хорош.

Снова затрубили трубы и так, что просто-напросто оглушили. Грохот барабанов заставил Эдди поморщиться и снова засунуть палец в ухо.

Но зато появился Император.

Преисполненный чувства собственного достоинства, прямо-таки распираемый им, он медленно ступал по алой дорожке. Свет отражался в драгоценных камнях, украшавших парадное его одеяние. Золотое.

Золотая парча.

Атлас.

Золотой бархат. И золотое шитье поверх. Топазы. Алмазы.

— Сейчас ослепну, — проворчал Орвуд.

Золотой плащ волочился по дорожке. Золотая корона, весьма неплохая копия Большой Императорской, которую извлекали исключительно по праздникам, возлежала на голове. А ведь, если и вправду золотая — Чарльз был почти уверен в этом, слишком самолюбив засранец, чтобы ходить с незолотой короной — то весит она прилично.

За Императором следовали... жены?

Чарльз заставил себя стоять спокойно. Смотреть.

Алые платья.

Золото.

И корона на голове Августы, на сей раз больше похожая на обыкновенную диадему. Сама Августа... болезненно-бледная, но выражение лица возвышенное, одухотворенное.

Сиу смотрит в спину Змеенышу. И взгляд отнюдь не преисполнен любви.

Что-то не так?

Орчанка вот улыбается. И эта её улыбка заставляет Дика ворчать.

— Тише, мой друг, — некромант выглядит безмятежным. — Полагаю, скоро мы проясним некоторые... нюансы происходящего.

Орк облизывает клыки.

И удар гонга заглушает ответ.

Император, достигнув трона, в который явно переделали какое-то кресло пороскошной, повернулся к людям.

— Добро пожаловать! — усиленный магией голос его разнесся по залу. — Я счастлив видеть людей, которые собрались под кровом сего дома, дабы вместе со мной создать новый прекрасный мир.

У Чарльза заныли зубы.

— Весьма скоро мы выйдем отсюда, чтобы нести свет знаний! И исполнить заветы великого Родда! Мы вернем в мир магию!

— Он вообще понимает, что говорит? — поинтересовался Орвуд, разглядывая Императора с немалым интересом.

— И каждому воздастся по заслугам его!

— Сомневаюсь, — ответил Чарльз.

— Но пока! В миг, когда перемены близки, стоит задуматься о главном! О любви в ваших сердцах! Пусть расцветает она, пусть случится то, чему предначертано.

— Знаешь, я думал, что мы с отцом не сильны в риторике, — Орвуд отвел взгляд. — К слову, мне вернули перстень. С извинениями.

— Даже так?

— Не стоит отворачиваться. Он довольно внимателен.

— Знакомы?

— Пришлось, — Орвуд коснулся губами бокала. — Мы вернулись в гостиницу. А на следующий день получили приглашение. Я получил. И был удостоен встречи с... Учителем.

Он все-таки умудрился одним словом выказать собственное отношение к Змеенышу.

— ...и пусть каждый из вас получит то, чего желает!

Грянули трубы.

Застучали барабаны.

— Меня приняли весьма любезно. И полагаю, с расчетом на то, что я оценю всю прелесть сделанного предложения.

— И что же вам предложили?

— Жену, — Орвуд кивнул кому-то в толпе. — Знакомые лица, однако. Узнаете, Чарльз?

— Кого тут можно узнать.

— Ах да, конечно... знаете, у меня есть некоторое преимущество, а потому просто поверьте, здесь хватает людей, которых я не ожидал увидеть в подобном месте.

— Зачем ему вы?

— Я? Сам по себе не знаю, но Орвуды всегда верно служили короне, — он повернулся, чтобы поставить бокал на поднос проходившего мимо лакея. — Полагаю, он понимает, сколь нелепы его притязания. А потому спешит заручиться косвенными знаками своей легитимности.

— И вы...

— Пока не дал ответа. Я ведь растерян. И смущен. И еще немного обижен. Вам ли не знать, сколь сложны эти светские игры. Обещал подумать серьезно, особенно, если предложенная мне женщина придется по нраву.

— Бред.

— Несомненно, но... взгляните, они ведь пришли не просто так. Они ему не то, чтобы верят безоговорочно, но очарованы. Он говорит то, что они хотели бы слышать.

— И обещает жен.

— И дает. Таких жен, которые способны родить одаренных наследников, а это, знаете ли, немало. Еще, говорят, что его жены послушны, покорны и готовы на все ради мужа. Правда, подозреваю, что не совсем ради мужа, но... это нехорошо, Чарльз.

Еще бы.

Меж тем опять завопили трубы, и Эдди поморщился. Но теперь в дверях появились девушки.

Много девушек.

Очень много девушек, в первое мгновение показавшихся похожими, что сестры. Одинаковые платья. Одинаковые прически. Одинаковые бледные лица с сияющими глазами.

Сердце пропустило удар.

Милисента!

— Не спешите, — Орвуд перехватил Чарльза за локоть. — Они выбирают. Как мне пояснили, женщины несут искру дара, разбуженную Наставником.

Наставник вытянулся на кресле, закинув ногу за ногу. И наблюдал за происходящим.

— И потому они делают выбор. Правда, люди, которые очень ему нужны, могут на него повлиять... скажем, изложить свои желания.

— И вы?

— Если все вышло так, как должно, она сама к нам подойдет.
Легче от этого не стало.
Вот нисколько.

Глава 28. В которой рассказывается о балах и кладбищах

Я как-то вот сразу осознала, что на балах мне не блистать.

Шумно.

Людно.

Что-то там играет, гудит... нервно переминаются невесты, все до одной одинаковые, и только дрожащие пальцы Салли — интересно, это её настоящее имя? — обхватывают мою руку. Я бы хотела сказать, что все будет хорошо, но они, невесты, молчат.

И я молчу.

Оборачиваюсь. Едва заметно киваю.

И совестно, потому что я сама не уверена, выйдет ли хоть что-то из нашей затеи. На корсаже поблескивает синими камушками цветок незабудки. Салли сказала, что это незабудка, и я поверила.

А у меня голова болит.

Ну нельзя вот так с живым человеком! Час мучили. Драли, чесали, выплетали чего-то, скалывая булавками, и еще поверху мазали чем-то донельзя липким и пахучим. Оно, схвативши волосы, что клей, застыло. И теперь эта вот, наклеенная, голова, здорово раздражала. А еще не отпускал страх. Вдруг да они и останутся такими, клееными?

Или вовсе отойдут.

И буду я лысой.

Красавицей, мать её.

— Девушки, — перед нами появилась женщина в темном платье, окинувшая нас строгим взглядом. А ведь она не замороженная. Точно. Я уже научилась различать. У этих, которые стоят со мной, глаза будто туманом подернутые. А распорядительница иначе смотрит.

Придирчиво.

Раздраженно.

Вот она хлопнула в ладоши, и невесты вздрогнули.

— Идите и помните, что вы должны сделать!

И она отступает, а мы... мы идем. В первое мгновение я совершенно теряюсь. В книгах балы другие. Распрекрасные. Правда,

хоть убей, не помню, чего же в них на самом деле прекрасного, но вот писали же ж.

Тут...

Пахнет людьми. Нет, не потом. Скорее уж той тяжелой смесью запахов, которая случается, когда смешать многие ароматы вместе.

Улыбаться, Милли.

Взгляд мой скользит, отмечая.

Вот Змееныш.

Золото. Много золота... все-таки драконья страсть?

Августа в алом платье. Сидит, возложив руки на живот. И вид гордый, что у королевы. Определенно, она мне не нравится, ну да не важно, как-нибудь уживемся.

Надеюсь.

Сиу.

Стоит за спиной Августы, возложив руки на спинку кресла. И рядом с нею орчанка. На ней алое платье смотрится нелепо. Но кто скажет?

Не я точно.

Уж больно мрачное у нее выражение лица.

Неужели...

Сиу никогда не любили орков. Насколько я знаю. Но людей они не любили еще больше, что уж говорить об одном конкретном, на которого орчанка поглядывала так, будто примерялась, как половчее раскроить его больную голову.

Улыбаюсь.

Музыка.

Люди. Сколько людей. Я столько разом и на ярмарке не видела! Или нет, все же на ярмарке больше было, только они там попроще. А тут... если мы в белых платьях с цветочками в волосах, то эти все до одного при фраках. Фраки черные. Перчатки белые.

Маски опять же.

Как понять, где там Орвуд? Или Чарли? Я едва не сделала шаг назад, поддавшись панике. Как я найду мужа-то? Или...

Взгляд зацепился за высокую фигуру орка.

Конечно! Орвуд! Где Разбиватель голов, там и Орвуд будет, а с ним уже и потолковать можно. Некромант показался мне человеком здоровым.

Поможет.

И я решительно направилась через толпу. Пришлось и локтями поработать.

— Доброго дня, — сказала я некроманту, которого все-таки узнала. Тянуло от него мертвечиной, не в смысле запаха, скорее уж силы.

— Скорее уж вечера, — он поклонился.

Я присела, как матушка когда-то учила, хотя у нас, в городе, никто такой дурью не мается. Но матушку не хотелось обижать, и вот, выходит, пригодилось умение.

Кто бы знал...

— Несказанно рад вас видеть! — воскликнул некромант, локоток оттопыривая. А я... я вдруг поняла, что Чарли рядом.

Вот где-то здесь.

Близко.

— Не стоит столь активно вертеть головой. За вами наблюдают, — сказал Орвуд.

— Кто? — я в ручку вцепилась.

— Понятия не имею. Но я бы наблюдал.

Ну да, умные все вокруг.

— Мне вас приворожить велено, — призналась я.

А Эдди где? Я тоже его чувствую, знакомую родную силу, но увидеть не получается. И как увидишь, если гляжу только на некроманта и улыбаюсь изо всех сил.

— Что-то подобное я и предполагал. И думаю, зелья нестандартные. Стандартные на мне не сработают.

— Сиу делала.

— Это да... их творения изучены столь же мало, сколь и сами сиу. Не хотите ли потанцевать?

— Нет.

— А придется, — меня перехватили и как-то так, что прямо пнуть захотелось. — За нами все-таки наблюдают. Я чувствую внимание.

— Это Чарли.

— И не только. Ваш супруг почти готов вызвать меня на дуэль.

Почему-то слышать такое было приятно.

Дуэль.

Сразу видно интеллигентных людей. Наши только морды били. А тут... дуэль.

— Спину держите прямо и голову чуть поверните. А выражение лица... представьте себе что-нибудь приятное.

— Что?

— Откуда я знаю, что для вас приятно?

— А вы что обычно представляете?

— Кладбище, — музыка заиграла, и некромант потянул меня куда-то. Я и пошла, правда, едва не споткнулась, наступив себе на юбку.

— Приподнимите их, да, второй рукой. Дама одной рукой опирается на кавалера, а второй придерживает юбки, чтобы не мешали.

— Кладбище, значит? — я вцепилась в хрустящую от накрахмаленного кружева ткань.

— Тихое уютное кладбище. На таких очень спокойно. И думать приятно. Не так высоко.

— Что?

— Юбки не так высоко задирайте, это может быть воспринято несколько... превратно.

— Ага, — я руку опустила и наступила Орвуду на ногу. — Извините.

— Ничего страшного. Но учителя танцев нанять стоит.

Еще и танцев.

— На Востоке довольно много значения придают умению танцевать. Постарайтесь просто расслабиться и не думать.

Я постаралась.

И снова наступила. Так, кладбище... тихое уютное кладбище, где я похороню Змееныша, из-за которого сейчас чувствую себя полной дурой.

— Вот так, все хорошо... кружимся. Милисента, не сопротивляйтесь.

Я пытаюсь. Но он то влево тянет, то вправо! То вообще на месте поворачиваться заставляет. Я может вся изнервничалась, пытаюсь понять, куда мне все-таки идти. А что ноги оттоптала, так сам виноват, если определиться, влево или вправо, не может.

— В вас есть врожденное изящество, и чувство ритма неплохое, — попытался утешить Орвуд, — нужно лишь немного практики и, уверен, все получится.

Мне бы его уверенность.

— А теперь сделайте вид, что вам дурно.

Это как?

Я закатила глаза...

— Не до обморока, просто веер раскройте и помахайте.

Веер?

А, точно! Повесили на пояс и такую штуку. Еще подумала тогда, что матушке бы понравилось, кружевной, хрупкий.

Я сняла, хоть и не с первого раза. Все-таки с револьверами проще, чем со всею этой красотой.

— Вот так, обопритесь на мою руку и говорите...

— О чем?

— О чем хотите.

— О кладбищах? У нас тоже есть.

— Они везде есть. Улыбайтесь, но так, будто очень устали.

Я и вправду жуть до чего устала, что от музыки, которая нервы мои мотала, что от танцев, что от лицемерия этого.

— Сейчас я выведу вас на балкон и оставлю ненадолго, скажем, схожу за пуншем.

— Пунш пить не стоит, — на всякий случай предупредила я и подумала, что как-то этот момент мы с сиу упустили. Ладно, на замороженных моя кровь подействует, а на остальных?

Если тоже подействует?

И каким образом?

— Не буду.

Балконы здесь были, узенькие и тесненькие, что ласточкины гнезда. И доверия им никакого. Я глянула. Город и земля терялись в темноте, внизу, и мелькнувшая была мыслишка сбежать, попросту спустившись вниз, сразу утратила привлекательность.

— Не скучайте, — некромант откланялся. А я... я осталась одна. Правда, ненадолго. Я... я и вправду узнала его. Даже в маске. Маска ему идет.

И этот фрак.

И...

— Теперь ты и вправду на графа похож, — сказала я первое, что пришло в голову. И почему-то покраснела. Прямо чувствую, как всю в жар бросило.

— А ты на графиню.

— Смеешься?

— Нисколько. Ты красивая.

— Это ты просто одичал здесь, на западе, вот и отвык от нормальных женщин, — я протянула руку и коснулась человека, который... который стал близок?

А он поймал мои пальцы. И странно чувствовать его тепло даже сквозь тонкий шелк перчаток.

— Тогда хорошо.

— Что хорошо? — спросила я почему-то шепотом. А он... это на балконе места мало.

— Что отвык. Привыкший, я бы тебя, возможно, и не увидел бы. И жил бы дальше дурак дураком.

Мы близко друг к другу.

Это балкончик тесный. Именно. И... и я просто беспокоилась.

— Я испугался.

— Я тоже.

— Молли?

— Она... в общем, там сложно все. И тут тоже. Мне приказали тебя искать.

— Тогда ты нашла.

— Он думает, что я — как они. Он привык, что любую может заморочить. Вот и... даже сомнений не возникло. Повезло, да?

— Повезло.

Он осторожно касается моего лица. И тепло вновь же будоражит. Это уже бабочки в животе или еще пока гусеницы? Главное, беспокойно так.

И стыдно.

Страшно самую малость. Хотя что может быть плохого в том, чтобы целоваться со своим мужем? Особенно, когда никто не видит.

А заговоры... заговоры обождут.

Никуда они не денутся.

И потом мы просто стоим, я опираюсь на него, он... он обнимает меня. Молчим. Наверное, надо что-то сделать, сказать и рассказать...

скоро здесь воцарится хаос или, наоборот, ничего не произойдет. И тогда как? Мыслей в голове слишком много, а я просто стою и стараюсь запомнить это мгновение.

То, чем пахнет от его костюма.

И от него самого.

Его тепло. И дыхание. И то, как бьется сердце. Силу, которая такая родная, близкая. А время тянется, тянется, словно сочувствуя.

И я вздыхаю.

— Все будет хорошо. Мы... что-нибудь придумаем.

— С чем?

— Со всем.

Тогда ладно, если что-нибудь. Что-нибудь — это веский аргумент. И я киваю. Верю. Придумаем. Обязательно. Пальцы касаются треклятой незабудки.

— Твоя сестра... она велела отдать тебе вот это. И еще сказать, что будто она ждет. Что... выведет нас, но это неправда.

Мне вдруг становится страшно. Вдруг он решит, что я вру?

Или что ей можно поверить.

— Это от броши. Я заказал её на шестнадцатилетие. Взял её акварель и отнес ювелиру, а тот сделал брошь. Только она сломана, — Чарльз нежно погладил цветы. — Куда мне нужно уйти?

— Никуда.

— Не бойся, я ведь все-таки маг.

А я дракон, ну хотя бы там, во снах. И моя кровь способна помочь, только судя по всему ничего не происходит.

— Извините, — Орвуд откашлялся, и я дернулась было, но Чарльз лишь крепче обнял.

— Знаешь, — сказал он презадумчиво. — Мне очень хотелось сломать тебе руку. Или сразу обе.

Орвуд почему-то рассмеялся.

Все-таки странные они люди, некроманты.

— Ты ведь понимаешь, что идет игра?

— Мне она не нравится.

— Она никому не нравится, но игра началась. Знаешь, кого я встретил? Правда, он сделал вид, что меня не узнал.

— Кого?

— Блайдена. Старшего. И вряд ли он явился сюда за женой. Помнится, он счастливо женат. И детьми его боги не обидели. А вот старшенькому как раз время подошло.

— Это тот, который...

— Седьмой в очереди на престол. А еще его род славится верностью, что навевает вовсе уж нехорошие мысли.

Чарльз выругался.

А я ничего не поняла, только почувствовала, как крепнет желание все тут разнести. Стояли себе тихонько, никому не мешали, но надо же ж...

— А еще ходили слухи, что дочь Блайдена вынуждена была покинуть город. То ли в пансионат отбыла, то ли здоровье поправлять.

Чарли опять выругался.

— И что делать станем?

— Хороший вопрос. Я думал, что мог бы уйти, но...

— Не уйдешь.

— Девочка не сама уехала, как и помолвку расторгла отнюдь не по своей воле. Так что я по-прежнему несу за нее ответственность.

Чарльз склонил голову.

— Я её не видела, — сказала я. — Но я видела не всех. А Салли говорила, что некоторые девушки исчезали. Кто-то умирал.

Я осеклась.

Смолчать?

Это неправильно. В корне неправильно.

— Что-то с беременностью не так было.

— Я знаю, — Чарльз ответил тихо. — И знаю, как помочь. Теперь знаю.

Хорошо. Аж дышать легче стало. Августа мне все еще не нравится, уж не знаю, почему, потому как она-то не виновата, она вообще не соображает сейчас, как не соображала Салли и сиу тоже. Но не нравится и все тут.

Ревную?

Наверное. Может, невесте Эдди, если такая все же случится, я тоже не понравлюсь. Пускай. Главное, чтобы ей Эдди нравился. Ну и она ему. А что до Августы, то смерти ей я точно не желаю.

— Хорошо. Значит, надо дождаться, когда она уйдет. И... пунш уже пьют?

Ответом на мои слова стал протяжный женский крик.
Кажется, началось.

Глава 29. О ревности, тайных комнатах и неожиданных встречах

Кричала девушка.

В белом платье. С белыми тряпичными цветами в волосах. Еще недавно хрупкая и восторженная, она стояла в центре зала, сжав подол платья в кулачках, запрокинув голову так, что видна стала шея с тонкими прожилками сосудов.

Голос ее звенел.

И перекрывал, что музыку, что шепот. Мужчина, стоявший рядом, державший девушку за руку, растерянно смотрел на неё.

Кто-то подошел и выплеснул в лицо девушке стакан воды.

Крик оборвался.

Она поднесла ладони к лицу. Коснулась его, будто не веря, что это собственное её лицо. А потом мешком осела на пол.

Вот тебе и чудо возвращения.

Раздался еще один вскрик. И снова обморок.

Змееныш привстал, пытаясь разглядеть, что там происходит.

— Это... это... убери свои руки! — резкий окрик разрушил воцарившуюся тишину. — Твою ж...

А милые девы в белых платьях и выразиться способны, так, с душой, наглядно демонстрируя всю глубину постигшего их разочарования. Еще мамаша Мо говаривала, что опасно разочаровывать девиц.

Я почесала кончик носа.

А дальше-то что?

— Ты! — визг резанул по ушам. — Это... это он все!

Ропот.

И ропот нарастает. Взвизгивает скрипка, чтобы замолчать на полуноте.

— Прошу прощения, — сказал Змееныш. — Произошло что-то... непредвиденное.

А то, предвиденное не произошло бы.

— Я прошу прощения...

— Он! — визг заставил типа в черном фраке подпрыгнуть. — Это... это он виноват!

И через зал полетела туфля. Женская.

— Идем, — я схватила Чарльза за руку. — Сейчас самое время...

— Боюсь вынужден просить всех гостей покинуть дом, — туфля упала, не долетев до трона. Но этого засранца туфлей не зашибешь, тут что-то посерьезней надо бы. — Мы продолжим в другой раз и уверяю.

— Сволочь!

Вторая туфля почти долетела.

— Скотина...

— Идем же, — я дернула Чарльза, который крутил головой, пытаюсь разглядеть, а сама подумала, что пунш в этот раз получился отменным.

* * *

В белоснежном платье и с венком в волосах Милисента выглядела на удивление красивой. Настолько красивой, что сердце заныло, а в душе колыхнулась черная пелена ревности.

Вот она идет.

Улыбается кому-то. Не ему. Вот ищет взглядом. Его ли?

Останавливается.

И принимает руку Орвуда, шагнувшего навстречу. Позволяет вывести себя в танец. Танцует она не слишком хорошо, сказывается явный недостаток практики, который не заменить природной грацией. А движения у Милисенты плавные, текучие.

На них хочется смотреть.

На неё.

А Орвуду руки оторвать. Но танец останавливается, и он, согласно договоренности, выводит Милисенту на балкон.

Там, над городом, кажется, что ничего-то нет. Ни прошлого, ни будущего, ни забот, ни тревог, но лишь Чарльз и Милисента.

Губы её пахнут прериями.

И Чарльз теряется. Он совершенно не представляет, что говорить или делать, и потому молчит. Молчание длится, длится, но его не хватает, потому что мир возвращает их обратно.

Суэта в зале нарастала.

А Милисента тянула куда-то в сторону, вглубь.

— Августа...

— Сейчас она рядом со Змеенышем, — она втащила Чарльза в узкий коридор. — Надо кое-что забрать. Вернуть. То, что он украл. И твою сестру тоже. Если не ошибаюсь, эта сволочь сейчас попытается спрятаться.

Она смахнула прядку, выбившуюся из прически.

— А стало быть, и сестру свою приберет. Она же ему нужна.

Милисента огляделась.

— Черт. Забыла.

— Что?

— Где у него кабинет... погоди... сперва пойдем ко мне. Ну, туда, где меня поселили. А оттуда уже я выведу.

— Не стоит, — Орвуд смахнул с рукава пылинку. — Я прекрасно представляю, где находится указанное вами место.

Его еще не хватало.

— А... — Милисенда огляделась. — Эдди?

— Был со мной, — сказал Чарльз. — Но потом отошел, а куда... я потерял его.

— Потерял Эдди? — вот теперь она удивилась.

— К сожалению. На нем один артефакт, поэтому и вышло...

— Здесь он, — орк огляделся. С его появлением в коридоре стало тесно. — Там. Чую. Слушает.

— Что?

— Все. Говорит, что старый ваш знакомый велел спускаться до подвалов, что верх перекрыт будет. И чтоб, стало быть, поспешали. А он подсобит пока.

Орк медленно повернул голову влево, потом вправо.

— Вы-то поспешайте, а я ту...

— Нет, — Милисента вновь подула на прядку. — Вы тоже нужны. Вы ведь сможете услышать... ну, почуять вашу вещь?

— А то. Веди.

Вел Орвуд. Решительно так, с видом человека, которому не единожды случалось проходить по этим вот узким и прямым коридорам.

— Башня была построена по личному проекту Родда, — он шел и говорил, а Чарльз не мог отделаться от мысли, что болтает некромант лишь потому, как эту тишину слушать вовсе невозможно. — Так мне сказали при встрече. Типовые блоки. Типовые этажи. Они все

повернуты на единообразии. И остальные башни такие же. Унификация. Так это назвали. В теории унификация позволяет снизить затраты на строительство. А еще организовать города.

Местный был организован, мягко говоря, странно.

— При возведении кварталов из отдельных одинаковых домов можно сэкономить приличные деньги. И само жилье станет дешевле. Это даст возможность расчистить города и победить бедность.

Милисента хмыкнула.

— Здесь же есть лучи-коридоры, которые смыкаются в центре. Через всю башню проходит шахта, в которой движется кабинка на веревках.

Чарльзу уже не нравилось, как это звучит.

— Механизм надежный. И прелюбопытный. Я хотел приобрести чертежи. Полагаю, будет весьма удобен для подъема на колокольни.

Вот только о колокольнях сейчас и думать.

Где-то далеко раздается грохот, и все молча переходят на бег. Милисента подхватывает юбки, тихо матерясь. Ноги её в темных чулочках чудо, до чего хороши.

И...

— Тут! — она указывает на дверь. — Я вспомнила!

— Там, — прикрыв глаза, кивает орк и лицо его меняется, оно словно окончательно утрачивает всякое сходство с человеческим. Проступают иные черты, резкие, злые. — Есть. Зовет.

Чарльз вот ничего не ощутил, кроме, разве что...

— Погодите, — он встал перед дверью, по которой протянулась вязь защитного заклятья. Первый уровень. И делал его мастер. Стало быть, скорее всего артефакт, причем настроенный на кровь и силу. Взломать его... можно, но на это понадобится время.

— Вижу, — Орвуд шурится. — К сожалению, здесь я бессилен. Мои способности несколько иного плана.

А вот Чарльз...

Взломать не выйдет, но если поглотить... артефакт вряд ли настроен на уничтожение. Если Чарльз правильно понял, то Змееныш жадноват.

Мягко говоря.

Нет, он не стал бы рисковать.

Или вредить.

Он...

Чарльз протянул руки, осторожно коснувшись пальцами нитей. Главное, не потревожить. Вот так. Его собственная сила отзывается, пытаясь выплеснуться, стереть преграду, но это снова не то.

— Милли, обними меня, пожалуйста.

Просьба невозможная почти, но его обнимают.

— Я буду поглощать силу, но не уверен, что моего резерва хватит. Твой выше.

— И что делать?

— Тяни. Столько, сколько сможешь. Но сначала я...

Закрытие тревожно подрагивает. И наверняка, Змееныш скоро получит сигнал. А стало быть, не до церемоний. Чарльз делает вдох и на выдохе тянет эту чужую, искусственную силу, в себя. Она сперва сопротивляется, но стоило появиться первому разрыву, и силовой поток установился.

Ну же.

Наверняка используется накопитель.

Грохот внизу повторился.

Не отвлекаться. Не...

Накопители бывают нескольких видов по емкости. И если бытовые Чарльз мог опустошить, то на более сложный его не хватит. Не хватило бы. Если он правильно понял, то ныне его способности изрядно выросли.

Тянуть.

Сила горькая, как чай, который пил старый дворник и Чарльза потчевал, когда удавалось улизнуть из классов. Дворник не рассказывал о жизни, он и вовсе разговаривал мало, но просто наливал чай в гнутую жестяную кружку и бросал тулуп поверх старого ящика.

Там, в дворницкой, было тесно и странно пахло.

Сила колыхнулась.

И пошла волной. Первая? Первую Чарльз поглотил без остатка. Но нити не лопнули. Стало быть, запас еще имеется. Ну же, быстрее.

В дворницкой он почему-то гораздо меньше тосковал по дому. И проблемы, такие серьезные, неразрешимые почти, вдруг переставали волновать.

Вторая волна.

И... он почти на пределе. Сила наполняет. Переполняет. Сила выходит с кровью, которая вновь из носа хлынула. Смешная слабость. Все в его классе были куда как крепче Чарльза. А он вечно, чуть перенапряжется, и кровью паркет заливают.

Это злило.

Ничего, потерпит. Немного уже осталось. Рывок. И...

Сила уходит, проходит сквозь него, как вода сквозь песок. Дышать становится легче. А руки в тонких белых перчатках — Милисенте не идет белый, ей нужны яркие цвета, такие, как она сама — раскаляются. Они уже не руки, но угли, готовые прожечь костюм.

Чарльз отступает.

Его покачивает. И нос, снова этот нос.

— Возьмите, — Орвуд протягивает платок. — И был бы благодарен, если бы вы взглянули. Подозреваю, что ловушка здесь не одна.

Не одна.

По полу пролегла нить, но её Чарльз просто переступил. А вот Милисента присела, коснулась и... нить исчезла.

— Вот как ты это делал, — задумчиво произнесла она. — Теперь понятно. Там еще есть.

И здесь.

Он был параноиком, Уильям Сассекс-младший, Наставник, Император и просто ублюдок. Чарльз держал платок у носа, думая, что до чего же он все-таки жалок. А Милли гасила нить за нитью и, кажется, получала от этого немалое удовольствие.

— Осторожно, — голос звучал на редкость гнусаво. — Это может быть опасно.

— Я знаю, — она посмотрела снизу вверх, подбирая капли чужой силы. — Но... это даже не я.

— А что?

— Вот, — Милли вытасила нитку, на которой висел знакомый флакон. — Он голодный. Очень голодный.

Странно, но Чарльз не ощущал во флаконе ничего-то необычного. Древний. Красивый, пожалуй. Но обыкновенный. Впрочем, стоило Милли склониться над очередной сторожевой нитью, которая уходила куда-то в стену, как флакон вспыхнул.

А в стене появилась трещина.

Вертикальная.

— Я не нарочно, — сказала Милисента, сжав флакон в ладошке. — А это что?

Тайная комната.

Ну конечно, какой приличный злодей обойдется без тайной комнаты?

Чарльз осторожно коснулся створок. Ничего не случилось. Если и было сторожевое заклятье, оно сгнуло, растворенное Милисентой. Створки молча распахнулись.

Комната.

Именно, что комната. И довольно просторная. Стены обтянуты алой тканью, на которой поблескивают золотом короны и королевские розы. На полу — красный же ковер, толстый и темный. Стол, чьи львиные лапы утонули в ковре. Сам стол солидный, из тех, что не стыдно заводить в приличном доме. И стопка бумаг, и серебряная чернильница в виде быка, и лампа с золотым абажуром лишь добавляли солидности. Портрет Змееныша в императорских регалиях. За портретом, надо полагать, обнаружится сейф. Но сейчас Чарльза беспокоил не император.

Сейчас Чарльза беспокоил человек, который сидел за столом. И, кажется, нисколько не удивился появлению Чарльза.

Во всяком случае, человек этот поднялся, расцепил руки и, опершись на стол, сказал:

— Какой же ты неумный... внучок.

Глава 30. Где происходит встреча с родственниками и взламывается сейф

Чарльз закрыл глаза.

И открыл.

Комната. Красная. Теперь она кажется не роскошной, а будто кровью изнутри заляпана. Но никуда-то не делась, как и человек, в ней устроившийся. Он сел, откинулся на спинку кресла, разглядывая Чарльза с насмешкой. И столько уверенности было в его взгляде, что стало слегка не по себе.

— Значит, ты?

Дед пожал плечами.

— Не объяснишь?

— А надо?

— Нет, пожалуй, — Чарльз понял, что ему и вправду не слишком нужны объяснения. Да и что он надеется услышать? Что произошла случайность?

Что Чарльз все неверно понял?

— Вот и ладно, — дед встряхнул руки. — А теперь извини. Надеялся, что ты раньше сдохнешь. А то как-то... неудобно своего внука убивать.

И в Чарльза полетел ком заклятья.

Сила рванулась навстречу, сминая и поглощая чужую. Запахло гарью. И откат прошелся по покоям, разрушая остатки сторожевой сети.

— Надо же, а ты куда сильнее, чем казался, — дед все-таки встал.

Вовсе он не старик.

С чего Чарльз вообще взял, что он старик? Старше матушки, несомненно, но и она довольно-таки молода. А деду... сколько шестьдесят? Семьдесят?

Для мага немного.

— Это твой дедушка, да? — поинтересовалась Милисента.

А Чарльз выставил руку, отражая очередную атаку. Как-то... неудобно.

Места маловато.

И развернуться негде.

— Представишь даме? — дед пошевелил пальцами.

— Моя жена.

— Женился, стало быть...

— Так уж получилось.

— Нашел на ком. Девка без роду и племени...

Дед взмахом руки развеял ледяной ветер и сам же отправил новую волну.

— ...прямо как твоя мамаша. У меня на нее такие планы были, а она, дура, все испортила. И ты не лучше.

— Не лучше, — согласился Чарльз. — Я тоже все испорчу.

Сила текла свободно. Силы было так много, как никогда прежде. Сила вихрилась, туманила разум, но Чарльз отряхнулся. Не она ведет.

Он.

Справится.

И по лицу деда мелькает тень раздражения. Не ожидал? От этого становится неожиданно весело. Конечно... думал... на что он надеялся?

Или...

— Скажи, кто и кого нашел? Ты Змееныша или он тебя?

— Змееныш?

— Уильям. Сассекс.

— И в самом деле Сассекс? Не важно. Змееныш — хорошо звучит.

Сила у деда темная, густая, выдержанная. И управляется он ею ловко. Стены затлели, по красной ткани поползли нити огня.

— И главное, подходит, как нельзя лучше. Змееныш...

Огонь, рожденный магией, был вполне осязаем. Он вгрызался в ткань, норовя добраться до дерева, под нею скрытого. И это отвлекало.

— Скажем так, нас свели заинтересованные люди.

— В чем заинтересованные?

— В переменах, дорогой внучок. Мы слишком долго жили мирно...

— И ты стал нести убытки?

— К сожалению. Не только я. Многие... эти новые эдикты, указы, ограничения. Требования. Будто он забыл, кто есть опора трона.

— Император? Значит, в это дело? В порушенной гордости?

— Обязательная служба... и не в гвардии. На полях! Люди, которые вели свой род от первых поселенцев, должны будут работать на какую-то чернь!

Гнев выплеснулся темной волной. Грязной волной, которая доползла до ног Чарльза, попытавшись укусить, но вспыхнула и осыпалась жирным темным пеплом.

— Управление магическими ресурсами. Слышал?

— Нет.

— И не должен был. Дурацкий нелепый проект, но Парламент поддержит. Слишком его боятся...

Дед остановился и предложил:

— Поговорим?

— Передумал?

— Возможно, ты не такой и пропащий... силу имеешь.

— И что?

— Сила, — дед сжал кулак. — В ней все дело. Сила была дарована нам богами. И они поставили нас над прочими, дабы защищать и оберегать их.

— Где-то я это уже слышала, — в сторону сказала Милисента. — В тот раз все закончилось очень хреново.

В этот будет не лучше.

— И мы обязаны беречь эту силу! Мир спасет лишь чистая кровь. Но...

— Дети умирали, так? — Чарльз потер переносицу. Глаза слезились, то ли от дыма, то ли от вони, наполнившей кабинет. — Или не рождались? Те, которые вам нужны. И это было проблемой, пока не появился тот, кто готов был предложить решение.

— Именно.

— А мы тут каким боком?

Не стоит расслабляться. Дед... он не Змееныш.

Умнее.

Опытней.

И явно задумал что-то. Стоит, усмехается, глядит этак, снисходительно.

— Или... конечно, кто-то из моих кузенов собирается жениться? И полагаю, на дочери императора?

Голова чуть склоняется.

— Он неплохая ведь партия. Знатен. Происхождение безупречное. И с императором в родстве состоите, хотя и не таком близком, чтобы это стало помехой.

— Ты не так и глуп, как казалось.

Сомнительный комплимент.

— Репутация. Манеры. И внешностью кузенов боги не обидели... — Чарльз чувствует, как нарастает напряжение. И сила деда клубится на кончиках его пальцев. — Он сделал предложение и его приняли? И... дальше что? Родственник императора — это хорошо, но не настолько, как сам император... или принц-консорт? Если вдруг случится беда с императором и его наследником... кто следующий на очереди?

— Тот, кто полагает себя истинным наследником, — процедил дед.

— Значит, он был прав. Змееныш — лишь инструмент. А тебя он кем считает? Другом? Советником?

— Тем, кто приведет его ко власти.

— И полагаю, ненадолго. Так, чтобы все успели ощутить на своей шкуре всю его дурость. А потом появится герой и спасет страну.

— Именно.

— Августа же... ты мстил нам. Маме, мне... и Августе. Конечно, как же, мама должна была вернуться в отчий дом, покорная и несчастная. А она посмела жить себе и весьма неплохо. Еще и нефть на землях. Нефть ты ей точно не простил.

— Дрянь.

— Ну да... конечно...

Сила хлынула и...

Грохнул выстрел. Прямо над ухом. Так, что Чарльз оглох ненадолго.

— Извини, — сказал Эдди, убирая револьвер за пояс. С фраком тот не слишком сочетался. — Но мне этот придурок мертвым больше нравится. А то ишь, заморочил...

— Что?

— Глянь, — Эдди похлопал некроманта по щекам, легонько так, но голова того мотнулась, а глаза моргнули. И выражение в них появилось осмысленное.

— Что тут... — он потер лоб.

— Милли?

— Я ничего, — Милисента пожала плечами. — Я думала, что вы просто беседу беседуете.

С ревом встряхнулся орк.

— Это его дедушка, — сказала Милисента, указывая на покойника, лоб которого украшало ровное темное отверстие.

— Прости, — Эдди, кажется, смутился. — Я вас искал. Смотрю, стоите, слушаете этого вот... и не сдержался. Я ж не знал, что вы тут... по-родственному.

— Ничего, — Чарльз потер лоб.

А ведь ноет голова, такой характерной болью, которая случается после направленного воздействия. Дед был менталистом?

Дед...

Был.

И странно, что Чарльз не поддался внушению. Или поддался бы, но не сразу? Или... дело не в нем, а в Милисенте, которая стояла, разглядывала покойника с немалым интересом. Нет бы, как приличной девице, в обморок упасть.

Хорошо, что она — не приличная девица.

Тьфу, что за бред в голове-то?

— Внизу...

— Да, суета, — Эдди оглядел кабинет и, переступив через мертвеца, обошел стол. Портрет императора он попросту снял и, постучав по железной двери сейфа, который обнаружился за картиной, поинтересовался: — Динамит есть?

— Да... как-то не захватил, — признался Чарли, чувствуя себя отчего-то виноватым.

— Плохо. Я так вскрывать не умею. А ты?

— И я...

— Тоже плохо.

— Ну извини, я все-таки граф!

— Вот-вот, мог бы и научиться. У вас там, небось, сейфов всяко больше, чем на Западе... — Эдди постучал по дверце, покрутил замок и задумался.

— Позвольте мне, — сказал некромант, окончательно придя в себя.

— Умеешь?

— Есть одна мысль, но... попрошу вас отступить.

Орвуд задержался над телом, критически оглядев его.

— На будущее, если вас не затруднит, стреляйте в сердце. Или в живот.

— В голову надежнее.

— Но это делает невозможным допрос.

— Так покойник же.

Орвуд пожал плечами, мол, случается и такое:

— Порой покойника разговорить легче, чем живого. А он, полагаю, знал весьма многое... осмотрите стол, пожалуйста.

И Чарльз вновь согласился, что мысль здравая. Правда ничего-то толком обнаружить не удалось. Стопка чистых листов бумаги. Нетронутые перья. Чернильница, в которой не было чернил. Вот в нижнем ящике он наткнулся на папку, перехваченную алыми ленточками. Папка была толстой, а листы в ней — исписаны мелким почерком.

Чарльз завязки завязал и, подумав, кинул заклятье стазиса. Энергии возьмет мало, а всяко сохранней будет. Потом, в другом месте, почитает, что там и как.

Некромант же осторожно трогал дверь, так, будто опасался, что она ударит в ответ на прикосновение. Наконец он убрал руки, задумался ненадолго, а затем начертил на металле какой-то знак, который накрыл ладонью. Эхо силы, леденящей, тяжелой, Чарльз ощутил издалека.

От этой силы волосы на голове зашевелились, а орк заворчал и отступил.

Эдди нахмурился.

А Милисента почесала руку.

— Прибить его хочется, — заметила она невзначай.

— Не надо. Он полезный, — Чарльз присел у тела. Если у деда и были записи... а должны быть. Он — тварь хитрая. И осторожная.

Он бы не стал рисковать без нужды. Да и когда стал бы, приготовил бы запасной вариант, на случай, если заговор вдруг провалится.

Тогда бы... что бы тогда он сделал?

Чарльз поймал себя на мысли, что как-то совершенно спокойно, равнодушно даже, обыскивает покойника. Причем не какого-то там

постороннего покойника, а родного деда.

В душе ничего не шелохнулась.

Зато появилась мысль, что, в случае провала, дед объявил бы себя верным слугой короны, который втерся в доверие преступникам, желая разоблачить их заговор.

А значит... значит собрал бы доказательства.

Имена.

И факты. Расписки? Заметки? Что-то было бы. Но в карманах деда было пусто.

— погоди, — с упреком сказал Эдди. — Кто ж так обыскивает. Сразу видно благородного человека.

— Почему?

— В нычках нихрена не понимаешь. Ботинкиними.

— Ботинки?

Ботинки у деда были отменными, черная кожа и каблук. Зачем ему каблук? Он достаточно высокий. Впрочем, когда Эдди взял ботинок и согнул его, в подошве обнаружилась трещина. А из трещины на руку выпал камень.

Надо же...

— Учись, граф, — сказал Эдди со смешком. — Пригодится.

— Надеюсь, что нет, — камень был небольшим, но почти доверху заполненным.

Меж тем давление мертвой силы исчезло. Чарльз поднялся.

— Вот... я надеюсь, точно рассчитал толщину, — некромант стоял перед сейфом, по двери которого стремительно расползались пятна ржавчины. Металл на глазах желтел, покрывался узором разноцветных пятен, словно кружевом. Кружево рассыпалось жирными желтыми лепестками.

— Мда... — только и сказал Эдди. — Страшный ты человек. Подвинься... трогать можно?

— Можно, — Орвуд отступил в сторону. Меж тем процесс замедлился и остановился.

— Так... погоди, — Эдди примерился к двери, а потом шибанул по ней кулаком. Дверь хрустнула и в центре образовалась дыра, которую Эдди весьма деловито расширил. Металл, тронутый ржавчиной, сделался хрупким, и весьма скоро перед глазами собравшихся предстали полки.

На нижней аккуратной горкой лежали золотые слитки. Рядом обнаружился мешочек, который Эдди кинул Милисенте, а та, поймав, развязала. Блеснули камни.

Золотые украшения заняли вторую полку, и лежали они тесно, так, что казались одним сияющим комом. На верхней же приткнулась тоненькая папочка, доставшаяся Орвуду, и пара шкатулок.

— Где чье? — Эдди достал обе, взвесил и протянул одну орку. — Ваше.

— Сиу? — тот указал на вторую.

— Да.

Мелькнула мысль, что это ведь идеальный вариант. Почти бескровный. Сиу... они опасны. Воинственны. Кровожадны. У них свои правила и законы, и никогда-то не смирятся они с тем, что ныне земли их принадлежат людям.

Снова будет война.

И кровь.

И смерть.

И... и проще уничтожить то, что скрывалось в этой шкатулке. Тогда... тогда ведь не случится катастрофы, верно? Сиу просто перестанут рождаться. И когда-нибудь мир избавится от них вовсе.

— Нет, — Милисента покачала головой, и глаза её вдруг сделались желты. — Нельзя так.

Чарльз выдохнул и повторил:

— Нельзя.

Только... может, в этом дело?

Дед не просто собирался захватить власть. Новый император должен будет доказать, что силен и достоин трона. А как это сделать? Маленькая война.

И победа.

Сиу, орки, все те, кого там, на Востоке, полагают дикарями? Старый договор, который можно и нужно пересмотреть? Раз и навсегда освободив мир от нелюди.

По спине побежал холодок.

— Это надо вернуть, — сказал Чарльз и подумал, что даже нынешний Император не одобрил бы подобной щедрости. Это ведь... это удобный случай.

А он, Чарльз, оказался так глуп, что не воспользовался.

Не воспользуется.

— Надо, — согласилась Милисента. — Ты все делаешь правильно.

Хотелось бы верить.

Он собирался ответить, что-нибудь легкое, ободряющее, но не успел. Башня вдруг содрогнулась и раздался долгий душераздирающий скрежет.

— Твою мать, — сказал Эдди, прихватив пару золотых слитков, которые он сунул за пояс. — Кажется, они там башню сейчас обвалят!

Глава 31. О выгодных предложениях и злых колдунах

В коридорах было по-прежнему пусто.

Мы уходили. Я подняла юбки, ибо бегать в них так было просто-напросто невозможно. В руке сжимала мешочек с драгоценностями. Совесть немного мучила: нехорошо все-таки грабить живых.

С другой стороны, этот живой и сам-то от святости далек, так что как-нибудь перетерпит.

Мы уходили.

По пустому коридору к шахте, в которой не было кабинки, да и я не рискнула бы спускаться вот так. Благо, нашлась нормальная лестница.

— Что там вообще происходит? — поинтересовался Чарли, пропуская меня вперед. И смотрел так, с беспокойством. Оно понятно, мастера мастерами, а лестницу в башне сделали узкой, крутой. С такой навернуться — самое милое дело.

— Ну... сперва бабы с ума посходили, кто-то в обморок грохнулся, кто-то разгрохнулся... в смысле, встал.

— Я понял.

— Вот, и орать начал. Сперва одна, потом вдруг много и сразу. Их успокаивать пытались. А они визг подняли. Какая-то одному мужику в лицо вцепилась. Другая грозила Змеенышу оторвать... ну, то самое... плакали еще. Охрана пыталась вывести гостей, да тут... короче, Странник объявился. Императора свергать.

— Революция, стало быть?

— Ага. Она самая. Он там не один был, и я решил, что все одно толку с меня немного, а вам, может, помощь нужна.

Лестница... ненавижу лестницы. И юбки тоже. Чтоб я еще хоть раз в жизни... оборвать бы, но, чувствую, не поймут.

И скачу козой со ступеньки на ступеньку, думая лишь о том, как бы не сверзнуться.

— А револьвер откуда?

— Странник подсобил. На всякий случай. Видишь, пригодился.

— А Змееныш?

— Там был.

— Августа?

— С ним. Уж извини, но там такая толпень... наемники их держали, думаю, выведут. Только куда?

Башня вновь содрогнулась и на головы нам посыпалась мелкая крошка, заставляя двигаться быстрее. А то ж этак и вправду развалится.

Я опять задрала юбки, вечно они из рук выскользнуть норовят.

Но лестница закончилась.

Дверь.

И за дверью — коридор, просторный, мрамором отделанный. Там... люди. Бегают, суетятся, орут... кто-то кого-то то ли бьет, то ли пытается. Полный хаос. Я отступила, чтоб меня не сбили две девицы, вцепившиеся друг другу в волосы. От белых платьев их остались лохмотья, да и сами девицы изрядно поутратили красоты и кротости.

— Что тут... — Чарльз осекся, отмахнувшись от куска чего-то липкого, что угодило в плечо, растекшись по фраку липким кремом.

— Они свихнулись! — тихо сказала я, глядя как солидный господин с седой аккуратной бородкой, скачет козликком и весело размахивает цилиндром. — Я не знаю, что он сделал...

У стеночки сидел наемник и тихо горестно рыдал, баюкая в руках револьвер.

Мы осторожно прошли мимо. Обошли деву, что содрала и платье, и юбки, оставшись в одной нижней рубашке. Она кружилась, поднявши руки к потолку, и выглядело это жутковато.

— Точно, свихнулись...

— Слушайте меня! — этот голос прокрадывался в самое сердце, заставляя его сжиматься в страхе, что больше не услышу его.

Или наоборот, услышу.

— Слушайте меня...

Змееныш стоял на троне, покачиваясь из стороны в сторону, и был бледен. Драгоценная шкура его одеяний лежала на полу, на белой рубахе пестрели пятна.

— Вы все мои дети...

— Твою ж... — тихо сказала я, заткнув ухо пальцем. Мне самой-то хотелось слушать.

И смотреть.

И...

Раздался взрыв истеричного смеха.

И по спине моей побежали мурашки.

— Я вас всех люблю...

У подножия трона сидела Августа, глядя на Змееныша со странной смесью болезненного восторга и ужаса. Замерла сиу, скрутившись калачиком, зажимая уши. Орчанка стояла у стены, запрокинув голову, зажмурившись, а из глаз её текли кровавые слезы.

— Эдди...

Я вдруг обернулась.

— Эдди!

Широко распахнутые глаза и восторг, треклятый восторг в них.

Орвуд?

И он тоже смотрит на Змееныша, а тот, заметив нас, смеется. И снова смех его подобен разбитому стеклу, которое щедрой рукой сыпанули в ботинки. Тварь! Какая же он тварь!

— Вот и вы...

И снова этот голос, звенит, переливается.

— Ты обманула меня, Милисента, — сказала он, глядя на меня. И пальчиком погрозил. И все-то в зале вдруг замерли, обернулись, уставились на меня же. От взглядов их перехватило горло, дышать и то стало тяжело. — И что из этого получилось? Посмотри.

Он спрыгнул и пошел ко мне.

Неспешно так, совершенно уверенный в своей власти над людьми. И ведь он действительно властен над ними.

— Эдди, — я дернула брата за рукав, но он лишь моргнул. — Чарльз?

И этот в ступоре. Главное, смотрит на Змееныша с первозданным восторгом, которого этот убудок точно не заслуживает.

Орк? Застыл громадиной.

И вот... народу тьма, а подвиг совершать, так мне?

— Вы... вас следовало бы казнить. Как их... — он указал куда-то, и я увидела людей в одинаковых черных фраках. Все здесь в черных фраках, но у этих на груди были приколоты алые цветы. Люди сидели на корточках, тесною кучкой. Сидели, вцепившись в волосы, покачиваясь и... плакали?

— Они раскаиваются. И их раскаяние искренно... и даже он, посмотри...

Странник?

Я не узнала его сперва. Тоже фрак, тоже цветок в петлице, и упрямое выражение лица, которое то соскальзывает, сменяясь восторженным, то возвращается.

— Он пытается бороться, но его кровь слишком слаба. Знаешь, я ведь поверил, что с императорскими девицами ничего не выйдет. Надо было попробовать. Если они такие же, как этот, все бы получилось. А ты, выходит, куда как посильнее...

Еще шаг.

И смотрит прямо в глаза. И я смотрю. Что ж не посмотреть-то?

— Интересно... очень интересно... почти невозможно... но ведь все-таки... кто твой отец?

— Да так, один больной ублюдок.

— А мать?

— Достойная женщина.

— Не сопротивляйся, Милли, — он покачал головой. — Тебе же будет хуже. Всем им будет плохо...

А то им сейчас охренеть, до чего хорошо.

— Я ведь могу по-разному... скажем, вот так... — он щелкнул пальцами, и Орвуд вцепился себе в щеки. — Или, может, глаза? Он мне еще нужен, но и оставить предательство без последствий я не могу.

— Почему?

— Потому что это слабость.

— Нет, почему они опять? Они же должны быть... получить...

— Каплю твоей крови, чтобы скинуть морок? Да, у тебя вышло испортить праздник. А я не люблю, когда что-то идет не по плану... скажи, что с ними сделать? Хочешь, я заставлю их выколоть себе глаза?

Больной ублюдок.

Нет, ну почему вокруг столько больных ублюдков?

Это так... риторический вопрос.

— Или сжечь? — а ведь всерьез обдумывает. — Или... ты кого больше любишь? Мужа или брата?

— Обоих.

— Я позволю тебе выбрать, кто умрет, а кто останется жив...

Я отступила к Эдди.

Шаг.

И еще шаг.

Он стоит неподвижен, что столп. И меня не видит.

— Не надо убегать. Мы... мы можем договориться. Например, заключить договор.

— С тобой?

— Почему нет. Я оставлю им жизнь. Всем, заметь. И даже разум верну. Волю. В определенных рамках. В конце концов, я не кровожаден.

Ну да, не он плохой, жизнь такая.

Слышала уже.

— Если договоримся, то и им найдется место в новом мире.

Тоже достал. Чем его старый-то не устраивает?

— И чего ты хочешь?

— Ребенка.

От так сразу. Мы, считай, только познакомились, а ему уже и ребенка подавай? Не охренел ли он часом? Стоит, главное, улыбается во все зубы.

— Ребенка? — переспросила я. Мало ли, вдруг со мной глухота приключилась? А он кивнул, мол, все верно.

— У тебя ж будет, — я указала на Августу, что сидела с премерзлой рожей и на нас пялилась. И главное, во взгляде её можно было прочесть, сколь рада она будет еще одной сестре.

В смысле, жене.

— Возможно. Она, конечно, одарена, но это не то... моя сила столь велика, что не каждая женщина может выносить мое дитя!

— А папочкин рецепт ты так и не разгадал.

Глаза Змееныша нехорошо блеснули. Злится?

— За что ты его убил-то?

— Я не убивал.

— Да ладно... заморочил кому-то там голову. Натравил. И вот... что стало с поселением? С людьми?

— А что с ними станется? Поверь, большинство перемен и не заметит. Большинству на самом деле глубоко плевать на то, кто там сидит на троне или стоит во главе. Если не забывать это большинство подкармливать.

Циничненько, но с другой стороны в чем-то он прав. От этого становится тошно.

— И да, я понял почти все, со временем, думаю, технологию отлажу. Но вот беда, для меня этого мало. Ритуалы, диета... они поднимают потенциал, но недостаточно. Нужна сильная кровь. Хорошая. Такая, как у тебя.

Впервые чувствую гордость, правда, не свою.

Ага.

Внушаем, стало быть. Пускай. И взгляд его держу. Пусть лучше в глаза смотрит, сосредоточившись на том, чтобы впихнуть мне в голову нужные мысли.

— Роди мне ребенка или двух. У императора должны быть наследники. И я сделаю все, что захочешь... хочешь, мы поженимся? По-настоящему? Хочешь, я объявлю тебя императрицей? Всего мира!

Охренеть просто, какие перспективы открываются.

Но прикусываю язык. А этот ублюдок распалается. Я же опираюсь на Эдди, будто ищу у него защиты. Это же нормально — искать защиты от психов?

— Мы будем править вместе! Бок о бок! Мы завоюем эти земли, и все-то подданные будут славить нас... все-то будут любить нас искренне и эта любовь...

Выстрел грянул.

Оглушил.

А Змееныш покачнулся, кажется, так и не поверив, что все закончилось.

— Извини, — я прижала револьвер к груди, раздумывая, не всадить ли еще одну пулю. — Но я уже замужем.

И все-таки всадила.

В голову. Орвуд, конечно, просил, но... чуетя, что этот подонок и в мертвом виде проблем доставит.

* * *

Первым поднялся Странник.

Он разогнулся, тяжело, будто на плечи его давило, если не небо, то ли потолок башни. Он сдавил голову руками.

— Вот... — то, что Странник произнес дальше я, честно говоря, повторять не стала бы, хотя запомнила. На всякий случай. Жизнь — штука сложная, никогда не знаешь, что в ней пригодится.

Из глаз Странника текли струйки крови.

И из носа.

И он вытер эту кровь рукавом, но только размазал, отчего лицо его сделалось жутким. Шел он медленно, слегка покачиваясь. И остановившись перед телом, уставился на Змееныша.

— Ты...

— Извини, так оно как-то... безопаснее, что ли.

Револьвер Эдди я так и не выпустила.

— Правильно. И... отрубить голову надо будет.

— Лучше сжечь.

— Отрубить голову сперва, а потом сжечь, — постановил Странник, а я еще подумала, что пепел потом прикопать еще и куда поглубже.

Мало ли.

Вдруг да дракон и в виде пепла опасен. Вот же... зар-р-разы.

— Чарли, — я дернула мужа за рукав.

И он моргнул.

Потом тряхнул головой, скривился, обнял её руками, издав при том тихий стон.

— Болит? — осведомилась я, почему-то испытывая преогромное желание подзатыльник повесить. Тоже мне, спасатели.

Что б они без меня делали?

Чарльз осторожно открыл рот. И закрыл. А в следующий миг раздался оглушающий протяжный крик, плавно перешедший в вой.

Твою ж...

Вскочив с кресла, словно пробудившись ото сна, Августа бросилась к телу. Она споткнулась о юбки, упала на руки и поползла, неловко, дергано.

— Августа... — Чарльз кинулся к ней, но она лишь упрямо мотнула головой. — Августа он...

Умер.

Точно умер.

Со всею определенностью. Даже драконы не живут с такой дырой в голове. Признаю, у Эдди это как-то аккуратнее выходит, что ли.

Вой захлебнулся, сменившись рыданиями.

— Она... она... — Чарльз посмотрел на меня. А я что? Я понятия не умею, как правильно утешать расстроенных девиц, мужа которых

убили.

Тем более, что убила-то я.

И пусть он был редкостным засранцем, но все-таки...

Я посмотрела на Странника, а тот на Чарльза.

— Вы... — Августа задрала голову. По лицу ее текли слезы, крупные, какие-то очень уж крупные. Таких не бывает. Губы дрожали, а слезы капли на грудь Змееныша. И я вдруг испугалась, что он возьмет и воскреснет. В сказках ведь случается.

С королевичами.

А Змееныш — целый император, пусть и самозванный.

— погоди, девонька, — тихо сказал Эдди.

— Вы его убили! — крик её отразился от стен, и люди, до того неподвижные, застывшие, словно и не люди, а восковые фигуры, очнулись.

Краем глаза я уловила движение.

И...

— Вы! Его убили! — Августа вскинула кулачки. — Они убили его! Они...

— Убили, убили, убили... — шепот разносился по залу, отражаясь от стен. И люди, все как один, поворачивались к нам.

— Что с ними? — я вдруг поняла, что револьвер — это вовсе не так и надежно.

Когда на тебя смотрят.

С ненавистью. С желанием разорвать в клочья. И главное, все-то, все, кто был в этом зале! Они ведь... они должны были очнуться! В сказках мамы Мо, когда злого колдуна убивали, чары рассеивались.

— Похоже, пора уходить, — Чарльз попытался было поднять сестру, но та вырвалась и, извернувшись, полоснула ногтями по его лицу.

— Поздно, — Странник огляделся и сглотнул. — Я не могу стрелять в них... в женщин.

И мужчин.

Их одинаково много, и тех, и других. В белых платьях и во фраках, в лохмотьях, в которые превратились платья. Без платьев и вовсе нагие. Они окружали нас, приближаясь медленно, видом своим напоминая тех мертвяков, которых плодила пустыня.

Да чтоб их всех! Я тоже не могу в них стрелять! Они же не виноваты!

И что? Мы вот так умрем?

Глупо?

Нелепо? Страшно?

Я не хочу!

— Милисента? — Чарльз поднялся и взял меня за руку.

А что я? Я ничего. Я... я ведь не дракон. Здесь. Это там у меня и крылья, и чешуя и, наверное, даже обаяние драконье или как оно там называется. А тут... я нащупала флакон на веревочке. Может... нет, ничего.

И приближаются.

Люди-мертвецы, пусть даже пока живые. Медленно. Сбиваясь в толпу.

— Похоже, — мрачно произнес Эдди. — Вариантов не осталось. Если что... вы же помните. Я еще не шаман. Я только учусь.

— Учись скорее, — рявкнул Дик, закатывая рукава. — А то и вправду пришибем кого, неудобно потом получится...

Эдди вытащил костяную дудочку и поднес к губам.

Он дунул.

И по залу прокатился ветер. Я точно знаю, что ветер. Весенний. Тот, который приходит с востока, принося на крыльях своих морскую соль и надежду, что зима отступает.

Дождь.

Легкий. Ласковый. Под таким так и тянет кружиться. И я, когда была еще маленькой и не знала, что леди не танцуют под дождем, кружилась, запрокидывала голову, ловила ртом сладкие капли. А еще смеялась, просто так, без причины, потому что на душе было радостно.

И петь хотелось.

Солнце. Весной оно ласковое. Оно разливает свет, которого становится так много, но все равно недостаточно. И я помню теплые лужи на подоконнике, запах прогретого дерева.

Сундук мой.

Книга.

Тихий скрип половиц. Голос мамы, что доносится откуда-то издалека. И я замираю над страницами...

...я заставила себя открыть глаза.

Нет ветра. И дождя тоже.

Нет солнца.

Есть зал, полный людей, которые замерли, слушая эту невозможную музыку. Они стояли и слушали, и из глаз их текли слезы. И я тоже, кажется, плакала, но это не имело ровным счетом никакого значения. Главное, что я боялась лишь одного: что музыка эта прервется.

Я знала, что так и будет.

Так должно.

Но все равно боялась. И когда Эдди выдохнул и сказал:

— Достаточно.

Я все-таки разрыдалась.

Глава 32. В которой все почти завершается

Тело Змееныша вынесли на улицу. Чарльз потер руки и поднял их, выпуская силу. Пламя выкатилось, обняло труп, и по саду поплыл мерзковатый запах.

— Вот и все, — сказал тихо Странник.

— Думаешь?

Огонь горел и поддерживать его придется долго, но Чарльз готов. Он опустился на кованую лавочку. Светало. Почти погасли огоньки в бумажных фонариках, и сад, полный теней, выглядел заброшенным.

— Надеюсь, — Странник тоже присел. — Мои люди наведут порядок.

— Их хватит?

— Теперь? Да. Многие, скажем так, предпочитали держаться в стороне от конфликта. Выжидали. И теперь примут верное решение.

Но найдутся и другие, те, что поддержали Змееныша.

Странно. Был человек и нет человека, а есть удушливый черный дым.

Августа спит. Еще тогда, когда заиграла эта, выворачивающая душу музыка, она заснула. И Чарльз сам отнес её в какую-то комнату, где была кушетка. На кушетку и уложил. А Милисента пообещала присмотреть.

И там осталась.

С ними же остался Эдди. И еще Орвуд, хотя можно было бы и без него обойтись. Следовало признать, что Орвуд раздражал. Но сейчас сил на раздражение почти не осталось.

Странник заговорил вновь.

— У дяди много знакомых. И почти все были недовольны происходящим. Так что там, в городе, с радостью примут очередные перемены.

От Странника пахло подземельями. Сейчас Чарльз улавливал этот запах весьма отчетливо.

— Перемены будут... серьезными?

— Дядя полагает, что нельзя и дальше оставлять город Совету, — Странник смотрел на огонь. — Когда-то... наш дед надеялся, что здесь, на новом месте, он создаст новое общество. Совершенное. Идеальное. Где все будет по справедливости.

— У нас в клубе тоже про такое говорили.

— В клубах говорят о какой-то хренотени.

— Мы вообще-то думали мир изменить.

— Поздравляю, тебе это удалось, — сказал Странник.

Ветер потянул дым по земле, а Чарльз, глянув на кости, подкинул пламени силы. И огонь побелел. Жар от него сделался почти невыносим.

— Издеваешься? — тихо спросил Чарльз.

— Факт констатирую. Город перейдет под власть короны. Будет заключен договор. Думаю, договоримся о статусе вольных земель. Дядя станет наместником.

— Не ты?

— Я... — Странник закрыл глаза. От жара его волосы поднимались над головой, но он терпел. — Я не хочу. Рано или поздно, но придется, конечно... еще многое сделать надо. Девушек вот...

Их много, девушек, растрепанных, растерянных, каких-то несчастных, словно пребывающих в полусне. Ими тоже нужно будет заняться.

— ...найти родных, у кого есть. Пристроить прочих. Да и вообще... с рабством разобраться. Не дело это.

— Бордели открыть? — не удержался Чарльз.

Странник лишь пожал плечами. Мол, кому-то и с борделями дело иметь придется. А какой город без злчных мест?

— Потом суды опять же... пересмотреть дела. Там же все вперемешку, и уголовники, и те, кто просто мешал. Понять, что с мастерами стало. Лицензии вот... вещь по-своему хорошая, но тоже надо будет решать, как сделать так, чтобы не во вред.

Он тяжело вздохнул и пожаловался:

— А мне вниз хочется.

— Зачем?

— Чтоб я знал. Просто тянет. Подземники, может, и ушли... и она права, не нужно искать их. Только город остался. Его бы исследовать.

— Аккуратнее, — предупредил Чарльз. — Эти города опасны.

— Закрывать стоит, ты прав. Но и исследовать тоже. Если отворачиваться и делать вид, будто чего-то там нет, оно ведь не исчезнет.

Наверное, он был прав, Странник императорской крови.

Но больше разговаривать не хотелось. И Чарльз молчал, подпитывая пламя силой, пока на земле не осталось ничего-то от человека, которого он ненавидел.

Наверное, ненавидел.

На душе было пусто, будто кто-то там, внутри, взял и прогрыз дыру. И когда пламя погасло, Чарльз еще долго сидел, пялясь в никуда. И заснул. А проснулся от прикосновения.

— Привет, — сказала Милисента.

Переделась.

Ей идет этот диковатый безумный наряд. И на Востоке... на Востоке будет сложно. Там женщины не носят брюк, а еще револьверов. Точнее носят, но крохотные и в ридикюлях, а не на поясе.

— Привет, — Чарльз улыбнулся.

В Бездну первозданную этот Восток. Он ведь... он ведь может остаться в городе. Почему нет? Странник не откажет. Ему нужны будут толковые люди, а Чарльз вполне себе толковый, пусть даже и граф. Он многое знает, а чего не знает, тому научится.

Учитель?

Выпишет.

Чарльз знает, к кому обратиться.

Только вот...

— Знаешь, — он поймал руку Милисенты и посмотрел в её глаза. И дыра внутри начала затягиваться. Да и была ли она вообще? — Я вот подумал... как ты смотришь на то, чтобы тут остаться?

— В саду? — усмехнулась она.

— В городе. Надо будет только Августу отвезти. И передать информацию. Ту, которая от Сассекса. Отчитаться. Решить кое-какие дела с наследством и вообще. И записи дедовы. Тот кристалл, что у него.

Она слушала внимательно, не перебивая.

— А потом, когда я все решу, мы вернемся.

— Сюда?

— Купим дом. И мастерскую откроем.

— И ты будешь мастерить?

— Не уверен, что получится, — подумав, признал Чарльз. — Но твой брат может. Матушку вашу сюда перевезем. Я займусь... чем-нибудь займусь. Для мага всегда занятие сыщется.

— А я?

— И ты займешься. Там... извини, там тебе будет плохо.

— На Востоке? — она села рядом, на место, где недавно был Странник. И ведь ушел, не стал будить, скотина этакая.

— Там ты задохнешься. Нет, если ты хочешь, мы попробуем, но... мне кажется, ты там не выживешь.

— А ты? Здесь? — Милисента смотрела очень внимательно. — Ты выживешь здесь?

— Вполне. Здесь... то, что я видел... такого я нигде не видел. И я сам бы хотел попробовать. Что-то другое, понимаешь? Там у нас управляющие. И с ними матушка управляется. Тавтология, но как есть. Она...

— Не обрадуется.

— Да, но... она займется Августой. Ей нужна будет помощь.

— Нужна, — Милисента помрачнела. — Она еще спит. И Эдди сказал, что будет спать долго, но еще, что тень... в общем, она, когда проснется... она может не обрадоваться. Ну, что ты её спас.

— И что делать?

— Понятия не имею, — Милисента потерла раскрытую ладонь. — Тут... я могу попробовать с кровью. На остальных-то сработало. Сиу вон даже голова не болит. Только злая очень.

— Почему.

— Потому что этот ублюдок быстро умер.

Чарльз хмыкнул. Чувства сиу он, пожалуй, разделял.

— Остальные тоже вроде в себя приходят. Их пока под охрану взяли. Всех. Будут разбираться. И... в общем, кровь все-таки помогла. Но я боюсь. Твоя сестра, она же... — Милисента очертила живот. — Беременная. Вдруг да это вредно?

— Думаешь, её одержимость будет полезнее?

— Не знаю. Твоя сестра. Тебе решать.

Если бы.

Если бы это было так просто.

Взять и решить. И чтобы всенепременно правильно. И... и что лучше? Рискнуть здоровьем и ребенком? Или разумом? Дождаться, пока она родит, но... родит ли?

И кого?

И...

Чарльз вцепился в волосы.

— Мы справимся, — тихо сказала Милисента, обняв его. — Вот увидишь. Мы со всем справимся. Вместе.

Наверное, так и надо.

— Спасибо.

— А сюда вернемся. Если захочешь. Эдди и вправду давно мастерскую хотел. А я помогать стану. Ну... если научусь с силой ладить. А то ведь нехорошо выйдет, если спалю ненароком.

И вправду нехорошо.

* * *

Дэн объявился ближе к вечеру следующего дня.

В полосатом костюме, с котелком на голове и сигарой, сопровождаемый хмурой женщиной весьма недружелюбного вида. За женщиной следовала дюжина мужчин с сундуками и саквояжами.

— Ненавижу переезды, — признался Дэн, оглядываясь.

Выглядел он усталым и бледным.

— И ненавижу политику.

Дым его сигары пополз по залу, заглушая прочие запахи. В башне прибрались, кое-как, наспех, но все одно запахи остались. Или скорее Чарльзу они мерещились повсюду.

Дэн огляделся и велел:

— Рассказывайте.

И у Чарльза не возникло и мысли промолчать. Но первым заговорил Странник.

— В общем, с девушками более-менее прояснили. Многие из местных, кто-то из верхнего города, кто-то из семей попроще. У кого родные остались, те вернутся.

— А другие?

— Я обещал им защиту.

— И?

Странник чуть порозовел:

— Мужей.

— Это ты опрометчиво.

— Да они все одаренные, дядя! Причем уровень... я готов поклясться, что прежде в городе не было такого количества одаренных девиц! Они... в общем, не так и сложно будет мужей отыскать. Я так думаю.

Дэн хмыкнул и выпустил кольцо дыма.

— Но силой держать никого не станем, — поспешил заверить Странник. — С мужчинами сложнее. Много внешников. Прибыли по приглашению. Им обещали жен, которые однозначно родят одаренных наследников.

— И?

— В принципе, одно с другим согласуется, но...

— Договор, — вмешался Чарльз. — Сперва пусть подпишут брачный договор.

Дэн поглядел с немалым интересом.

— При том, что технология, которая получена от Змея, работает. А она точно работает, вы вполне можете обеспечить рождение одаренных детей. И без вреда для женщины. Но договор позволит защитить интересы женщин.

— Видишь, племянничек, человек сразу мыслит правильно. Эй, подайте кофию...

— Вам вредно, — тотчас отозвалась женщина. — Вы уж утром кофейничать изволили. А у вас сердце! И между прочим, обедать вы еще не обедали!

— Моя кухарка, — Дэн произнес это с нежностью. — Заботится... хорошо, чего-нибудь да подайте, а то и вправду этак и похудеть недолго. Стало быть, поделишься?

— Поделюсь.

— Мой дядюшка или кем он там мне приходится, будет недоволен, — счел нужным предупредить Дэн. И Чарльз, подумав, согласился. Император определенно будет недоволен.

Но...

Плевать. Впервые, пожалуй.

— Вот и правильно. Будет сильно недоволен, сюда вернешься. Нам толковые люди нужны будут. И нелюди тоже. И вообще... слышал, твоя супруга с сиу общий язык нашла?

— Вроде того.

— И с орками. Её братец... времена, мальчики мои, ныне другие... и то, что вернули взятое, оно правильно. Хотя опять же мой дядюшка будет очень недоволен. Поэтому прими совет. Помалкивайте. Чем меньше он знает, тем меньше причин проявлять недовольство. А то и вовсе, зачем вам туда ехать? Письмецо черканите, а сами туточки оставайтесь. Знаете, сколько туточки работы?

— Мне сестру отвезти надо, — почему-то прозвучало так, будто Чарльз оправдывается. — И... вы дирижабль обещали.

— Это я погорячился. Может, лучше поезд?

— Дирижабль, — Чарльз покачал головой. — Так оно быстрее будет.

— И то верно...

Дэн подумал.

— Но сперва поможешь тут порядки навести.

* * *

Августа спала.

У постели её сидел Эдди, который крутил в руках ту самую дудочку. Вырезанная из кости, она казалась мне то уродливой невероятно, то столь же невероятно красивой.

— Ты все-таки стал шаманом, — тихо сказала я, опускаясь на пол.

И ноги вытянула.

Закрыла глаза.

Ночка выдалась... день, впрочем, немногим лучше. Бестолковый. Беспокойный. Полный какой-то пустой суеты, в которой меня дергали, спрашивали.

Что-то требовали.

И...

А Августа спала. И во сне выглядела совсем-совсем другой. Такой беззащитной, невинной, как та девочка со снимка, который я видела у Чарльза.

Какая молоденькая.

Хотя... я тоже, вроде, не старая, но почему-то себя такой ощущаю. И бледная. И...

— Целителя нашли?

— Какого-то нашли, — Эдди вздохнул и поглядел на меня с тоской. — Но... в общем, он говорит, что сложно все.

А то, когда оно просто было.

— И долго она так, спать будет?

Будить не хотелось.

Это ведь... говорить придется. О чем мне с ней разговаривать? О том, что я замуж за её брата вышла? Или о том, что муженька пристрелила? Что-то мне сдается, ни тому, ни другому она не обрадуется. А не будить... она ж не проспит всю жизнь.

— Сколько нужно, столько будет, — отозвался Эдди. — Чарли что думает?

— Пока сам не знает. Но я не хочу, если что, быть виноватой!

— А кто хочет-то?

Эдди поднялся и руку протянул.

— Пойдем.

— Куда?

— Кое-что нашли. Чарли, конечно, не обрадуется, но сдается мне, что тебе надо это увидеть.

Что?

Кладбище.

Такое вот... подземное кладбище. Огромная пещера с низким сводом. Он почти касается моей макушки, и не отпускает ощущение, что того и гляди потолок рухнет на плечи.

Странник.

Чарльз стоит с мрачным видом. Люди какие-то... ямы.

— Ты зачем её привел? — Чарльз злится. На меня? Нет, на Эдди. Но тот лишь качает головой:

— Она имеет право знать.

Знать что?

— А то ведь уже переживает за ублюдка.

Кто я? Нет. Я правильно все сделала. Другого шанса не было. Но... да, все равно неприятно убивать людей. И нелюдей.

И я иду.

Осторожно. Камни шелестят под ногами. В пещере не темно. Света наоборот как-то слишком уж много. Он плодит длинные тени, и они шевелятся, пугают. Но я не боюсь.

Не теней.

— Что это? — я задаю вопрос тихо, но знаю ответ.

— Могилы, — шепотом отвечает Чарльз. И трет переносицу. Этак и дырку протереть недолго. — Он оставлял их здесь.

И вправду могилы. Ни крестов. Ни памятников. Только палки с табличками, на которых нервным почерком выведены имена.

И номера.

— Его жен, да?

Я останавливаюсь у первой. Или, наоборот, последней? Кривая железка торчит из земли. Железка оплавлена, а на табличке буквы яркие, будто вчера выведены.

Или и вправду вчера?

«Молли».

К горлу подкатывает комок.

— Он их...

— Не все, — Странник не решается подойти. — То есть, не всех. Первые, насколько понятно стало, умирали сами. Кто-то в родах. Или почти в родах. Кто-то с ребенком. Он всех учитывал.

И еще он тосковал по ним.

Искренне.

Я это чувствую. Он был ублюдком, готовым на все, ради власти. Обожающим лишь себя, но здесь, в пещере, на меня давит оглушающая тоска. Чужая тоска.

И Молли...

Её и засыпать не успели. Просто белый саван, словно огромная куколка бабочки. Он её убил? Или... она не выдержала всей силы его любви?

— Эдди, — я сглатываю. — Ты... я... не хочу быть здесь.

Но выводит меня не Эдди.

Выводит Чарльз.

И мы идем. Молча. Но взявшись за руки. И уже там, на подземных этажах, но уже в башне, мы стоим. Дышим. И я вновь чувствую, но уже его боль.

— Кто... их нашел?

— Странник разбирал бумаги. Они не только в кабинете лежали, так, по всей башне. И наткнулся на упоминание, что место заканчивается. Стал выяснять. Ему и показали. Змееныш ведь не сам их относил.

Не сам.

Меня обнимают. Неловко так, будто стесняясь этого, неуместного в нынешней ситуации проявления чувств. А я пристраиваю голову на

плечо Чарльза.

Так легче.

Вдвоем ведь всегда легче, чем одному?

— Я боюсь, — это признание дается ему нелегко.

— За Августу?

— Да... те люди, они сказали, что женщины, которые беременели, они сгорали быстрее прочих. И что целители ничего-то не могли сделать. А если тот способ, который Змей показал, если он не подойдет?

— А там сложное что-то?

— В том и дело, что нет. Нужна лишь кровь. И поддержка. В этом суть.

Не понимаю, но слушаю.

— Мужчина должен делиться своими кровью и силой. Просто делиться.

Сомневаюсь, что все и вправду так просто.

— Он и делился. Змей. Силой и кровью. И жизнью тоже.

А еще молчал. Не желал раскрывать тайну? Сомневаюсь, что в этом дело. Он же отдал кристалл. Или, может, отдавая себя по капле, он пытался расплатиться с теми, другими долгами?

Жизнь за жизнь?

Не мне его судить.

— И ты хочешь...

— Я попытаюсь, — Чарльз резко выдохнул. — И буду молиться, чтобы этого хватило.

И я тоже буду молиться. Потому что... потому что, если она умрет, все осложнится. Мне тут же стало совестно за эгоистические свои мысли. Мне было жаль эту девочку.

Ту, которая спала.

Но не ту, которая восседала по правую руку Змееныша, глядя на то, как он уродует других девочек. И, возможно, я не справедлива, но... но я все никак не могла соединить одну с другой.

— И еще, — Чарльз осторожно коснулся губами лба. — Надо будет все-таки попробовать. С кровью. Надеюсь, поможет.

А уж я как надеюсь.

Глава 33. Где происходит много всякого и разного

Сиу молча смешивала порошки. Она двигалась легко, плавно, но то и дело рука словно невзначай касалась полупрозрачной капли, что висела на груди сиу.

Здесь все еще пахло травами.

И болью.

Боли было много, но сиу нашла способ успокоить её. Боль унималась от капли зелья, что стояло в высокой склянке. И я наблюдала, как она подхватывала его, темное, какое-то глянцевое, стеклянной палочкой. Зелье падало в чашу.

Чаша находила руки.

— Глотай, — говорила сиу, и очередная заплаканная девица подчинялась. Девушки сиу боялись. И меня тоже. Это я чувствовала шкурой.

Как-то слишком уж много я чувствовать стала.

Шел третий день.

Наконец, удалось выспаться, и не только мне. Хотя Чарльз спал в комнате с сестрой, устроился на полу подле кровати. И это тоже было обидно.

Почему? Не знаю.

А потом ушел.

У них дела.

У него, Странника и Дэна, который не стал себя объявлять Императором, ограничившись скромным званием Наместника. И звание подтвердили.

Я сама бумагу видела.

Эдди тоже где-то пропадал, как и Орвуд с орком. Я же вот сидела и смотрела, как колдует сиу. Ну, не совсем колдовство.

— Я буду скучать по этому, — сказала она, скользнув пальцами по веренице склянок. — Недолго.

— Почему.

— Потому что умру.

Она сунула мне в руки ступку с какими-то зернышками, мелкими и черными, на мак похожими.

— Отчего?

— Не знаю. Возможно, мать убьет. А если нет, придется самой как-нибудь. Или Звенящий Поток не откажет? — она задумалась.

— Погоди, — зернышки оказались твердыми. — Ты... ты это серьезно?

Куда уж серьезнее.

— Ты же вернешь эту... эту штуку. И вы её спрячете. Спрячьте получше только, — посоветовала я. — А то раньше о ней не знали, теперь же знать будут.

И найдутся желающие умыкнуть.

Тут и гадать нечего. Одни решат, что это великое сокровище, другие захотят избавиться от сиу, третьи... да мало ли дряни людям в голову приходит.

Вот и сиу была того же мнения.

Темный коготь осторожно, с нежностью, коснулся стекляшки. А глаза закрылись.

— В конце концов, твоя вина не так и велика! Он всем головы заморочил! Это... это просто старая кровь очнулась.

И древняя сила, которая, может, и не проклятье, но тоже мало хорошего.

— Не важно.

— Важно! У тебя... у тебя ведь ребенок есть!

— Есть. Сын.

— И... где?

— Не знаю. Это был не его ребенок. И он продал.

— Продал?!

Сиу кивнула.

— Сначала меня. Знаешь, я теперь вспоминаю и не могу понять, когда это случилось. Когда я стала делать все, что он скажет? Просто из страха, что если не сделаю, то он больше никогда в жизни на меня не взглянет!

Её рука дрогнула, и мутная жижа пролилась на столешницу.

— Проклятье!

— Так, — я терла семена с остервенением. Понятия не имею, для чего они нужны, но это все неправильно. — Твой сын, он... человек?

Наполовину?

— У нас не родятся полукровки.

— А отец его...

— Не знаю. В тот дом приходило много мужчин. Кто-то из них. Я не сразу поняла, что случилось. А ему... ему стало интересно. И он забрал меня. На время. Потом родился ребенок. А я разбирала травы. И он понял, что я могу приносить иную пользу. Оставил рядом.

А ребенка продал.

Нет, правильно я ему башку прострелила, жаль, один лишь раз.

Я потеряла пестиком лоб.

— погоди. Если так, то... то можно ведь документы поднять! — собственная идея показалась вдруг донельзя здоровой. — Эдди говорил, что здесь все сделки регистрируются. Значит, будет имя покупателя.

Сиу молча смотрела.

— Нужно его найти.

— Зачем?

— Это ведь твой ребенок.

Она нахмурилась, раздумывая над сказанным.

— Обычно матери своих детей любят.

— Я сиу.

— Помню, но... мне кажется, что твоя мать, она немного преувеличивала. Про вашу нелюбовь. В смысле про то, что вы любви не испытываете. Или привязанности. Твоя сестра о тебе волновалась. И боялась. И еще она точно не откажется принять твоего сына.

Молчит.

— Да и люди... они не все такие, как Змееныш.

— Добрые?

— Разные. Есть добрые. Есть злые. Подлые. Коварные. Щедрые и жадные. Самоотверженные. Всякие. Но это не значит, что их всех надо бояться или ненавидеть. И сиу ведь тоже разные. Орки... мы как-то должны научиться жить вместе.

Замолкаю.

По-дурацки это все звучит. Навроде речей нашего мэра, когда он решает в очередной раз выбраться и начинает рассказывать, что все мы в городе друг другу братья, сестры и большие друзья. Хрень, если подумать. И у мэра её говорить получается куда как лучше.

— Ты многое знаешь. И умеешь. И... и... — запинаясь.

— Главный белый человек предложил мне остаться. Тут, — сиу погладила столешницу. — Потом. Когда я вернусь. Он сказал, что мало целителей. И я нужна.

— А ты?

— Я собиралась умереть.

— Так себе план, вот честное слово.

Сиу склонила голову. А ведь она больше не выглядит такой изможденной, и глаза стали ярче, будто что-то перестало высасывать из неё силы.

— Ты найдешь моего сына, женщина с древней кровью?

— Постараюсь, — я протянула руку. — А ты больше не станешь травить моего мужа?

Улыбка у них все-таки жутковатая. Сиу коснулась пальцев, очень аккуратно сжала руку и ответила:

— Разве что сама попросишь.

Не попрошу.

Я ведь не произнесла это вслух, но сиу усмехнулась:

— Не спеши, белая женщина. Всякое быть может.

— Не спешу. Но просить не буду, — я выдержала прямой её взгляд. — Если понадобится, сама пристрелю. Без посредников.

Сиу рассмеялась.

А потом отобрала у меня ступку с зернами, которые так и не получилось раздавить.

— Слабая женщина, — сказала она. — И сильная. Как это у вас, людей, так получается?

Понятия не имею.

— Руку дай, — ступку сиу отставила в сторону. А я протянула руку. И смотрела, как темные капли катятся по белому фарфору, чтобы смешаться с чем-то желтым, жирным с виду. Сиу не удержалась и лизнула рану.

Закрыла глаза.

— Хорошо... — сказала она чуть позже. — В твоей крови много огня. Берегись.

— Чего?

— Тех, кто пожелает его отобрать.

— Поберегусь.

Она принялась размешивать зелье. А я все еще смотрела. На неё вот. И думала, что она... она вернула себя. И другие тоже.

У Августы тоже получится.

Но... почему тогда мне так не спокойно?

— Ты много думаешь, белая женщина с огненной кровью, — палец сиу коснулся моего лба. — Это не всегда полезно.

Она подцепила когтем часть массы и ловко скатала шарик, который поставила на стеклянную доску. Рядом скатала вторую и третью.

— Зачем столько?

— Та женщина, что связана кровью с твоим мужчиной, долго была рядом с... — сиу запнулась, не способная произнести имени. — Она носит его дитя. А дитя наследует силу отца. Потому не уверена, что хватит одной.

Понятно.

Я вообще ни в чем не уверена, а сейчас неуверенности еще больше стало. А если... если сиу приготовила отраву? Ну, скажем, чтобы от Змееныша и следа не осталось, не то, что ребенка?

Может такое быть?

Наверняка.

— Не бойся, белая женщина, — она вновь уловила мои мысли. — Желай я её убить, я бы убила.

— А ты не желаешь? — уточнила я просто на всякий случай.

— Не знаю, — сиу закончила катать пилюли. — Слишком много всего произошло. И ты права. Мне рано уходить за край небес. Надо сперва хорошо все обдумать.

Уже легче.

— Но здесь твоя кровь и травы, которые используют женщины моего племени.

Ее пальцы вновь коснулись сияющей капли.

— Несмотря на благословение той, кого считали великой матерью, все одно выносить дитя получалось не у всех. Травы помогали. Я напишу тебе, что здесь.

Да, только толку-то?

Я в травах понимаю чуть больше, чем ничего. Эдди... Эдди что-то понимает, но сомневаюсь, что разберется. Местный целитель?

— А другим ты тоже помогала?

— Нет, — сиу покачала головой. — Он не просил. Я же... я плохо помню, почему, но испытывала лишь ярость. И радовалась, когда они умирали.

Сиу задумалась.

А я...

Я взяла её за руку. Осторожно так.

— Как-нибудь все да наладится, — сказала я. Без особой, впрочем, уверенности.

* * *

Августа все еще спала.

Её поили сладкой водой и мясным бульоном. Её обтирали и меняли простыни. Она была беспомощна, но в тот единственный раз, когда её решились разбудить, она вцепилась в лицо Чарльзу.

И вот снова...

Поможет?

Или... я бы не рискнула. Но это все-таки его сестра. И он пришел. Сел на край кровати, взял её за руку, нежно так, бережно. Меня кольнула ревность. Вдруг подумалось, что, если бы Августа умерла, всем было бы проще.

Он бы заплакал.

А я бы утешила.

И... и у него не было бы причин возвращаться на Восток. Он бы остался здесь, в городе, и мы действительно купили бы дом.

За мысли стало стыдно, хотя и не слишком.

— Думаешь, получится? — спросил Чарльз отчего-то шепотом. Я же пожала плечами. Надеюсь, что получится. Он ведь с ума сойдет, если нет. А я... я не хочу, чтобы ему было плохо.

Сиу присела у постели.

Склонилась над Августой. Втянула запах её.

— Лучше, — сказала она. — Хорошо.

Она раздвинула губы, а потом, ловко, сунула за щеку пилюлю. Августа во сне дернулась было, но тут же замерла.

— И... все?

Признаться, я ждала чего-то... чего-то другого, что ли?

— Подействовало? — уточнил Чарльз.

А сиу пожала плечами.

— Разбудите, станет ясно. Но... — она задумалась, явно не зная, стоит ли говорить. — Будьте осторожны. Он был хитер. И она хитра.

— Она просто... она не виновата! — Чарльз нахмурился.

— Не вина. Другое, — сиу коснулась сжатым кулаком груди. — Я знала травы. Я делала яды раньше. Я делаю яды сейчас. Она делала подлости.

— Идем, — я потянула её за руку прежде, чем Чарльз ответил. — Мы поняли.

Я поняла.

Любовь, конечно, дурманит мозги, но она не нужно только её обвинять.

— Что она натворила? — тихо спросила я, когда дверь закрылась.

— Убивала, — сиу посмотрела мне в глаза. — Ты хороший враг. Честный. Она — опасный.

— Погоди, — вот эта новость совершенно меня не обрадовала. — Кого она убивала-то?

— Других. Кто взошел на ложе. Разделил.

— И... то есть...

...с подземного кладбища подняли двадцать два тела. И насколько знаю, невеста Орвуда была среди них. А еще Молли. И не только она.

— Она приходила ко мне. Брала. Многое. Она знает. Меньше меня. Но знает. Училась. Ему нужны были яды. И мы делали. А потом те, на кого он смотрел, умирали.

— Мы думали, что он их убивал.

Сиу склонила голову.

— Она давала напиток. Ему. Им. Огонь выходил на свободу. И сила. Страсть. Он их убивал.

Вот ведь.

А... недоказуемо. И главное, что Чарльзу об этом знать не стоит. Наверное. Или рассказать? И...

— Это просто ошибка, — произнес Чарльз, приоткрывая дверь. — И... Милли, пожалуйста. Я не знаю, вспомнит ли она, но... это просто ошибка. Молодой глупой девочки, которую приворожили. Ты ведь понимаешь?

Я чуть склонила голову.

— Если не вспомнит, то... не надо рассказывать, ладно?

Не буду.

Я — не буду. Да только как-то... что-то расхотелось мне на Восток отправляться. Совершенно.

Глава 34. О том, что действительность не всегда соответствует ожиданиям

Августа открыла глаза.

Несколько мгновений она просто лежала, такая бледная, хрупкая, с неестественно огромным животом, который за последние дни увеличился, и Чарльз крепко подозревал, что это — совершенно ненормально. Но она открыла глаза.

И лежала.

Слушала.

— Здравствуй, — тихо произнес Чарльз, осторожно коснувшись руки. Сквозь пергаментную кожу проступали сосуды, и казалось, что, стоит надавить, и кожа эта лопнет.

Синеватые ногти.

Синеватые губы.

Ублюдок умер слишком быстро после того, что он сделал.

— Здравствуй, — эхом отозвалась Августа. Шепот её был тише голоса ветра за окном. Но Чарльз услышал. И улыбнулся.

— Это ты? — столь же тихо спросил он.

— Ты пришел за мной? — Августа повернула голову к нему.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы спасти.

— Я не просила меня спасать.

— Ты... помнишь?

— Помню.

— Что?

— Все помню, — её безмятежная улыбка пугала. — Помню, что жила. И любила. И была счастлива.

По спине побежал холодок.

— Помню, что меня тоже любили.

— Не только тебя.

— Не только. Но он бы понял. Уилл. Рано или поздно, но он бы понял, что ему нужна лишь я. И отослал бы прочих. И мы жили бы втроем. Он, я и наш сын.

— Или дочь?

— Сын. Ему нужен сын, — она попыталась сесть, и Чарльз поспешно сунул за спину подушку. От Августы пахло болезнью и... безумием?

А оно имеет запах?

Похоже, что так.

— Что ты мне дал? — поинтересовалась она. — Сиу намешала? Еще та тварь... нелюдь... знаешь, Уилл заставил бы их склониться пред его величием.

— Украд артефакты?

— Он не крал. Они сами принесли, — Августа откинулась на подушки и погладила живот. — Они присягнули бы на верность. И он был бы милостив к своим подданным. Ко всем подданным.

— Ты встречала деда?

— Конечно. Он приходил. Самоуверенный козел.

Это какая-то другая Августа. Та, прежняя, его сестра, в жизни не опустилась бы до того, чтобы обозвать кого-то.

— Тоже думал, что умнее всех. Решил воспользоваться Уиллом... ты его убил?

— Не я.

— Не важно. Он бы все равно умер. И остальные... все, кто мешал нашему счастью. И не понятно только, почему ты жив?

Она поглядела так требовательно, что даже стало неудобно.

— Августа...

— Я бы стала императрицей.

— А я бы умер?

— Возможно. Или занял бы достойное место у трона.

— Служа самозванцу?

Станный разговор. Разве о том надо? Надо спросить о самочувствии. И заверить, что теперь-то все закончилось, что они скоро отправятся домой, всего-то пару дней нужно, порядок навести и заправить баки дирижабля летучим газом.

А там...

— Он не был самозванцем, — глаза Августы блеснули. — Он был драконом! Возрождавшимся! А ты... ты его убил!

— Не я.

— Конечно, твоя потаскуха...

— Замолчи.

— Она пришла. Обманула... и убила! Ты и она... будьте вы прокляты!

Этот визг ударил по ушам. И мрачного вида сиделка, присланная Дэном, поспешно перехватила руки Августы.

— Не шали, девонька, — сказала она неожиданно мягким низким голосом. — О ребеночке подумай.

— Он... он родится!

— Обязательно, — сиделка была крупной и грубоватой женщиной, до того некрасивой, что и смотреть-то на неё было неприятно. — Обязательно родится.

— Сын.

— Может, и дочка.

— Сын нужен! — заговорила Августа, неожиданно успокаиваясь. — Уиллу нужен сын!

— Будет и сын.

— Наследник!

— А то.

— Он родится... он вырастет. Я расскажу ему все. И он вас убьёт! — радостно завершила Августа, откидываясь на подушки. — Пить хочу.

— Сейчас, детонька. Водички? Или вот бульончику? Бульончик хороший, бульончик силы даст. Давай-ка ложечку... вот умничка... у такой красавицы...

Сиделка ворковала, успевая и подушки взбить, и одеяло поправить, и удержать Августу, обжигающий взгляд которой не обещал ничего хорошего.

— Чтобы детки сильными были, и матушка должна быть сильной.

И Чарльз поднялся. Может, лекарство не подействовало? Или... или не подействует вовсе? Что, если дело не в привороте, что если именно эта любовь, она настоящая?

Он вышел и прикрыл за собой дверь.

Прислонился к створкам, закрыл глаза. Боги, как он устал... и от Запада, и от всей этой истории.

— Не помогло? — Милисента подпирала стену.

— Не знаю. Я боюсь, что и не поможет. Что дело не в нем, а в ней самой.

— И что дальше?

— Понятия не имею, — вынужден был признаться Чарльз. — Я как-то не думал. Я... я ж считал, что и вправду нужен. Что приду. Спасу. И мы уедем. Она очнется.

Он подавил вздох.

Милисента взяла за руку и осторожно заглянула в глаза.

— Может... ей надо время?

— Может.

Только Чарльз начал подозревать, что время не поможет, что... и вправду, что дальше?

— Надо отвезти её домой. Там врачи. И целители. Здешнему я как-то не особо доверяю, — признался он. Пальцы жены были холодны. И сама она, наверное, замерзла. В этих башнях как-то слишком уж зябко. И он обнял Милисенту.

Просто взял и обнял.

— Есть те, кто занимается душами... не знаю... про них всякое говорят. Я не отдам её в...

— В дом призрения?

— Лечебницу, — поправил Чарльз. — Хотя есть очень хорошие, но все одно не отдам. Поместье... небольшое и тихое. Найму кого-нибудь, чтобы присматривали. Опять же... может, это от беременности? Я слышал, что беременные женщины часто разум теряют.

— Может и так.

— Не особо на это надеешься?

— Не знаю, — честно призналась Милисента. — Я её вообще боюсь. Но постараюсь как-нибудь привыкнуть. Мы ведь родственники теперь? Или как?

— Родственники.

От неё пахло травами.

А дверь стоило бы запереть. И без присмотра Августу оставлять нельзя, хотя с ней сиделка, но все одно сказать надо, чтобы не отлучалась. Вдруг да Августа решит наложить на себя руки?

Почему-то эта мысль не напугала.

Напротив, та, кого он увидел, не станет убивать себя. А вот эта мысль уже напугала. Но не настолько, чтобы выпустить жену.

— Значит, план имеется, — сказала та.

— Имеется.

— И это хорошо. Эдди... в общем, сказал, что дирижабль почти готов, что можем вылетать, как соберемся.

Наверное, стоило порадоваться.

Скоро все и вправду закончится, пусть и не так, как ожидал Чарльз. Но... главное, скоро закончится. И он вернется, наконец, домой.

Или нет?

— Когда ты много думаешь, то становишься слишком серьезным, — сказала Милисента. — Голова не болит?

А глаза у неё все еще золотые.

И волосы темные, непослушные. Смуглая кожа. Резкие черты лица. Удивительные черты, которыми нельзя не залюбоваться.

Тянет коснуться.

И Чарльз касается.

Сердце замирает. А потом отмирает.

— Ты удивительная, — больше не хочется думать ни о чем.

О плохом.

О хорошем тоже.

Хочется стоять вот так, вдвоем. Вечность. Или две. Две вечности всяко лучше одной. И ловить улыбку на её губах. Наверное, это нехорошо.

Категорически.

Нужно помнить... плевать на все, что нужно помнить, в том числе и на приличия. У него жена есть.

— Я соскучился, — признаваться в этом легко.

— Когда успел?

— Вот только что.

Она смеется, тихо и от этого смеха кровь закипает, а глаза становятся еще более желтыми.

Золото.

У него сокровище, такое, которое Чарльз никому не отдаст.

— Идем, — его тянут за руку.

— Куда?

— Куда-нибудь. Отсюда.

Да.

Отсюда.

Прочь от двери, только запереть на ключ. Совесть? Молчит, проклятая. Или нашептывает, что Чарльз имеет право отдохнуть, что за Августой присмотрят. Что с сиделкой ей даже лучше...

— Идем.

Эхо собственного голоса тонет в коридоре. Шаг переходит на бег. Главное, руки не выпустить. И пусть сердце обрывается, а в висках стучит кровь, но главное — не выпустить её руки. И Чарльз справляется.

Перед дверью он задерживается.

— Ты... — в золотых глазах переливается пламя. — Будешь моей женой? По-настоящему?

— Ох ты и бестолочь...

Пламя того и гляди выплеснется, и тогда Чарльз сгорит. От любви и страсти, и может, еще от чего-нибудь. Он не слишком-то разбирался в переполнявших его чувствах. Главное, что сгорит.

— Будешь?

— Буду. Куда я денусь. И... кажется, я тебя люблю.

Она произносит это так тихо.

И Чарльз повторяет эхом:

— Люблю.

И снова смеется. Точно, бестолочь. Разве так себя ведут? Не так. Главное... главное, что огня становится вдруг так много, что Чарльз понимает: он не справится с ним один.

Но оказывается, огонь прекрасно можно разделить на двоих.

* * *

Что сказать?

В книгах, оно как-то иначе все было. Даже не могу сказать, в чем иначе, но точно не так. И это вот странное чувство, когда вроде и все хорошо, но страсть до чего стыдно, как от него избавиться?

И вообще... что надо делать?

Ну, дальше?

Лежать? Вставать? Говорить чего? А чего? Поэтому и лежу тихо-тихо. И он лежит. Муж, стало быть. Теперь-то нас ни один суд не разведет, а я не могу понять, хорошо это или нет. И потому гляжу.

Разглядываю.

Пятна поблекли чутка и вообще уже не выглядит он таким потрепанным, как прежде. Волосы вот отросли и торчат иголочками. Я

не удержалась и потрогала.

— Ты как? — тихий такой вопрос.

Пожимаю плечами.

Обыкновенно.

Или нет?

— Не поняла еще, — подумав, добавила. — Повторить надо. Ну...
потом.

— Потом повторим.

Серьезный опять.

...сиу дала мне шкатулку. Длинненькую, вроде той, которую я храню, но еще не нашла, как открыть. Теперь вот буду две хранить. Только та, что от сиу, легко открывается. Внутри — крохотные склянки числом дюжина.

На всякий случай.

— Я не знаю, дозволено ли мне будет вернуться, — сказала она.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты умерла.

Я ответила совершенно искренне, а сиу склонила голову.

...Дэн обещал поднять документы, те, что сохранились, потому как и вправду с работоторговлей в городе все строго было. И стало быть, записи должны остаться.

А по записям и человека найти можно.

...если будет кому искать.

— Если ты не вернешься, — я коснулась её руки. — Пусть вернется твоя сестра. Если захочет. Пусть найдет меня. И я помогу. Чем смогу.

...Дэн сказал, что местные не стали бы рисковать, покупая сиу. И скорее всего, искать мальчишку нужно там, на Востоке.

Вот и поищу.

Или попрошу Чарльза.

— А если нет, то... я постараюсь перевезти твоего сына сюда. Если он захочет.

Сиу умели улыбаться так, что не создавалось ощущение, будто тебе вот-вот горло перережут.

— Спасибо.

— Не за что.

— Это сок темной травы, — она коснулась первого флакона. — Она растет в Мертвом городе, и брать её можно лишь при свете луны.

Тогда она сохранит силу. Капли будет довольно, чтобы подарить безумие. А две дадут покой.

— Вечный?

Она слегка кивнула. И коснулась второго флакона.

— Вытяжка из костей мертвеца...

...двенадцать флаконов. Две дюжины ядов. И надо бы сказать о таком подарке Чарльзу, а я вот молчу. Лежу, разглядываю его.

И думаю.

Что могу убить человека двенадцатью способами. И никто ничего не поймет. Скорее всего. Пара капель... и самой становится жутко.

Я же не всерьез?

Или...

— Сиу кое-что дала мне, — я давлю в себе саму эту мысль, до того пугающую, что пальцы холодеют.

...семейная жизнь может быть слишком сложной.

Так она сказала.

И еще, что мне нужно будет что-то, чтобы защитить себя.

И...

— Не хочу говорить о сиу, — Чарльз протягивает руку и наматывает на палец тонкую прядь. — И думать тоже. Ни о сиу. Ни об орках. Ни о некромантах... ни о ком. Только ты и я, ладно?

— Ладно.

Я потом скажу.

Обязательно.

И... и не собираюсь я никого убивать! Ядом так точно. Понадобится, просто пристрелю. Так оно как-то честнее, что ли.

— Расскажи... — просит Чарльз.

— О чем?

— Какой бы ты дом хотела?

Я? Не знаю. Наверное... наверное, все равно. Или...

— Счастливый?

Почти эпилог

Причальные мачты поднимались над округлым, похожим на огромную раковину, зданием вокзала. На поле за ним медленно виднелись огромные туши дирижаблей, уже опустившихся или готовых подняться. Чем-то они китов напоминали, тех, с картинок.

Я смотрела.

На дирижабли. На суету внизу. Люди крохотные, что муравьи. Смешные. Только не до смеха. Во рту пересохла, сердце колотится.

И...

И позади осталась мертвая пустыня, как и городок, в котором нам не слишком обрадовались. Но, главное, с матушкой все в порядке было.

Доусон только женился.

На вдовушке, которая с Востока приехала. За вдовушкой приехали сундуки и стадо тонкорунных овец. Он честно и признался, что давно уж с ней в переписке состоял, а матушку обхаживал, стало быть, чтобы землю она продала. Земли-то у нас еще осталось, а не пользуемся. Эдди, тот, конечно, обиделся и морду ему набил. За матушкины порушенные надежды. Но потом договорились, не без Чарли, сказавшего, что вот так землю продавать не стоит, как знать, чем оно обернется, а вот аренда — дело другое.

Ну и заключили договор.

Матушка же вещи собрала. Правда, собирать было немного и... не обрадовалась она возвращению. А от Эдди отмахнулась, мол, еще не время рассказывать.

Что?

Понятия не имею.

Эдди настаивать не настаивал, матушку он всегда уважал безмерно. Вот мы и погрузились на дирижабль опять. И полетели... и летели, летели... тоска смертная, если честно. Мамаша Мо и та со мною согласилась, что тоска и есть.

Так вот, летели и прилетели, стало быть.

— Волнуешься? — Чарльз подал руку.

— Волнуюсь.

Узкая лесенка протянулась к башне. Я ступила и замерла, оглядываясь. Все то же поле. Туши дирижаблей вверху, и там, ниже, тоже. Узкая полоска залива. Вода издали кажется серой и злой, не таким я представляла море.

А город?

Город где?

— Дальше, — Чарльз указал куда-то в сторону, где небо сливалось с землей, растворяясь сизым туманом. — Пристань сделали в стороне. На всякий случай. Ничего, скоро прибудем. Тут своя железная дорога.

И зачем-то добавил:

— Нормальная.

Наверное, это хорошо. Но... я все равно волнуюсь!

Порыв ветра сорвал мою шляпу, потянул, закрутил и выкинул куда-то в зеленые гривы кустов. Почему-то в этом увиделся дурной знак.

Хотя...

Я же дракон.

Справлюсь. И с ветром. И с городом. И с остальным тоже.

А внизу нас ждали.

— Чарли! — женщина в изысканном черном платье протянула руки. — Господи, Чарли! Ты вернулся!

Чарльз же вдруг споткнулся и... смутился?

— Мама? — он потянул меня, пряча за спину. — Что ты здесь делаешь?!

А я подумала, что, если разобраться, то потерянная шляпа — это так, мелочи. Из всех примет наихудшая — мама твоего мужа, готовая удушить тебя в крепких любящих объятьях.

Конец второй части